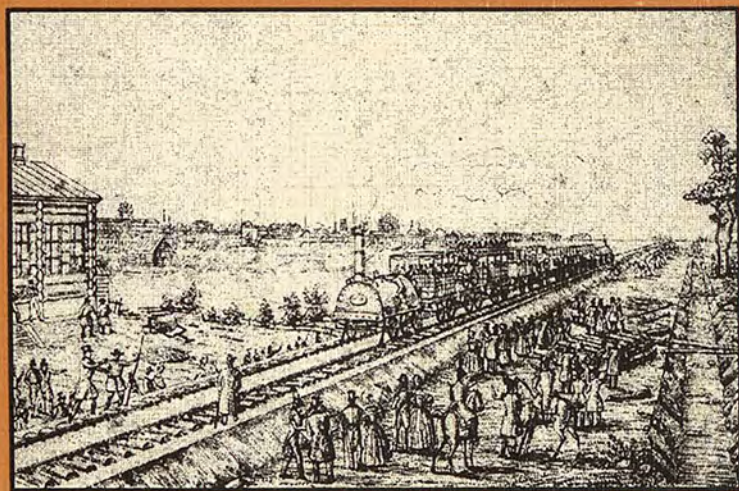

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

ГРУППА ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Выпуск III

«ПЕТЕРБУРЖЕЦ ПУТЕШЕСТВУЕТ»

Материалы конференции 3-4 апреля 1997 года

Санкт-Петербург
1998

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Выпуск III

«ПЕТЕРБУРЖЕЦ ПУТЕШЕСТВУЕТ»

Материалы конференции 3–4 апреля 1997 года

Санкт-Петербург
1998

Издание подготовлено Научно-редакционным отделом ГМИСПб

Составители Л. И. Кашпур, В. А. Фролов

Настоящий сборник продолжает музейные издания. Он составлен в основном из докладов, прочитанных на конференции «Петербургец путешествует – 2» специалистами различных направлений. Публикуемые материалы представляют интерес для музейных работников, историков, искусствоведов и для всех, кого увлекает романтика странствий.

На обложке воспроизведена гравюра Ф. Мартенса «Первый поезд из Царского Села в Петербург в 1837 году» (конец 1830-х) из собрания ГМИСПб.

© Государственный музей истории
Санкт-Петербурга, 1998
© НРО, оформление, 1998

От составителей

3–4 апреля 1997 года в Государственном музее истории Санкт-Петербурга прошла вторая конференция на тему «Петербургец путешествует»*. Она была приурочена к выставке «Таможня: между прошлым и будущим», развернутой в Комендантском доме Петропавловской крепости. Оба мероприятия еще раз продемонстрировали неисчерпаемость и перспективность изучения вышеназванной темы. Путешествия всегда были и остаются источником многообразных, подчас неожиданных впечатлений. Часто именно разного рода странствия становились причиной сближения и взаимодействия культур разных стран и народов.

Третий выпуск «Трудов Государственного музея истории Санкт-Петербурга» продолжает уже начатую публикацию материалов конференций «Петербургец путешествует». В сборник вошли статьи, подготовленные сотрудниками Государственного музея истории Санкт-Петербурга, Государственного музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, Государственного Русского музея, Государственного музея истории религии, Государственного Исторического музея, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского Педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургской Духовной Академии, Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Администрации Санкт-Петербурга.

Статья Е. Н. Мастеницы, подготовленная на материалах коллекции путешественников из библиотеки ГМИСПб, представляет собой аналитический обзор особого типа изданий, необходимых людям, отправлявшимся в дорогу.

Работа М. А. Кондрашовой посвящена уникальным музейным предметам Фонда графики городов мира и России ГМИСПб, экспонировавшимся на выставке «Петербургец путешествует».

Об истории таможенной службы в Санкт-Петербурге, строительстве Северной железной дороги и создании электромагнитного телеграфа в России рассказывается в статьях О. М. Тихомировой, Т. Г. Фруменковой, В. С. Мешкунова и В. М. Сырова. Эти небольшие исследования могут послужить началом дальнейшего изучения проблем, тесно связанных с темой путешествия.

* Первая конференция проводилась 2–3 марта 1995 г. См.: «Петербургец путешествует». Сборник материалов конференции. СПб., 1995.

Следующий ряд статей, расположенных в сборнике в тематико-хронологической последовательности, раскрывает характер и специфику странствий людей различного социального положения и материального достатка. Их путешествия отличаются друг от друга причинами, целями, географией и средствами передвижения.

Работы И. Ю. Котина, Е. И. Красновой, Е. Л. Балашовой, Н. Н. Гончаровой и Е. П. Ерохиной, а также И. Б. Верховской и Н. А. Цветковой рассказывают как об известных, так и малоизвестных деятелях, чьи путешествия были заметным явлением в истории Российского государства.

Статьи М. В. Вершевской и К. К. Чекодановой посвящены выдающимся церковнослужителям, жизнь и деятельность которых за границей дают интересный материал для изучения межконфессиональных отношений и быта русских за рубежом.

Весьма любопытным представляется рассказ В. А. Прищеповой о путешествии цесаревича Николая Александровича в Степное генерал-губернаторство. Пребывание будущего императора Николая II на Востоке способствовало комплектованию коллекции одного из отделов МАЭ и в дальнейшем помогло «установить связь поколений и почувствовать живое дыхание времени».

«Живое дыхание времени» и «связь поколений» хорошо прослеживаются по материалам, представленным М. Г. Талалаем, о строительстве странно-приимного подворья в Италии. Проблемы использования возведенного для русских паломников здания, возникшие в советский период, не решены и до настоящего времени.

Последующие блоки статей объединены темой путешествий по странам центральной и южной Азии (О. С. Хижняк, Н. С. Новотельнова, С. А. Кожин, Н. Г. Краснодубская, В. Н. Мазурина) и Испании (архимандрит Августин /Никитин/, А. М. Прищепов). Они интересны тем, что отражают наблюдения специалистов разных направлений, отправлявшихся в поездки в различное время.

На конференции также прозвучали доклады: Л. Л. Викторовой (МАЭ) «Из работ советско-монгольской историко-культурной экспедиции (1960–1980-е гг.)» и В. А. Хршановского (ГМИР) «Восточный Крым первой трети XIX в. в описании Поля Дюбрюкса — "француза из Петербурга"»*.

Государственный музей истории Санкт-Петербурга и в дальнейшем предполагает проводить конференции на тему «Петербургец путешествует». Мы надеемся, что эта тема не оставит читателей равнодушными.

* См.: Хршановский В. А. Первый крымский археолог // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. СПб., 1995. С. 30–35.

Е. Н. Мастеница

**Круг чтения русского путешественника
в конце XIX — начале XX века
(по материалам коллекции
путеводителей библиотеки ГМИСПб)**

Желание человека узнать как можно больше о тех местах, которые он собирается посетить во время путешествия, всегда было естественным и понятным. Однако возможности почерпнуть информацию о стране, ее истории, природе, культуре, нравах и обычаях жителей у русского путешественника долгое время были весьма ограничены. В XVIII — первой половине XIX века сведения такого рода он мог получить из единичных публикаций путевых заметок, дневников, мемуаров или писем соотечественников, посетивших европейские страны, из немногочисленных переведенных на русский язык и изданных в России сочинений иностранных авторов или из приобретенных за рубежом изданий, в которых содержались сведения по истории и описывались достопримечательности зарубежья. Записки путешественников отражали впечатления и настроения авторов, содержали размышления и рассуждения по поводу увиденного, что позволяет рассматривать их как произведения особого жанра художественной литературы. В качестве примеров можно привести имеющиеся в библиотеке ГМИСПб описания путешествий Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча, А. И. Левшина, В. М. Строева, переведенные письма французского писателя М. Пужула, путевые заметки иностранных авторов¹.

Во второй половине XIX века изменились характер, способы и цели путешествий. Быстрое развитие русской промышленности и торговли поставило Россию перед необходимостью установления зару-

© Е. Н. Мастеница

бежных контактов. В связи с интенсивным развитием средств передвижения (железные дороги, пароходы, автомобили) путешествия стали более доступными и более массовыми, со временем превратившись в туризм. Обнаружили склонность к заграничным путешествиям, наряду с русской аристократией, известными учеными и коммерсантами, преподаватели университетов и студенты, учителя и учащиеся гимназий, причем не только из Петербурга, Москвы, Одессы, но и жители отдаленных уголков Российской империи. «Благодаря быстроте и удобству перемещений, представляется возможным каждому благоразумному человеку, даже при самых ограниченных средствах, прогуляться по Европе вдоль и поперек, посетить наиболее замечательные места, познакомиться с жизнью разных иностранных народов, позаимствовать у них полезное и через несколько недель вернуться домой с новыми познаниями, новыми впечатлениями, новыми силами»².

В связи с этим в последней четверти XIX — начале XX века возникла необходимость обеспечить русского путешественника специальной литературой, способной помочь ему в подготовке к путешествию и в ориентировании на месте по прибытии в другую страну. Таким специальным изданием стал путеводитель — «книга, содержащая описание какой-либо области и страны и служащая руководством для путешественников»³. Именно вторая часть данного определения, то есть практическая направленность, утилитарность, адресный характер издания, — определяющий признак путеводителей конца XIX — начала XX века. Такое издание предназначалось не для увлекательного чтения или пассивного отдыха, а было призвано стать универсальной карманной энциклопедией, добрым советчиком и надежным помощником в путешествии.

В библиотеке ГМИСПб коллекция путеводителей, изданных в указанный период, насчитывает более 400 книг, весьма различных по жанру и выбору географических объектов. Однако их общая отличительная черта — это систематичность, краткость описаний, обязательное наличие иллюстраций и обширного вспомогательного материала в виде карт, планов, таблиц, схем. Преобладают путеводители на немецком, французском и английском языках, количество которых в несколько раз превосходит издания на русском.

Цель данной публикации заключается в попытке комплексного анализа музейной коллекции путеводителей по европейским странам и городам, опубликованных на русском и иностранных языках в конце XIX — начале XX века. Путеводитель как специальное издание, рассчитанное на самый широкий круг читателей, является объектом целостного рассмотрения с позиций источниковедения, книговедения

и музееведения. Географические рамки исследования ограничиваются странами Западной Европы, что обусловлено в первую очередь составом изучаемого собрания.

Музейная коллекция включает в себя путеводители по европейским странам, регионам (провинциям, землям, областям, департаментам, губерниям), городам и отдельным районам городов. Довольно широко представлены путеводители по немецким землям (Бавария, Вюртемберг, Саксония, Тюрингия, Швабия) и по крупнейшим городам (Берлин, Бремен, Веймар, Гамбург, Ганновер, Дюссельдорф, Гейдельберг, Данциг, Дрезден, Кельн, Лейпциг, Любек, Майнц, Мюнхен, Франкфурт-на-Майне). Они содержат краткие исторические сведения, детальное описание маршрутов путешествий, достопримечательностей и памятников, карты регионов и планы городов. Изучение коллекции показывает, что в Германии почти для каждого маленького местечка, не говоря о крупных городах и о стране в целом, имелись тщательно составленные отдельные путеводители⁴. Немецкие путеводители отличаются детальной разработанностью маршрутов и их вариативностью, что предполагало широкие возможности выбора путешественником мест посещения и остановок.

Особую группу составляют путеводители и справочные книги по морским и водным курортам Германии: Ахену, Баден-Бадену, Вильдбаду, Висбадену, Кисингену, Кольбергу, Наугейму, Фридрихсроду, Эмсу⁵.

В конце XIX века число русских, отправлявшихся за границу не столько с целью отдохнуть, сколько поправить здоровье, увеличивалось с каждым годом. Литература по курортологии ставила себе задачей познакомить русскую публику, выезжавшую лечиться в Германию, Бельгию, Данию, Австро-Венгрию, Италию, Францию, Швейцарию и другие страны, а также русских врачей с известнейшими курортами, морскими купаниями и санаториями. Путеводители в краткой форме содержат сведения о географическом положении курортов, климатических условиях, о рекомендуемых средствах лечения в зависимости от характера болезни и ее продолжительности⁶.

Издание путеводителей в силу их растущей популярности становилось серийным. В сериях выходили путеводители не только по немецким землям и городам, но и другим европейским странам, а также по городам мира. На первый план выдвигалась фигура составителя, который зачастую являлся и издателем путеводителей, а затем его имя получала основанная им серия путеводителей. Так, в собрании ГМИСПб имеются книги из серии «Handbook for travellers», состави-

телем и издателем которых был Джон Муррэй (1808–1892). Сын известного английского книгоиздателя, он прославился не только изданием серьезной научной литературы, но и серией путеводителей на английском языке. Французский писатель-географ Жоанн-Адольф Лорен (1813–1881) составил и издал подробные описания отдельных департаментов и городов Франции, а затем эти материалы были положены в основу серии путеводителей «Collection des Guides-Joanne»⁷.

Оригинальное художественное оформление, удобный для путешественника формат и, что самое главное, систематичность, лаконизм и практическая направленность содержания делали весьма привлекательными книги из серий «Grieben Riese-Bibliothek»⁸, «Meyers Reisebücher»⁹, «Woerl's Reisehandbücher»¹⁰. Книги из других серий «Beckmann Führer», «Piltz'sche Reiseführer», «Bruckmann's illustrierte Reiseführer», «Volckmanns illustrierte Führer für Land und Meer» представлены в коллекции музея единичными экземплярами.

Начало самой известной серии путеводителей, выходивших на немецком, французском и английском языках и получивших широкое распространение в мире, положил известный немецкий автор-составитель и книгоиздатель Карл Бедекер (1801–1859). Благодаря умелому отбору материала, редкой добросовестности и тщательности в составлении описаний местностей, которые Бедекер посещал лично, компактности изложения, высокому для того времени полиграфическому уровню издания пользовались широкой популярностью и большим спросом в России. В библиотеке ГМИСПБ имеются выдержавшие до десяти и более изданий путеводители Бедекера по Парижу и его окрестностям, Бельгии и Голландии, Швейцарии, Германии, а также изданные уже после смерти Бедекера его сыновьями путеводители по России и Петербургу, Италии, Греции¹¹. К сериям путеводителей примыкают отдельные иллюстрированные издания. Наиболее часто встречаются путеводители по Афинам, Будапешту, Варшаве, Вене, Венеции, Лиссабону, Лондону, Мадриду, Осло, Парижу, Праге, Риму, Стокгольму и Флоренции.

Европейский турист никогда не отправлялся в путешествие, не изучив предварительно путеводитель и не выбрав подходящий маршрут, поэтому традиция серийного издания справочной литературы для обеспечения туристов необходимой информацией сразу же закрепилась и активно развивалась в крупнейших европейских странах. В России подобного обыкновения не было, да и пособий почти не имелось. «Отсюда — беспомощность русского за границей, вошедшая в поговорку, то впечатление беспорядочности, которое он производит, и полное неумение использовать свое путешествие, взять все, что оно способно ему дать»¹². Эта мысль побуждала книгоиздателей к созда-

нию серий путеводителей на русском языке по городам и странам Западной Европы и звучала лейтмотивом в предисловиях к ним. Так, П. Копельман основал серию «Русский Бедекер». Образцом, судя по названию серии и оформлению книг (формат, переплет красного цвета), послужили издания Бедекера, ставшие настолько популярными, что слово «бедекер» использовалось в качестве синонима слову «путеводитель». Первыми в серии «Русский Бедекер» вышли в 1908 году путеводитель по Берлину, затем Парижу и Вене с описанием окрестностей городов, а также художественных и научных коллекций музеев. Книги снабжены полихромными планами городов и музеев, алфавитным указателем и кратким словарем необходимых путешественнику слов и выражений. Книги издавались в Санкт-Петербурге в типографии Ф. Вайсберга и П. Гершунина (Екатерининский канал, 71-6).

Путеводители из серий «Baedeker» и «Meyer's Reisebücher» явились основным источником для многотомного «Путеводителя по Европе», издававшегося редакцией журнала «Всемирный путешественник». Издатель Якубович фактически предпринял переиздание переводов книг названных серий с незначительными сокращениями. Особой популярностью пользовались путеводители Якубовича по Италии.

Материалы знаменитых зарубежных серий «Baedeker» и «Guides Joanne» использовались также в серии «Бедекер-Жоанн» на русском языке. Иногда тексты переводов дополнялись извлечениями из сочинений отечественных авторов. Так, в качестве примера откровенно компилятивного издания можно привести «Путеводитель по Ривьере от Марселя до Генуи с чертежами», изданный в Ницце в 1910–1911 годах. Очевидно, ввиду большого наплыва на Ривьеру путешественников из России и отсутствия на русском языке путеводителя по этой береговой полосе Средиземного моря, было оперативно составлено вышеназванное издание. Оно содержало переводы описаний популярных маршрутов из известных путеводителей и отрывки из трудов других авторов, упомянутых переводчиком в предисловии.

На основе заимствованной у иностранцев идеи об издании специальной серии для тех, кто едет в Западную Европу не только ради путешествия, но и для поправки здоровья, было начато издание серии «Дорожный товарищ». Первый выпуск был посвящен Южным климатическим станциям Западной Европы (Австро-Венгрия, Итальянские озера, Женевское озеро, Ривьера, юго-западная Франция, южная Италия). Содержание серии «Дорожный товарищ» вполне соответствует названию, так как включает в себя сведения о климатических условиях южных курортов, необходимые рекомендации для пребывания

на курортах осенью, зимой и весной. Редакция видела свою задачу в том, чтобы «в своих описаниях сообщать в краткой форме все то, что может интересовать не только больного, но и здорового туриста»¹³, ибо русский путешественник, «приехав издалека и затратив сравнительно большую сумму на проезд, всегда пользуется случаем, чтобы познакомиться не только с местом своего пребывания, но и с близлежащими городами и странами»¹⁴.

В начале XX века на смену переводным и компилятивным справочникам, разнообразным модификациям западных путеводителей пришло новое поколение изданий на русском языке, сочетавших огромный массив систематизированной информации и зарубежный опыт. Восполнить отсутствие в отечественной литературе специальных путеводителей по главным городам Западной Европы были призваны книги из серии «Русский турист. Путеводитель по Западной Европе»¹⁵. Авторы полагали, что «многочисленные французские, немецкие и английские путеводители не могут удовлетворять требованиям русской путешествующей публики, не всегда владеющей иностранными языками в достаточной степени, чтобы пользоваться необходимыми для туриста указаниями, которые в изобилии содержатся в вполне добросовестно составленных трудах Бедкера, Мейера, Жоанна и др.»¹⁶. Аналогом данной серии может рассматриваться выдержавший восемь изданий путеводитель «Русский за границей. Путеводитель по Западной Европе для русских путешественников»¹⁷. Издание содержит краткие, но столь необходимые путешественнику сведения о расстояниях и способах его преодоления различными видами транспорта, о достопримечательностях (замки, ратуши, соборы, дворцы, крепости, кладбища и пр.), о музеях, театрах, библиотеках, ботанических садах, гостиницах, пансионатах, ресторанах и кофейнях, извозчиках с указанием цен за услуги в Германии, Италии, Франции и Швейцарии. Вся информация сосредоточена в одном томе, что делает его чрезвычайно удобным в путешествии. В отличие от иноязычных путеводителей издания на русском языке обращали внимание читателя на действующие за рубежом православные храмы, особо отмечали места, связанные с памятными историческими событиями. Например, подчеркивалась обязательность для туриста, особенно русского, экскурсии в Андерматт, в Центральной Швейцарии. «Пропустить Андерматт на линии С.-Готтардской дороги русскому туристу непозволительно, потому что с Андерматтом связано посещение исторического Чертового моста, а у этого последнего воздвигнут теперь памятник в честь фельдмаршала Суворова-Рымникского, героя великой европейской кампании против Наполеона I <...>»¹⁸.

Особенность новых серий заключалась в том, что издания становились адресными, старались максимально учесть разнообразные интересы и потребности путешественников и «удовлетворить любознательность русского туриста, для которого весь строй западноевропейской жизни представляется во многих отношениях совершенно чуждым и новым»¹⁹. Так, для кратких поездок и для деловых людей была предназначена книга из серии «Путеводитель для тех, кому время дорого»²⁰. Информация в ней дана в сжатой, почти конспективной форме. Для поездки за границу с образовательной целью «широких слоев русского интеллигентного общества» московское издательство «Образовательные экскурсии» предприняло издание двух серий культурно-образовательного характера — «Страны Западной Европы» и «Культурные центры Европы»²¹, а также двух серий справочного характера «Справочники-путеводители» и «Дорожные словарики» в едином художественном оформлении. Такой дифференцированный подход к вкусам и требованиям путешественников позволял им предварительно подготовиться и использовать предстоящую поездку наиболее целесообразно и продуктивно. Издание было рассчитано на невиданного ранее за границей русского туриста — «трудового интеллигента, который едет туда уже со специальной целью пополнить общее образование»²². Издатели видели главное предназначение этих серий в том, чтобы путеводители помогали не только «ориентироваться в массе новых впечатлений», но и обращали «внимание на те стороны заграничной жизни, которые заслуживают наибольшего внимания с точки зрения образования как научного, так и эстетического»²³. Справедливости ради следует отметить, что содержание и оформление названных серий вполне отвечало заявленным высоким целям и благородным задачам.

Составлялись специальные путеводители для путешественника, отправлявшегося за границу лечиться. Так, постоянно проживавший в Висбадене доктор А. Б. Левин предпринял издание на русском языке серии «Спутник по немецким курортам»²⁴. Хорошо зная мировой курорт Висбаден в медицинском, топографическом и бытовом отношении, Левин подготовил «краткую, но толковую книжку, которая могла бы заменить — насколько это возможно — сведущего и добросовестного чичероне»²⁵.

Желание сохранить не только репутацию, но и содержимое кошелеков своих соотечественников отчетливо прослеживается в замысле путеводителей, предназначенных для людей, занимавшихся коммерческой деятельностью. Например, такие путеводители составлялись специально для участников и гостей всемирных промышленных выставок²⁶. Так, Е. Львов-Кочетов при составлении первого рус-

ского путеводителя по Вене использовал не словесные и печатные немецкие источники, а сведения, добытые и тщательно проверенные в результате личного пребывания в стране. По его мнению, «иностранныцы убеждены, что мы все русские богаты страшно казною, а притом так чванливы и глупы, что позволяем себя стричь как овец. Все это ведет к тому, что чистый и незлобивый сердцем русачок является домой общипанный как петух»²⁷. Автору пришлось «во многом изобличать почтенных немцев», поэтому понятна его просьба «не вменять в вину резкие отзывы о них, тем более, что не антагонизм к этой великой нации, а только искреннее желание быть полезным <...> соотечественникам»²⁸ руководило им в данном случае.

Отметим, что составители новых серий путеводителей на русском языке стремились избежать ошибок предшественников. Это ярче всего проявилось в стремлении уйти от сухой и скучной компиляции исторических очерков и статистических материалов и руководствоваться личным опытом «наших за границей», предостерегавшим путешественника от комических и трагикомических казусов.

Идя навстречу возросшему потоку русских туристов, справочные бюро крупнейших курортных городов в Европе стали выпускать путеводители не только на немецком, английском и французском, но и на русском языке. Так, основанное в 1901 году справочное бюро в городе Бад-Наугейме бесплатно выдавало путеводитель при покупке курортной карты, а также рассылало бесплатно по требованию²⁹. Тираж такого рода путеводителей достигал 21 000 экземпляров.

Постепенно составители изданий на русском языке отошли от общепринятой маршрутной системы расположения материала в путеводителях, предоставляя информацию по странам. По этому принципу построен путеводитель «Западная Европа. Спутник туриста» под редакцией С. Н. Филиппова³⁰. «Цель этой книги — помочь едущему за границу русскому туристу ознакомиться с заслуживающими внимания достопримечательностями Запада при наименьшей затрате времени и средств и без помощи всевозможных гидов, проводников и т. п. лиц»³¹. Книга, действительно, проста и удобна в пользовании, написана понятным и доступным языком, лишена дидактизма и является настоящим «спутником туриста, т. е. образованным и сведущим дорожным товарищем, могущим ответить на разнообразные вопросы, возникшие в пути»³². Помимо географических, статистических, финансовых, железнодорожных и др. сведений, цветных планов и карт, читатель может найти краткие очерки истории искусства, бытовые подробности, вплоть до правил игры в рулетку и транз-э-карт, а

также краткий русско-французско-немецко-английско-итальянский дорожный словарь. Издатели предусмотрительно позаботились также о том, чтобы снабдить путешественника сравнительной таблицей времени, таблицами соотношения русских и иностранных мер, перевода градусов температуры и списком на русском и латинском языках аптечных средств на случай заболеваний, не требующих врачебной помощи. Все это свидетельствует о том, что издание такого высокого содержательного и полиграфического уровня можно смело поставить в один ряд с лучшими образцами путеводителей, выпускавшихся в это время за рубежом.

Впервые предпринятая попытка анализа коллекции путеводителей библиотеки ГМИСПб позволила рассмотреть характер изданий, составлявших круг чтения русского путешественника в конце XIX — начале XX века. Это были преимущественно путеводители, весьма разнообразные по способу подачи и изложения материала. Вначале русскому путешественнику приходилось пользоваться главным образом путеводителями на иностранных языках, но вскоре отечественные авторы и издатели, пережив период подражания и ученичества, смогли предложить читателям издания, тщательно продуманные по содержанию и структуре и составленные с учетом особенностей русской публики. Путеводители в основном были рассчитаны на путешественника, обладавшего скромными средствами и не стремившегося пожить за границей на широкую ногу, не владевшего или плохо владевшего иностранными языками. Вследствие этого путеводители содержали массу полезных бытовых советов и тактичных рекомендаций. Большинство авторов и составителей, безусловно, принадлежало «к числу людей, убежденных в важном образовательном и воспитательном значении личного ознакомления человека с чужими краями»³³. Нельзя не согласиться с мыслью о том, что, «как ни обстоятельно было бы знакомство с ними (чужими краями — Е. М.), почерпнутое из книг, газет или рассказов, личные впечатления, приносимые пребыванием в чужой стране, дают всему узанному новое, живое освещение и нередко опрокидывают прежние, заочно составленные представления»³⁴.

В заключение отметим многообразие подходов к дальнейшему изучению и использованию книжных коллекций музея:

— путеводители являются важным историческим источником, ибо они содержат, как правило, объективные географические, исторические, топографические, статистические данные о странах и городах. Эта собранная воедино информация может служить основой страноведческих и историко-культурных исследований;

— путеводители — это своеобразная книжная продукция. Они издавались для активного чтения во время путешествий и прогулок. Функциональность изданий проявлялась не только в четко структурированном содержании, регламентации маршрутов, но и в использовании качественной бумаги и переплетных материалов, цветовом, преимущественно полихромном, оформлении. Малоформатные издания, снабженные большим количеством иллюстраций, были полезны, удобны и потому охотно приобретались практичными путешественниками;

— специфика книги в музее заключается в том, что она является прежде всего музейным предметом, то есть вещественным памятником определенной эпохи. Зачастую ее судьба тесно связана с судьбой владельца или его книжного собрания. В этом аспекте важно изучение истории бытования книг, следы которой мы находим в автографах, дарственных надписях, маргиналиях, экслибрисах, владельческих переплетах, штампах, наклейках. Путеводители представляют несомненный интерес с точки зрения привлекательности и выразительности музейных предметов, что открывает большую перспективу их экспозиционного использования. Подтверждением этому может служить первый опыт их показа на выставке «Петербургец путешествует» (1995–1996).

¹ См.: Булгарин Ф. Летние прогулки по Финляндии и Швеции в 1838 году. СПб., 1839; Греч Н. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб., 1839; Левшин А. Прогулки русского в Помпеи. СПб., 1843; Строев В. Париж в 1838 и 1839 годах. Путевые записки и заметки. Ч. 1. СПб., 1842; Пужула М. Тоскана и Рим в 1838 и 1839 годах. Письма из Италии. Ч. 1–2. СПб., 1842; Kohl J., Reisen im Inneren von Russland und Polen. Dresden und Leipzig, 1841.

² Люцерн, озеро четырех кантонов и большие экскурсии по Швейцарии. Путеводитель. Сост. Д. Федоров. Цюрих, 1898–1899. С. 1.

³ Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXVa. СПб., 1898. С. 811.

⁴ Например, Hartvig, Theodor. Handbuch durch Sudbaern, Tyrol, Vorarberg, Salzburg und das Salzkammergut. München, 1842, или Deutschland in einen Bande. Berlin, 1903.

⁵ В качестве примера можно привести справочные издания обзорного характера: Almanach für Bade-Reisende auf 1863. Berlin, 1863; Fleschig, Robert. Bader Lexikon. Leipzig, 1889 и путеводитель по конкретному курорту: Führer durch die Bader und Luftkurorte des Taunus, Mittelrheins und ungrenzender Gebiete. Wiesbaden, 1909.

⁶ Например, Mannl, Rudolf. Karlsbad in Topographischer, medizinischer und geselliger. Karlsbad, 1865; Kisch, E. Heinrich. Marienbad, seine Umgebung und Heilmittel. Marienbad, 1896.

⁷ В качестве примеров можно привести путеводители Environs de Paris. Paris, 1907; Le Nord. La Champagne et L'Ardenne. Paris, 1911.

⁸ Dresden, Dresdens Umgebungen und die Sächsische Schweiz. Praktisches Handbuch für Reisende. Berlin, 1888; Karlsbad und Umgebung. Praktischer Führer für Kurgäste und Touristen. Berlin, 1910–1911; Heidelberg und Umgegend. Praktischer Führer. Berlin, 1904–1905; Kleiner Führer durch Hamburg. Berlin, 1906–1907.

⁹ Paris und Nord-Frankreich. Leipzig, 1880; Ravenstein E. G. London. England und Schotland. Hildburghausen, 1871.

¹⁰ Führer durch Konstantinopel und Umgebung. Leipzig, 1901; Führer durch Venedig. Würzburg und Leipzig, 1896.

¹¹ Holland und Belgien. Coblenz, 1858; Baedeker, Karl. Rußland. Europäisches Rußland, Eisenbahnen in Ruß-Asien, Teheran, Peking. Handbuch für Reisende. Leipzig, 1904; Baedeker, Karl. St.-Petersburg und Umgebung. Handbuch für reisende. Leipzig, 1913; Baedeker, Karl. Italien. Handbuch für Reisende. Leipzig, 1879; Baedeker, Karl. Griechenland. Handbuch für Reisende. Leipzig, 1883.

¹² Берлин. Описание города и его окрестностей и путеводитель по музеям. СПб., 6. г. С. 1.

¹³ «Дорожный товарищ». Вып. 1. Южные климатические станции Западной Европы. СПб., 1908. С. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ С. М. Л. Париж. М., 1894/5.

¹⁶ Там же. С. 3

¹⁷ Русский за границей. Путеводитель по Западной Европе для русских путешественников. Берлин, 1905.

¹⁸ Там же. С. 257

¹⁹ С. М. Л. Париж. М., 1894/5. С. 3.

²⁰ Париж в 14 дней. Сост. К. Горлов. СПб., 1900.

²¹ Грифцов Б. Рим. М., 1914.

²² Там же. С. 257

²³ Там же.

²⁴ Висбаден. Сост. А. Б. Левин. Берлин, 1907/08.

²⁵ Там же. С. 7.

²⁶ Львов-Кочетов Е. Единственный русский путеводитель по Вене с планами выставки и города. М., 1873.

²⁷ Там же С. 4.

²⁸ Там же. С. 6.

²⁹ Путеводитель по курорту Бад-Наугейм. Дармштадт, б.г.

³⁰ Западная Европа. Спутник туриста. Под ред. С. Н. Филиппова. М., 1903.

³¹ Там же. С. 7.

³² Там же.

³³ Путеводитель на выставку в Париж через Берлин и Кельн. Спутник и собеседник русского туриста. Сост. А. Редькин. СПб., 1900. С. 4.

³⁴ Там же.

М. А. Кондрашова

Фонд графики городов мира и России Государственного музея истории Санкт-Петербурга и его раритеты на выставке «Петербургец путешествует»

Выставка «Петербургец путешествует» была открыта 8 февраля 1995 года в залах Комендантского дома Петропавловской крепости и продолжалась до лета 1996 года. Она пользовалась успехом у посетителей, о чем свидетельствуют многочисленные отзывы. То, о чем может рассказать экспонат выставки, не всегда лежит на поверхности. За именем автора, сюжетом и техникой исполнения, датой и годом включения в состав музейного собрания часто стоит целая история. О нескольких таких историях и пойдет речь ниже.

Более ста пятидесяти произведений графики и живописи были отобраны из Фонда графики городов мира и России (далее ФГГМиР) ГМИСПб. Само наличие коллекций фонда в музее послужило поводом для создания этой выставки.

Один из самых старых фондов музея, ФГГМиР ведет свое начало с момента возникновения в 1918 году Музея Города, основная экспозиция которого рассказывала о зарождении, развитии и различных исторических этапах мирового градостроительства. Коллекции ФГГМиР активно комплектовались в первые послереволюционные годы, когда оставались брошенными дворцы, библиотеки и множество книжных складов. Не имея возможности подробно останавливаться на всех источниках формирования фонда, упомянем лишь Государственный книжный фонд.

Довольно подробные сведения о нем содержатся в «Записках старого книжника» (М., 1965), автором которых был петербургский букинист Ф. Г. Шилов. По его словам, после революции при библиотеч-

ном отделе Наркомпроса в Петрограде был образован Центральный комитет государственных библиотек. В его задачи входила национализация, покупка и охрана библиотек. Заведующим закупочной комиссией был назначен известный поэт и переводчик М. Л. Лозинский, консультантом — Шилов. При комитете был создан Государственный книжный фонд, который помещался на первом этаже дома № 20 по набережной реки Фонтанки, где тогда находилась Книжная палата. Шилов вспоминал, что, обследуя для фонда книжные склады, он насчитал в них около трех миллионов томов. Впоследствии, работая уже для библиотеки «Всемирная литература», Шилов сам неоднократно бывал в Книжном фонде для отбора нужных ему книг. Подтверждением тому, что сотрудники Музея Города регулярно посещали Книжный фонд, служат многочисленные карандашные пометки на переплетах изданий, входящих в состав собрания ГМИСПб. В книге поступлений Музея Города за 1924 год сохранилась вклеенная справка хранителя П. В. Ковальской-Ильиной, которая свидетельствует о том, что в Книжном фонде были отобраны 1 300 иллюстрированных изданий, путеводителей, фотографий, планов городов, причем по России — 329 книг, а по Западной Европе — 393.

Теперь в ФГГМиР хранится лишь малая часть тех богатых коллекций, которые удалось собрать за годы существования Музея Города. Начавшийся с конца 1920-х годов разгром музея привел к распродаже или, в лучшем случае, раздаче его обширных собраний по другим музеям.

Анализ тематического и количественного состава фонда (основной принцип систематизации которого географический) показывает, что петербуржцы более всего любили ездить по Западной Европе и по России. В Европе они отдавали явное предпочтение Франции и Италии. Эти страны часто являлись конечной целью путешествий. В них можно было попасть через Германию, Австрию или Швейцарию, где тоже были свои излюбленные туристами города, курорты или чудеса природы. Странствующий по России житель северной столицы чаще всего бывал в Москве. В первопрестольную стекалось множество народа, особенно во время коронационных торжеств. Отправляясь в свои имения или на курорты, петербуржцы совмещали деловые поездки с осмотром попутных достопримечательностей. Особое место среди путешествий занимали паломничества по святым местам России. Собираясь в дорогу, путешественники приобретали видовые изображения тех мест, которые влекли их. В дальнейшем эти изображения помогали сохранить память о поездках, и именно они составляют теперь основное богатство фонда.

© М. А. Кондрашова

В развитии жанра видовой композиции каждый век отдавал предпочтение определенной технике. В XVIII столетии, когда круг путешественников был ограничен благородным сословием, мастера ведуты предпочитали работать в сложных техниках офорта, акватинты или гравюры очерком, иллюминированной акварелью. Видовая гравюра переживала свой расцвет, вершиной которого стал виртуозный цикл видов Рима итальянца Дж.-Б. Пиранези. Для этого времени характерно создание серий гравюр большого формата, авторы которых, стремясь к успешной их распродаже, добивались привилегий на издание от королей или иных титулованных особ, что сразу обеспечивало появление целого круга великосветских подписчиков. Примером этому могут служить представленные на выставке ведуты Флоренции резца Дж. Ваззи или «Вид Серебренических бань на реке Яузе в Москве». Эта гравюра поступила в музей из собрания императора Александра III. Она входила в знаменитую черно-белую серию 12-ти видов Москвы, выполненную по рисункам французского художника Ж. Делабарта. Над ее исполнением трудились лучшие граверы Европы. Среди них — Г. Гуттенберг, который за свои заслуги в области искусства гравюры был похоронен рядом с А. Дюрером во дворе церкви св. Иоанна в Нюрнберге. Наибольшее число сюжетов московской серии выполнил не менее замечательный мастер офорта М. Г. Эйхлер, который и был соавтором Делабарта в гравюре «Вид Серебренических бань». Интересен ее сюжет: в хрустально чистых водах Яузы купаются обнаженные москвичи обоего пола. Удивительно, что неоднократно запрещенные Уставом благочиния общие бани еще существовали в 1796 году, когда их увидел художник.

Известно, что кисти Делабарта принадлежат 16 картин и 16 таких же акварелей с видами Москвы. 15 картин теперь находятся в собрании Русского музея. Акварели же попали в руки И. Валзера — швейцарца по происхождению, купца I-ой московской гильдии, который решил издать графический цикл француза. Сначала Валзеру удалось добиться привилегии императрицы Екатерины II, но после ее смерти предприимчивый издатель представил два вида серии Делабарта новому императору Павлу I. Виды понравились, и Павел I «высочайше дозволяет» публикацию всего цикла. Черно-белая двенадцатисюжетная серия появилась в 1799 году. Успех ее был настолько очевиден, что Валзер в 1800-х годах предпринял ее второе издание, но в новой технике — гравюры очерком, раскрашенной акварелью, которая была популярна в первом десятилетии XIX века. В эту серию вошли уже все 16 сюжетов Делабарта. Над ней работали французские граверы.

Несмотря на сохранявшуюся популярность и дальнейшее развитие видовой гравюры, XIX век — это время расцвета и триумфа видовой литографии, которая была широко представлена на выставке «Петербургский путешественник». Наиболее широкое распространение видовая литография нашла во Франции, где с начала XIX века открывались литографские мастерские. Интересно, что новая техника позволяла существенно увеличить тиражи изданий, так как сословный круг покупателей и путешественников в это время расширился. Однако, несмотря на свою массовость, старинные литографии теперь чрезвычайно редки. Это произошло потому, что виды сошлифовывались с камня каждый раз, когда необходимо было приступить к созданию новой композиции. В этом заключалось одно из любопытных отличий литографии от гравюры, медные клише которой, как правило, сохранялись, что позволяло после некоторой реставрации выполнять новые отпечатки старинных видов.

Наиболее известные первые литографские мастерские, открытые в Париже, принадлежали Ланглуе, Ф. Ш. Ластейри, Г. Энгельману. Последний в дальнейшем стал изобретателем хромолитографии.

В 1828 году в Париже была создана ставшая известной всему миру фирма Ж.-Р. Лемерсье, которому видовая литография обязана апогеем своего развития в 1830–1850-х годах. На выставке экспонировалось много видов, выполненных в этой мастерской. Лемерсье родился в Париже в 1803 году в семье корзинщика и совсем юным начал работать в литографской мастерской, где вскоре достиг такого мастерства, что многие художники желали печатать свои работы лишь с камней, сделанных его руками. В 1825 году литограф имел уже свой собственный станок в печатне Ланглуе, а затем откупил половину лицензии у ее владельца. С этого времени скромное ателье стало местом встреч известных художников и литографов Франции. Дело Лемерсье расширялось, и наконец его собственная типография обосновалась на улице Сены. В настоящее время в ней размещается редкий музей, в котором хранятся более 50 000 литографских камней.

Представленные на выставке раскрашенные акварелью литографированные виды Вандомской площади или улицы Риволи в Париже, а также виды Москвы и Бородины были выполнены в мастерской Лемерсье по заказу издательницы С. Ю. Дациаро. В литературе можно встретить упоминание о Дациаро как об издатель-мужчине, перед фамилией которого стоит инициал «И». Однако наиболее вероятно, что буква «И» указывает не на имя, а на род деятельности Дациаро. Подтверждением этому служит книга Т. Готье «Путешествие в Россию», где имеется следующее упоминание: «У самого начала Невского

проспекта парижанин прежде всего обратит внимание на вывеску с именем Дациаро над магазином эстампов. Такую же точно вывеску на Итальянском бульваре в Париже он, конечно, хорошо знает». И далее идет пояснение: «Дациаро Стелла Юдитта — владелица магазина эстампов (Невский пр., 1). Жила в том же доме в кв. 9. В 1840–1850-х гг. Дациаро издавала многочисленные литографии с видами Петербурга и Москвы, а также другие серии, печатавшиеся в Париже в литографии Лемерсье» (М., 1988. С. 40). На литографиях, хранящихся в ФГГМиР, имя Дациаро встречается часто.

Помимо видовой графики, в нескольких залах выставки были представлены карты из собрания Фонда картографии городов мира. Коллекция карт и планов Музея Города была обширной. Теперь она насчитывает около 3 500 единиц хранения. Из этого числа лишь пять вошли в экспозицию. С первых же дней работы выставки особый интерес посетителей привлекала «Карта России и племен, ее населяющих» 1869 года. Больших размеров, яркая, нарядная, выполненная в технике хромолитографии, она интересна этнографическим содержанием. Композиция карты построена так, что основным в ней становится красочный бордюр из картинок-клеем, опоясывающих карту по периметру. На этих картинках наглядно и тщательно воспроизведены национальные костюмы представителей многих народностей, живших тогда в России. Примечательно, что рисунок, с которого была сделана карта, также хранится в собрании ГМИСПб, и это является большой редкостью.

Автором карты России был Нестор Александрович Теребнев. Год и место его рождения пока неизвестны. Знакомство с документами РГИА помогло установить, что в 1851 году Теребнев стал учеником Академии художеств «по классу голов». Последнее обстоятельство позволяет предположить, что художник мог родиться в первой половине 1830-х годов или немногими годами ранее. На экзаменах 31 марта того же года Теребнев получил номер 41, после чего уже не состоял в числе учеников¹. Эти сведения даны в справке инспектора К. Шрейнцера, которая была приложена к двум прошениям Теребнева, адресованным в Совет Императорской Академии художеств в 1862 году. В первом прошении Теребнев, служивший в этот момент по «искусственной части» на Главном механическом паровом заводе города Кронштадта, сообщал, что, получив первоначальное образование по художественной части в Академии художеств, он уже несколько лет по службе и в свободное время занимался искусством. Теперь же он желал бы получить звание художника и представил на суд Совета проект церкви (фасад, поперечный разрез

и план), который был сделан им без предварительной цели и только в свободное от служебных занятий время. В этом же прошении Теребнев просил задать ему программу для получения звания архитектора².

Прошение было послано из Кронштадта 23 июня 1862 года, а 19 августа того же года Теребнев вновь обратился в Совет. Теперь автор прошения сообщал, что решил сам сделать проект по заданной ранее программе на звание некласного художника³. Теребнев просил рассмотреть этот проект и допустить его на конкурс для получения звания классного художника. Как и в первом прошении, автор сделал приписку о своем постоянном жительстве в Кронштадте.

В первый раз оба прошения были рассмотрены на заседании Совета Академии художеств 8 декабря 1862 года⁴. На нем было решено допустить Теребнева к программе для сочинения эскизов в класс академии.

Еще раз имя Нестора Теребнева встретилось в журнале Совета за 1863–1864 академический год⁵. На заседании от 9 ноября 1863 года было определено «дозволить явиться на конкурс 11 числа сего Ноября ищущим звания свободного художника по архитектуре ученикам Академии: Павлу Носкову, Ивану Степанову <...> бывшему ученику Нестору Теребневу <...>»⁶. Судя по всему, Теребнев так и не получил звания некласного художника за свои ранее представленные в Совет проекты.

11 ноября 1863 года состоялся конкурс. В нем участвовал двадцать один соискатель. Уже через два дня 13-го ноября в протоколе заседания Совета, на котором присутствовали вице-президент Г. Г. Гагарин, два ректора К. А. Тон и Ф. А. Бруни, профессора А. И. Штакеншнейдер, А. И. Резанов, Ф. И. Эппингер и другие, было решено: «Из представленных эскизов по заданным архитектурным программам <...> на звание свободного художника утверждены эскизы Сергея Коноплева, Капитона Маскаленко <...>; остальным за тем Михаилу Иванову, <...> Нестору Теребневу <...> отказано»⁷.

По всей видимости, после этой неудачи Теребнев оставил свои попытки получить звание свободного художника по архитектуре. В том же году он получил заказ на оформление издания Н. А. Дементьева, текст к которому был составлен известным русским педагогом В. А. Золотовым. Издание называлось «Наглядное обучение. Пахание, боронение, жатва, молотба, ветряная и водяная мельницы и пекарня». Оно было утверждено цензурой в Петербурге 6 июля 1864 года и отпечатано в типографии Товарищества «Общественная польза». На первой странице текстовой части «Наглядного обучения» указано:

«К настоящему тексту составлены художником Теребеневым, по программе г. Золотова, девять литографированных в два тона картин "Наглядное обучение", которые и продаются в книжном магазине "Товарищества Общественная польза" (на Миллионной ул., № 6)».

В Русском фонде РНБ хранится только третье издание картин «Наглядного обучения», выпущенное в Петербурге в 1878 году. Все картины собраны в картонный переплет серого цвета. На верхней крышке дано название, заключенное в рисованную раму из переплетающихся листьев, колосьев и других атрибутов земледелия. Все девять картин — это композиции из нескольких сюжетов, также объединенных рамкой в виде переплетенных ветвей. Центральный сюжет каждой картины изображает сцену на заданную тему: «Пахание волами», «Посев» или «Жатва». Остальные сюжеты композиции — орудия труда, животные — были своего рода комментариями к определенной теме. Все литографии имеют надписи: «Сост. и Рис. Нестор Теребнев по программе В. А. Золотова», а картины 3-я и 4-я имеют дату — 1863 год. По этим картинам видно, что художник имел навык чертежника и был хорошим перспективистом. Однако человеческие фигурки выполнены им на любительском уровне, хотя с задачей создания привлекательного учебного пособия Теребнев справился.

В РНБ в отделе эстампов хранится «Художественный альбом земледелия, промыслов, ремесел, искусств и проч. в России для наглядного обучения», связанный также с именем Теребенева. Альбом был выпущен в Петербурге в 1865 году, отпечатан в литографской мастерской Г. Гробова. В этом издании Теребнев выступил как составитель, рисовальщик и совместно с А. Гальевским как издатель. В альбом включено десять в разворот восьмисюжетных картин, литографированных с тоном и снова оформленных одинаковыми, традиционными для стиля 1860-х годов рамками в виде переплетенных ветвей с побегами и зелеными веточками.

Наконец, в 1866 году Теребнев создал «Карту России и племен, ее населяющих». Возможно, это было еще одно учебное пособие. Подлинник карты и ее второе издание, помещенное на выставке, имеют одинаковую окантовку из полосок зеленого муара. Это позволяет предположить, что они происходят из одного собрания. На обороте подлинника сохранилась карандашная пометка «Мелин». Такие пометки довольно часто встречаются и на других графических листах ФГГМиР. Они указывают на то, что вещи принадлежали известному петербургскому букинисту Л. Ф. Мелину. Вот что о нем пишет Шилов: «Я не знаю происхождения <...> Мелина, но человек он был образованный <...>. Когда я двенадцатилетним мальчиком приехал

в Петербург, Мелин открыл книжную лавку в доме Шереметева, 51. Начиная торговать Мелин очень скромно <...>. Однако вскоре он «выделился из среды других букинистов, стал подбирать хорошие <...> книги. Он обходил мелких книжников и выуживал у них все, что попадалось лучшего. Мелкие книжники хоть и ругали его за это "саранчой", но охотно продавали ему. Знание языков, а он говорил по-немецки, по-английски и по-французски, даже с блеском, тоже выделяло его среди других книжников <...>. Мелин специализировался на литературе о театре и балете, о цирке и уличных представлениях»⁸. Позднее Мелину пришлось переехать на Литейный, 60. Здесь он торговал больше для знатоков и любителей, чем для широкой публики. К началу революции он почти «потерял зрение, но все же заходил к книжникам, предлагая образовать книжный кооператив. На Литейном и Невском часто можно было встретить фигуру высокого согбенного старика — Мелина на этих улицах многие знали. Когда Лев Федорович умер, то оказалось, что у него сохранились прекрасные книги»⁹. Вероятно, незадолго до смерти, нуждаясь в деньгах, Мелин принес в Музей Города две карты Теребенева.

Первая из них, выполненная тушью, карандашом и акварелью на двух склеенных по горизонтали листах, подписана Теребневым и датирована 1866 годом. На ней еще нет надписи с посвящением императору Александру II. С этого рисунка карта была издана первый раз в том же 1866 году М. Л. Свешниковым в Петербурге в хромо-литографии Г. Иловайского на Невском, 88 (дом Калугина). Первое издание теперь находится в Фонде картографии РНБ.

Во втором издании карты 1869 года изменений нет, кроме помещенной наверху посвятельной надписи. Вполне вероятно, что карта могла быть переиздана для одной из выставок.

Сведения о дальнейшей судьбе художника окончательно не выяснены. Просмотр 14 дел 1847–1882 годов первой и второй описей фонда № 781 Кронштадтского парового завода, хранящихся в ЦГА ВМФ, не дали результатов¹⁰. Упоминаний фамилии Теребенева и каких-либо сведений о нем в них нет.

Из других источников можно назвать «Адресную книгу города С.-Петербурга» на 1897 и 1899 годы П. О. Яблонского¹¹ и «Петербургский некрополь» В. И. Саитова 1913 года¹². В них упоминается, что некий титулярный советник Теребнев Нестор Александрович в 1897 году проживал в Петербурге по адресу Николаевская улица, 72, а в 1899 некий дворянин Теребнев Нестор Александрович вне Петербурга содержал склад, молочную фабрику и торговлю молоком и сливками на Садовой, 64. У Саитова в «Некрополе» приводится

запись: «Теребенев, Нестор Александрович † 21 апреля 1900 (Волково православное кладбище)». Художник ли это, предстоит еще выяснить.

Помимо графики, на выставке «Петербуржец путешествует» впервые были представлены несколько картин. Раздел живописных произведений Фонда невелик (217 единиц хранения), однако это одна из его самых ценных частей. Как правило, это пейзажи и veduty, датированные за редким исключением второй половиной XIX века. Основная часть картин досталась музею в наследство от Музея Города, в ведении которого в первые годы его существования находились дворцы: Аничков, где располагалась главная экспозиция, Сергиевский (называемый также дворцом Белосельских-Белозерских) и другие. Сергиевский дворец упоминается здесь не случайно. Именно из него в музейные фонды поступила группа пейзажей и видов городов. Об этом свидетельствует сохранившийся в ГМИСПб документ 1919 года с перечнем гравюр и картин, привезенных из Сергиевского дворца в Музей Города. Известно, что владелец дворца великий князь Сергей Александрович собрал значительную коллекцию живописи русских мастеров. Однако по имеющимся на старых подрамниках штампам с именем великой княгини Елизаветы Федоровны — жены великого князя и сестры последней императрицы — можно судить, что часть картин принадлежала ей.

Из всего собрания картин ФГГМиР на выставке экспонировались лишь три. Источники поступлений двух работ пока не удалось выяснить. Но то, что они поступили из дворцов города в первые годы существования Музея Города, подтверждают их старые инвентарные номера. Речь идет о живописных произведениях двух теперь мало известных художников. На одной из картин показана панорама Венеции от лагуны, снятая с высоты птичьего полета. Автор ее — Луиджи Кверена (Венецианский) Младший, сын художника, копииста и реставратора Лотанцо Кверена. Годы жизни Кверены Младшего точно неизвестны. Родился он около 1800 года, а умер после 1879. В «Лексиконе» Тиме и Беккера говорится о том, что Луиджи выставлялся в период между 1854–1879 годом. Судя по перечню работ, его живописные veduty можно встретить в некоторых палатках и музеях Венеции, Генуи и Тревизо.

Картина с видом Венеции была написана мастером в несколько суховатой манере, с тщательностью и беспристрастностью, характерными для veduty середины прошлого века. Использование приема показа города с высоты птичьего полета, в определенные годы ставшего популярным, и живописный объективизм позволяют датировать картину 1850–1860-ми годами.

Вторая небольшая картина — «Дилижанс», впервые опубликованная в буклете выставки, — принадлежит кисти французского живописца, портретиста, жанриста Ж. де Боннмэзона. Он родился в Париже в 1809 году и почти регулярно выставлялся в Парижском Салоне между 1835–1863 годами. На картине «Дилижанс» изображена жанровая сцена. По открытой холмистой местности на фоне зеленых склонов мчится в клубах дорожной пыли почтовый экипаж с четой молодых путешественников на заднем открытом сидении. На дверце дилижанса надпись «London».

Третья картина с видом городка в Бретани и рыбаков у берега разбушевавшегося моря, представленная на выставке, написана художником В. И. Зарубиным в 1923 году за пять лет до смерти. Картина стала своеобразным воспоминанием художника о путешествии, совершенном им в молодости. В 1920-х годах, со слов друга мастера, тоже пейзажиста, А. А. Рылова¹³, Зарубину трудно жилось. Воспоминания же о нелегкой, но счастливой и романтической поре юности помогали художнику забыться, уйти от удручающей действительности. Зарубин родился в Харькове в семье профессора Харьковского университета и закончил физико-математический факультет этого учебного заведения. Родители Зарубина мечтали о блестящей карьере сына, далекой от искусства. Однако судьба распорядилась иначе. Тяга к искусству и первая любовь молодого человека к бедной, но очаровательной девушке заставили будущего художника наперекор запрету родителей покинуть отчий дом. Зарубин с невестой бежали в Париж, где они обвенчались. Там он поступил на обучение в мастерскую живописца Ж. Лефевра. Лето молодожены провели в Бретани, которую очень полюбили. Первый год жизни был трудным, зато на второй год Зарубину удалось выставить в Парижском Салоне свою картину, которая была продана в первый же день. Узнав об успехах сына, отец разрешил ему вернуться на родину с условием получения академического диплома. Так Зарубин стал учеником А. И. Куинджи. Всю последующую жизнь излюбленной темой творчества художника оставался бретонский пейзаж. Картина, представленная на выставке, поступила в ГМИСПб в 1980 году из личного собрания ленинградского артиста Ю. В. Свицерского. Стилистическое решение этого полотна, его колорит и романтически-тревожное настроение заставляют зрителя вспомнить эпоху модерна — течения, главенствовавшего в искусстве начала XX века. Поэтому устроители выставки и поместили картину в последнем зале, посвященном путешествиям петербуржцев в начале нынешнего столетия.

¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 9 т. № 778.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 1744.

⁵ Там же. Д. 1745.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Шилов Ф. Г. Записки старого книжника. М., 1965. С. 78–79.

⁹ Там же.

¹⁰ Просмотрено: ЦГА ВМФ. Ф. 781. Оп. 1. Д. 106, 109, 124, 137, 138, 152, 153, 175. Оп. 2. Д. 4, 8, 9, 23, 27, 77, 115, 411.

¹¹ Яблонский П. О. Адресная книга С.-Петербурга. СПб., 1897. С. 1035; 1899. С. 919.

¹² Саитов В. И. Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 238.

¹³ Рылов А. Воспоминания. Л., 1977. С. 92–93, 214, 275.

О. М. Тихомирова

История таможенной службы Санкт-Петербурга

Вопрос о времени появления таможенной службы в Петербурге пока остается открытым. Можно только предполагать, что основание таможни произошло одновременно с возникновением города на Неве. В ноябре 1703 года в Петербург пришло первое торговое судно — голландский купеческий корабль с грузом соли и вина, затем прибыло английское судно, потом вновь голландское¹. Развитие Петербурга как крупного торгового порта обусловило создание учреждения, которое должно было регулировать иностранную торговлю. Архивные материалы подтверждают существование С.-Петербургской портовой таможни лишь с 1711 года.

Первоначально таможня располагалась в небольшом мазанковом здании вблизи деревянного гостиного двора на Троицкой площади Городового острова² (ныне Петроградский район). Однако перенесение порта на Васильевский остров обусловило перевод сюда же таможни. Согласно указу Петра I по проекту архитектора Г. И. Маттарнови началось строительство целого комплекса таможенных зданий на Стрелке Васильевского острова и примыкавших к ней прибрежных земельных участках. Таможенный комплекс занимал значительную территорию, «имел достаточную причальную линию с гранитной набережной, прекрасно оборудованные пакгаузы с целым рядом погребов, являвшимися шедевром по своему устройству (имели постоянную температуру), с гостиним двором, имевшим свыше 200 амбаров с галереями, и большой внутренний двор, сквер с целым рядом железных и деревянных навесов и открытой площадью. Все эти складочные помещения соединены были удобными для доставки товаров асфальтовыми дорожками»³.

© О. М. Тихомирова

Здание самой таможни первоначально построено не было. С конца 1730-х годов она обосновалась на Васильевском острове в доме бывшего кабинет-секретаря Петра I — Алексея Макарова. Дом был конфискован казной и перешел в таможенное ведение. В 1829–1832 годах на этом месте по проекту архитектора И. Ф. Лукини возвели новое здание, которое существует и поныне⁴.

Становление С.-Петербургской таможни проходило во взаимосвязи с развитием петербургского порта, предпосылками этого явились распоряжения Петра I, стремившегося перенести центр внешней торговли на Балтику. В 1713 году вышел запрет на вывоз юфти и пеньки через Архангельск. Их разрешалось провозить только через новый порт. С 1714 года половина всех российских товаров должна была проходить через Петербург. Такая искусственно создаваемая политика благоприятствования привела к тому, что петербургский порт быстро превзошел по своим оборотам другие российские порты. Во второй половине XVIII века, по словам А. Н. Радищева, Петербург стал «первым торговым городом всего государства»⁵. Развитие петербургской внешней торговли оказало воздействие на рост таможенного сбора: так, в 1787 году 71,5 % всего таможенного сбора по стране дал Петербург.

Во второй половине XIX века, когда мелкие корабли утратили свое значение и строительство больших судов с глубокой осадкой приняло широкие размеры, возникла необходимость создания нового торгового порта. Его открытие на Гутуевском острове состоялось 15 мая 1885 года. Тогда же С.-Петербургская портовая таможня была переведена в район нового порта. Первоначально здесь находилось отделение таможни, имевшее незначительное число складских помещений. Управление ютилось в небольшом деревянном одноэтажном доме. Постепенно число складских помещений увеличивалось и дошло до 15 пакгаузов, 11 навесов при наличии прекрасно оборудованной причальной линии с тремя бассейнами: большой ковш, угольный бассейн и барочный бассейн, где могло загружаться и выгружаться значительное число крупных глубокоосидающих пароходов. «Пакгаузы каменные, особенно пассаж, где под одною крышей расположены 8 складочных двухъярусных помещений с таким же числом погребов, имеют электрические подъемники, упрощающие как прием товаров, так и выпуск их. По всей территории Таможни имеются железно-дорожные рельсовые пути, способствующие передвижению товаров, имеются и электрические двигатели. Для экспортных операций за чертою Таможни, но тут же по каналу, имеются частные склады, холодильники, элеваторы и огромный баржный бассейн для погрузки

материалов. Деятельность Портовой таможни выходила далеко за пределы своей территории. Так, у нее имелось несколько районов: 1. Биржевой, где была старая Таможня, со своими прекрасными погребями для хранения вина и других напитков; 2. Район 12 линии В. О., где производилась выгрузка финских пароходов; 3. Петровский район с целым рядом складочных помещений частного характера (приписных); 4. Калашниковский район; 5. Район за Невской заставою; 6. Масляный Буян, где производилась разгрузка судов большого каботажа; 7. Сельдяной Буян, предназначенный для сельдяного товара, имеющий особую причальную линию и целый ряд деревянных складов; 8. Сальный буян — для разгрузки судов со строительными материалами; 9. Морская пристань — со складами для хранения огнеопасных товаров; 10. Целый ряд погребов — частных приписных — числом до 60, предназначенных для хранения вина, спиртных напитков и оливкового масла; 11. Почтовое отделение Таможни. Все здания таможни, как назначенные для управления, так равно и складочные помещения, находились в распоряжении таможни. Таможня т. о. являлась полным и единоличным распорядителем всею недвижимою»⁶.

В здании на Васильевском острове, где ранее располагалась таможня, остался Департамент таможенных сборов Министерства финансов, который был образован 26 октября 1864 года. В его компетенцию входило таможенное и карантинное управление, заведование биржевыми учреждениями и надзор за браком товаров⁷.

Развитие российской промышленности и строительство новых путей сообщения повлекли за собой необходимость создания новых таможен. При открытии в 1869 году железной дороги С.-Петербург — Варшава из состава Портовой таможни была выведена С.-Петербургская сухопутная таможня. Первоначально она помещалась в зданиях железной дороги, а в 1871 году была переведена в оставшиеся без употребления постройки бывшего завода герцогов Лейхтенбергских (Петергофский пр., 38/40, близ Нарвских ворот), приобретенные Главным обществом российских железных дорог⁸. В 1912 году С.-Петербургская сухопутная таможня была упразднена и ее операционная работа была возложена на С.-Петербургскую портовую таможню.

В феврале 1870 года в связи с основанием Финляндской железной дороги при ней была открыта С.-Петербургская таможня. С открытием железной дороги разрешался беспослиный транзит по ней иностранных товаров под таможенным контролем как через Россию в Финляндию, так и в обратном направлении. Таможня располагалась на С.-Петербургской станции Финляндской железной дороги и являлась отделением С.-Петербургской портовой таможни⁹.

С началом первой мировой войны (1914) наименование «Санкт-Петербургская» было заменено на «Петроградская».

В 1917 году после Февральской революции Департамент таможенных сборов, а следовательно, и Петроградская портовая таможня перешли в ведение Министерства торговли и промышленности.

Представленные выше материалы лишь обозначили основные этапы становления и развития таможенной службы в Петербурге. Подробное изложение их истории требует дальнейших исследований.

¹ См.: *Пыляев М. И.* Старый Петербург. СПб., 1889.

² См.: *Богданов Г.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 г. по 1751 г. СПб., 1779.

³ ЛОГАВ. Ф. Р-3435. Л. 1.

⁴ С 1927 г. в нем расположен ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

⁵ Цит. по: *Покровский В. И.* Значение С.-Петербурга во внешней торговле России. СПб., 1899. С. 98.

⁶ ЛОГАВ. Там же. Л. 3.

⁷ РГИА. Ф. 21. Оп. 3 (введение). Л. 1.

⁸ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 938. Л. 4.

⁹ Там же. Ф. 1152. Оп. 7. Ед. хр. 134. Л. 10.

Т. Г. Фруменкова

Путешествия из Петербурга в Архангельск в XIX веке и строительство Северной железной дороги

Путешествия из Петербурга в Архангельск в XIX веке были очень частым явлением. Архангельск как конечная цель туристического маршрута привлекал немногих. Ситуация несколько изменилась к концу столетия в связи с появлением новых тенденций в государственной идеологии и ростом интереса к допетровской Руси и ее культуре. Но и тогда целью поездок обычно служил Соловецкий монастырь, а само путешествие сочетало элементы светского туризма и религиозного паломничества. Восточным путем (через Архангельск) на Соловки обычно ехали те петербуржцы, которые стремились не только посетить монастырь, но и отдохнуть¹. В течение первых двух третей XIX столетия этот маршрут чаще всего представлял собой комбинацию сухопутного и водного пути: ехали почтовым трактом до Вологды, а потом плыли по рекам до Архангельска. Паломничество в монастырь совершалось по преимуществу летом, и не было смысла добираться до него на почтовых лошадях.

Иным путем приходилось следовать тем, кто ехал по служебным делам. Летом 1834 года чиновник Петербургского учебного округа А. В. Никитенко, автор известного дневника, вместе со своим начальником князем М. А. Дондуковым-Корсаковым отправился «обозревать учебные заведения» Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний. В своих записях он оставил краткие, но выразительные характеристики тех городов, в которых побывал. Ревизоры посетили Шлиссельбург («трактир здесь — настоящий кабак, наполненный тараканами»), Новую Ладугу («прескверный городишко»), Лодейное

© Т. Г. Фруменкова

Поле («пасквиль на город»), Олонец («плохая деревня»), Петрозаводск («плохой город, отброшенный в глубину лесов от образованного мира»), Вытегру («порядочный городок»), Каргополь («очень беден»)². Автор не указал способ передвижения, но из содержания дневника ясно, что из Олонецкой губернии в Архангельскую он добирался по суше. Поездка по просторам Архангельской губернии произвела на Никитенко сильное впечатление. «С въездом в нее точно теряешь следы человеческого существования. Проезжаешь бесконечные станции и не встречаешь лица человеческого. В мрачных лесах обитает безмолвие <...>. Станции представляют из себя группу в три-четыре хижины, обитатели которых заняты преимущественно охотой»³. На берегах Северной Двины командированные посетили Антониев-Сийский монастырь и Холмогоры, проверили учебные заведения Архангельска, конечно же, побывали в Соловецком монастыре. Запомнилась им и поездка на пароходе по Северной Двине в Новодвинскую крепость. Обрато возвращались через Шенкурск («посмешище городов»), в окрестностях которого карета тонула в песках, Вельск, Вологду, Ярославль и Москву⁴.

В 1856 году экспедицию на север по заданию Морского министерства совершил молодой писатель С. В. Максимов. Он прибыл в Архангельск почтовым трактом и оставил яркое, эмоциональное описание своих ощущений: «Неприятности дальнего, с лишком тысячеверстного пути возымели свою силу: чувствовалась физическая истома, нравственная пустота, болел весь состав тела, ныл, кажется, каждый мускул, воображение наполняли какие-то мрачные, невеселые образы. Тягостные впечатления принесли за собою прошлые сутки, ничего хорошего не сулили будущие. Так, по крайней мере, казалось на то время, когда привелось осиливать последние версты. Как будто вдвое-втрое ленивее плелись почтовые лошади, как будто сильнее обстукивала последние ухабы и выбоины неладно кроеная, но крепко сшитая почтовая кибитка <...>. Почти пластом, бездыханным трупом лежишь себе в кибитке и думаешь думу: отсоветую я другу и недругу одним разом, без ночевки, одолевая в дороге большие пространства; скверно: аппетиту лишаешься, сон не берет <...>. Да и зачем такой риск, зачем такое самопроизвольное мученичество? Неужели только затем, чтобы разом бросить себя в дальний омут и уметь потом выбираться оттуда? Неужели затем, чтобы разом испить горькую чашу, а не пить ее по каплям? Неужели и опять-таки затем, чтобы слышать, как ямщик слезет в последний раз с козел и подвывает в первый раз на всем пути от Петербурга колокольчик? Колокольчик подвывается затем, что начинается губернский город (уездные го-

рода, как известно, не удостоены этой чести), а в нем конец странствия и мучениям»⁵.

После таких рассказов едва ли можно было ожидать увеличения числа желающих съездить из Петербурга в Архангельск сухопутным путем, впрочем, трудности поездки современник ясно представлял заранее.

Некоторые из прибывших в столицу русского севера возвращались в Петербург морским путем, вокруг Скандинавии. Это, в первую очередь, моряки-балтийцы, которых направляли в Архангельск целыми командами для приемки построенных на местных верфях судов. К примеру, весной 1825 года в Архангельске закончилось строительство 74-пушечного корабля «Константин» и 36-пушечного фрегата «Елена». В июле того же года они вышли в море с экипажами моряков-балтийцев. У берегов Норвегии маленькая эскадра попала в сильный шторм. Буря разметала корабли. Встретиться им удалось только в Дании. «Константин» получил серьезные повреждения, но до Кронштадта оба судна после ремонта добрались благополучно⁶.

Естественно, для любознательных путешественников предпочтительным являлся маршрут, большая часть которого проходила по рекам. Тем более что с 1870-х годов до Вологды, от которой начинался речной отрезок пути, можно было добраться по железной дороге, правда, с пересадкой в Москве. Существовал и вариант чередования железнодорожного и речного транспорта: по железной дороге приехать в Рыбинск, оттуда по Волге спуститься до Ярославля, затем поездом прибыть в Вологду, где и пересест на пароход до Архангельска. Это было непросто, но для отважного или привилегированного путешественника вполне приемлемо.

Этот маршрут выбрали в 1894–1895 годах высокие официальные визитеры — министр финансов С. Ю. Витте и министр путей сообщения князь М. И. Хилков. На север, в том числе в Архангельск, их привело не праздное любопытство, а планы строительства Северной железной дороги.

В 1893–1894 годах в Министерстве финансов обсуждались проекты сооружения новых железнодорожных линий на севере России, для чего была создана комиссия из представителей ведомств под председательством товарища министра финансов генерал-лейтенанта Н. П. Петрова. Она рассмотрела планы создания пяти веток: 1) Сердоболь — Кемь на Белом море; 2) Вологда — Архангельск; 3) Казань — Котлас; 4) Пермь — Вятка — Котлас; 5) Петербург — Рыбинск — Вятка — Пермь. Комиссия заявила, что железная дорога до Кемь обеспечит выход к незамерзающему океану и приобретет большое

значение в будущем, но не может использоваться для перевозки гражданских грузов и пассажиров, так как пройдет по малозаселенным районам. Линия Вологда — Архангельск поможет доставлять волжский хлеб на север круглый год, будет содействовать развитию северных промыслов, обеспечит сбыт их продукции в центре страны. Дорога Казань — Котлас пройдет по более населенной местности, будет способствовать доставке на север дешевого хлеба, но не сможет влиять на хлебные цены после окончания навигации. К тому же она будет удалена от столиц и не повлияет на экономическое развитие края. Те же достоинства и недостатки имела и ветка Пермь — Вятка — Котлас. Линия Петербург — Рыбинск — Вятка — Пермь может содействовать развитию промышленности, но не окажет помощи жителям трех самых северных губерний. Сама же идея строительства железной дороги возникла после голода 1868 года, когда обнаружились трудности с хлебными перевозками. Комиссия отметила, что «эти дороги нужны все, они не заменяют одна другую»⁷. Вместе с тем выяснилось, что ни одна из них не будет прибыльной и даже не покроет процента на затраченный капитал. При голосовании по вопросу о том, какую дорогу сооружать в первую очередь, 10 членов комиссии высказались за линию от Вологды до Архангельска, 6 — за дорогу Казань — Котлас, 2 — за строительство ветки до Кемь. 27 мая 1894 года последовало «высочайшее соизволение» Александра III на сооружение Северной железной дороги до Архангельска. Ее должно было строить с государственной помощью акционерное общество Московско-Ярославской железной дороги, председателем которого был С. И. Мамонов⁸.

С этим решением и была связана редкая в то время поездка Витте, в ходе которой предполагалось осмотреть и место для незамерзающего порта на побережье Баренцева моря. О визите рассказывают воспоминания самого Витте, записки сопровождавшего его журналиста из «Нового времени» Е. Л. Кочетова (публиковался под псевдонимом Е. Львов) и местные газеты.

12 июня 1894 года Витте, директор канцелярии Министерства финансов П. М. Романов и почетный член Совета торговли и мануфактур М. И. Казин (председатель товарищества Архангельско-Мурманской пароходной компании) поездом прибыли в Рыбинск. Их пребыванию в Ярославской губернии посвящены восторженные заметки в «Губернских ведомостях». Разговор с министром шел о хлебной торговле; купцы просили побеспокоиться о строительстве железной дороги Рыбинск — Ярославль. Витте пообещал заняться этим вопросом позже⁹. Он знал: в уставе общества Московско-Ярославской и Северной

железной дороги записано, что новая дорога не может быть соединена с железной дорогой Петербург — Рыбинск до 1914 года без согласия общества, в противном случае часть груза пошла бы в Петербург, а не в Москву, по линии, принадлежавшей обществу¹⁰.

13 июня министр и сопровождавшие его лица по Волге прибыли в Ярославль. Пребывание в этом старинном городе было расписано по минутам. Высокий гость побеседовал с губернатором и обратил его внимание на отсутствие в Ярославле коммерческого училища и обещал содействовать его открытию. Кроме того, он распорядился выдавать из местных отделений госбанка ссуды под хлеб, находившийся в караване.

Остановившись на квартире губернатора, Витте нанес визиты предводителю дворянства и городскому голове, прогулялся по набережной Волги и бульвару, по пути посетил Казанский женский монастырь, игуменья которого преподнесла ему описание обители. Из монастыря министр проследовал в кафедральный Успенский собор, где приложился к мощам, совершил краткую экскурсию и получил в подарок книгу, посвященную храму. Затем почетный гость отправился в Городскую думу, где его ожидали представители городского управления и купцы. В беседе Витте одобрительно отзывался о замеченной им в городе и старательно поддерживаемой, несмотря на скудный бюджет, чистоте. Из Городской думы он направился в казенную палату, а также посетил еще две старинные церкви — Ильинскую и Предтеченскую. В 7 часов вечера в директорских комнатах вокзала Мамонов дал обед в честь высокого гостя. Позднее министр осмотрел железнодорожные сооружения. На пароходе его доставили на станцию Волго, откуда отправился экстренный поезд до Вологды, прибывший на место назначения 14 июня¹¹.

В Вологде, как и в Ярославле, визит министра произвел настоящий переполох. Представители местной администрации прославляли будущую дорогу как начало «новой жизни Северного края» и министра, в «самый короткий срок осуществившего благую мысль монарха»¹². После официальных встреч, приемов и осмотра достопримечательностей 15 июня на пароходе «Николай» Витте отбыл в Архангельск. Путешествие привело в восторг сопровождавшего министра журналиста: «Чудные виды по Сухоне и Северной Двине! Вы то едете по необозримой водной поверхности, изредка встречаясь с пароходом или баркой, или лодкой с бабой у руля и древесной веткой вместо паруса на носу, то проходите по узким порожистым местам с высокими гипсовыми берегами белоснежного цвета, становящегося розовым пред закатом солнца, а там опять село за селом, а то вдруг

река превращается в бесконечную просеку среди векового бора, угрюмо отражающегося на стальной поверхности»¹³.

16 июня Витте прибыл в Архангельск, где ему также была устроена пышная встреча. Архиепией отслужил молебен в честь министра в расположенном у берега кафедральном соборе. За два дня высокий гость успел встретиться с губернатором, представителями местных властей и населения, посетил работавшие на экспорт лесопильные заводы в пригороде Архангельска Маймаксе, множество казенных, учебных и богоугодных заведений. Вечером 17 июня архангельское купечество устроило обед в честь министра финансов, на котором прозвучало более десятка тостов и здравиц. Затем Витте отправился на пароходе по маршруту Соловки — Кемь — Мурман — Скандинавия — Петербург¹⁴.

Железная дорога начала строиться. На ее сооружение было отведено три года, смета составила 19 миллионов рублей.

Летом 1895 года на север отправился министр путей сообщения князь Хилков «для ознакомления, обозрения путей сообщения строящихся и проектируемых железных дорог»¹⁵. От Ярославля до Вологды он добрался по железной дороге, имевшей в то время только летний грузооборот. В своей официальной записке он сообщил о работах по обновлению этого участка пути: предполагалось, что с постройкой трассы до Архангельска линия будет действовать круглый год. В Вологде князь, как и Витте, пересел на пароход, посетил Архангельск, Соловецкий монастырь, а вернулся в столицу через Кемь, Повенец, Онежское озеро, каналы Мариинской системы и Рыбинск. От Волги министру удалось 17 верст проехать по построенному железнодорожному пути. От Архангельска — только три версты, но на лошадях вдоль строившейся трассы он одолел до 60 верст по временной дороге, по болотам и тундре. Хилков заходил к рабочим и одобрително отозвался об условиях их жизни, отметил доступность медицинской помощи, теплые бараки. Тем не менее он обратил внимание на большую текучесть кадров, что, по его мнению, объяснялось только неблагоприятным климатом для рабочих из средней полосы. Большое впечатление на министра произвела безлюдность местности: на 230 верст пути приходилось только одна деревня (15 дворов), дороги отсутствовали.

Князь Хилков сообщил императору, что за зиму были прорублены просеки, проведена временная дорога; работы требовали очень много усилий и производились в тяжелых условиях. Строителям пришлось устраивать склады, налаживать телеграфную связь. Земляные работы были выполнены более чем на 20 %, к осени собирались уло-

жить до 100 верст рельсов. Министр увидел, что условия эксплуатации дороги будут иными, чем в средней полосе. Потребуются склады и холодильники в Архангельске, сеть грунтовых дорог, примыкающих к железнодорожной линии, пристани и склады на всех пересекающих трассу реках. Станции в безлюдных районах придется сооружать в виде факторий с гостиницами, вокруг которых в будущем, возможно, появятся поселения. На станции Няндомы, располагавшейся посередине пути, Хилков предлагал открыть начальное техническое училище, а для рабочих-строителей соорудить церковь-вагон¹⁶.

Отчет министра путей сообщения о поездке прозвучал как первый сигнал о трудностях строительства. Выяснилось, что организаторы работ не уложились в смету, сорвали сроки пуска линии. Ревизии выявили злоупотребления, финансовые махинации. Мамонов разорился. Позднее, в 1899 году, уже действовавшая железная дорога была передана в казну.

Для того, чтобы объяснить просчеты и отвлечь внимание от преступных ошибок, в акционерном обществе во время проверок подготовили «Памятную записку о постройке Архангельской железной дороги». Этот любопытный документ рассказывает о проблемах, вставших перед строителями. Трудности, скорее всего, преувеличены стремлением авторов оправдаться, но отражают и объективные препятствия, с которыми им пришлось столкнуться: «При полном безлюдии, совершенном отсутствии каких-либо дорог и среди непроходимых девственных лесных пространств, тундр и болот, общество прежде всего должно было озаботиться организацией таких подготовительных мероприятий, которые совершенно неизвестны в практике железных дорог вообще»¹⁷. Сначала строителям пришлось прокладывать гужевые дороги в тех местах, где не ступала нога человека. Потребовалось срочно создавать систему продовольственных пунктов и рабочих колоний, строить жилье для служащих, а также организовывать конный обоз и позаботиться о помещениях для него. Стоимость дороги дошла до 1000 рублей за версту (обычно она составляла в то время 50 рублей), и акционерное общество, по уверениям авторов записки, сразу же представило в Министерство путей сообщения доказательство того, что сметные затраты не соответствовали действительным.

В связи с тяжелыми условиями труда и холодным климатом у организаторов строительства возникли трудности с наймом работников. Собранные люди, захваченные снежными метелями в мае, были «поражены паническим страхом и толпами покидали работы, унося с собою значительные суммы выделенных им задатков»¹⁸.

Особенно тяжело далось строителям преодоление болот, которые занимали около 200 верст шестисотверстовой трассы. Многие из них были прикрыты озерами со слоем торфа. Людям приходилось работать в воде, и это явилось одной из главных причин их ухода. Организаторы работ пошли на применение дорогостоящих механизмов. Для засыпки болот на стройплощадку за сотни верст доставлялись паровозы, рельсы, вагоны. Привезенный за десятки и сотни верст грунт нередко прорывал торф и уходил на дно болота, а вместе с ним иногда опускались под воду «рощи многосаженных деревьев». Это впечатляющее зрелище происходило на глазах у производителей работ и тысяч рабочих, подрывая «энергию первых и наводя панику на вторых»¹⁹. Операции приходилось повторять снова и снова, что еще больше увеличивало затраты. Однако все трудности были преодолены, железная дорога построена, хотя и с большими затратами, и авторы записки предлагали судить их по результатам.

Объяснения, как уже говорилось, не помогли правлению акционерного общества, и железная дорога перешла в казну, которой она также не приносила дохода. Ей не удалось преобразить жизнь Архангельска, зато она имела немалое значение для любителей путешествовать. Тем более что в 1898 году, одновременно с открытием движения по северной трассе, была пущена и железная дорога Ярославль — Рыбинск и появилась возможность добраться из Петербурга в Архангельск поездом, правда, с пересадкой в Ярославле. Поездка по новой железной дороге в конце XIX — начале XX века вызывала большой интерес, своими впечатлениями некоторые из путешественников делились в путевых заметках. В 1906 году была построена железная дорога Петербург — Вологда, и с тех пор стало возможным добираться до Архангельска без пересадок, буднично, не вспоминая о тех страстях и проклятиях, которые связаны с появлением этой железной дороги. В начале XX века выросло число путешественников, направлявшихся на север, популярными становились и учебные экскурсии (школьные и вузовские).

¹ См. об этом подробнее: *Фруменкова Т. Г. Путешествия петербуржцев в Соловецкий монастырь в XVIII — начале XX века // Петербуржец путешествует. Сб. материалов конференции. СПб., 1995. С. 86–95.*

² *Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. I. С. 148–151.*

³ Там же. С. 151.

⁴ Там же. С. 153–159.

⁵ *Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 524–525.*

⁶ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 661. Л. 19–24.

⁷ РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 463. Л. 22.

⁸ Там же. Л. 49–55 об.

⁹ Ярославские губернские ведомости. 1894. 14 июня.

¹⁰ РГИА. Там же. Л. 48.

¹¹ Ярославские губернские ведомости. 1894. 17 июня.

¹² Вологодские губернские ведомости. 1894. 17 июня.

¹³ *Львов Е. По студеному морю. СПб., 6. г. С. 31.*

¹⁴ Архангельские губернские ведомости. 1894. 18 и 22 июня.

¹⁵ РГИА. Там же. Д. 516. Л. 160.

¹⁶ Там же. Л. 160–161 об.

¹⁷ Там же. Д. 463. Л. 251.

¹⁸ Там же. Л. 251.

¹⁹ Там же.

В. С. Мешкунов, В. М. Сыров

К истории создания электромагнитного телеграфа в России

В 1832 году барон П. Л. Шиллинг фон Канштадт (1786–1837) создал первый в России электромагнитный телеграфный аппарат, но смерть прервала его дальнейшие исследования в этом направлении¹. Работы по усовершенствованию телеграфных аппаратов продолжил Б. С. Якоби (1801–1874). В 1840 году он изобрел самозаписывающий электромагнитный приемный телеграфный аппарат, а в 1843 году сделал доклад в Петербургской Академии наук о новом «стрелочном телеграфе». В начале своей деятельности по заказу правительства он провел первые телеграфные линии в Петербурге между Зимним дворцом, Главным штабом и зданием Главного управления путей сообщения и публичных зданий, а также между Петербургом и Царским Селом. Поскольку в России отсутствовала промышленная база для производства столь сложных и точных для того времени приборов, телеграфные аппараты были изготовлены в единичных экземплярах и обеспечивали нужды только царского двора². Лишь в конце 1844 года правительство, поставленное перед необходимостью устройства надежной телеграфной связи между Петербургом и Москвой, стало уделять этому вопросу должное внимание, утвердив устройство телеграфа государственной программой. Реализация ее была поручена Якоби, которому предстояло создать грандиозную по своим масштабам телеграфную линию. Якоби решил проложить ее под землей, считая этот способ самым лучшим и надежным. Однако все его опыты по обеспечению необходимой изоляции проводников не увенчались успехом, и в 1848 году он был по указанию Николая I отстранен от работ³.

© В. С. Мешкунов, В. М. Сыров

Нужно было найти другой, более эффективный способ изоляции проводов.

К этому времени прусскому инженеру Вернеру Сименсу удалось создать специальное устройство для покрытия медной проволоки гуттаперчей⁴. Это открытие было замечено в России. В «Журнале Управления путей сообщения и публичных зданий» в 1848 году сообщалось о «совершенно успешных» опытах, проведенных в Берлине «господином Зименсом»⁵. В следующем году в Берлин и Гамбург был направлен молодой капитан Корпуса путей сообщения К. К. фон Людерс (будущий директор Телеграфов и Телеграфного департамента) для ознакомления с телеграфным делом в Германии⁶. В Берлине Людерс установил деловые контакты с Сименсом, заказав ему стрелочные телеграфные аппараты и измерительные приборы для строящейся телеграфной линии С.-Петербург — Москва. Кроме того, жизнь требовала устройства уже не одной, а целой сети телеграфных линий на огромной территории России.

В 1852 году В. Сименс, стоявший во главе фирмы «Сименс и Гальске» и известный в России как один из создателей собственной системы электромагнитного телеграфа⁷, приехал в Петербург. В то время у себя на родине он не нашел понимания у руководителя Телеграфного ведомства Ф. М. Ноттенбома, который «оказал предпочтение пишущему телеграфу американца Морзе», и фирма «Сименс и Гальске» не получила более заказов⁸. Столица Российской империи произвела на Сименса «весьма внушительное впечатление грандиозностью своего плана, своими широкими улицами, обширными площадями и главным образом величественной Невой». Вместе с тем его поразило «странное чередование величественных дворцов с жалкими, часто сплошь деревянными, домишками на широких и бесконечно длинных улицах»⁹. В Петербурге его принял купец Л.-А. Гейзе, приехавший в Россию еще молодым и живший в доме № 19 на Большом проспекте Васильевского острова. Сам Сименс жил, как он писал в своих мемуарах, в одной из гостиниц по Кадетской линии неподалеку от дома Гейзе. Однако по данным «Ведомостей Санкт-Петербургской полиции» за 1852 год «Сименс Вернер, отставной поручик, прусский подданный», проживал в доме № 20 по Екатерининскому (ныне Грибоедова) каналу¹⁰.

Первый приезд Сименса оказался удачным: он заключил контракт на поставку сигнальной и телеграфной аппаратуры для строящейся линии Петербург — Москва, а затем на устройство телеграфной линии от Варшавы до прусской границы, а также между Петербургом и Кронштадтом. Строительство телеграфной линии Варша-

ва — прусская граница Сименс поручил младшему, 24-летнему брату Карлу, который стал с 1853 года постоянным представителем фирмы «Сименс и Гальске» в Петербурге. Поначалу главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями граф П. А. Клейнмихель считал представителя фирмы слишком юным для такого назначения, хотя за спиной К. Сименса уже был производственный опыт, полученный на берлинской фабрике «Сименс и Гальске». Молодой инженер обладал и административными навыками, приобретенными в период, когда он возглавлял парижское отделение фирмы и представлял в 1851 году ее интересы на Первой всемирной выставке в Лондоне.

Граф решил испытать К. Сименса и предложил ему подвести телеграфный кабель в так называемую «башенную комнату» Зимнего дворца, не побеспокоив при этом царскую семью. Карл нашел блестящее решение. Осмотрев башню и заметив, что на одном из ее углов нет водосточной трубы, он предложил поставить там подобную трубу, проведя через нее кабель. Предложение удивило Клейнмихеля неожиданностью и простотой, и К. Сименсу удалось таким образом зарекомендовать себя с лучшей стороны¹¹. Быстрота и высокое качество работ, проводившихся под руководством К. Сименса, убедили Клейнмихеля и других в правильности назначения его представителем фирмы «Сименс и Гальске» в Петербурге.

Осенью 1853 года были закончены работы по устройству телеграфа между С.-Петербургом и Кронштадтом, причем часть кабеля была проложена под водой. Прокладка линии Петербург — Варшава впервые в России с небывалой до этого быстротой была осуществлена воздушным способом. «Со времени этой перемены, — писали «Санкт-Петербургские ведомости», — правильность телеграфных сообщений не оставляет более ничего желать»¹². В дальнейшем прокладку телеграфных линий в России начали осуществлять воздушным способом.

Как следует из обнаруженных документов, связанных с прокладкой телеграфной линии Петербург — Москва, у фирмы «Сименс и Гальске» имелись конкуренты. В правительственных кругах шло серьезное обсуждение вопроса о том, кому поручить эти работы. Первоначально предпочтение отдавалось «американскому гражданину Уайнесу», который брался выполнить контракт за сумму на 72 000 рублей меньше, чем «Сименс и Гальске». Кроме того, звенигородский купец Смолин уже получил подряд на устройство подземного телеграфа и замену его на воздушный. Но проводившиеся им работы не всегда были качественными, что влекло за собой частое повреждение телеграфной связи¹³. Так как фирма «Сименс и Гальске» произвела лучшее

впечатление скоростью и высоким качеством выполненных ею заданий, а правительство «укрепилось в намерении покрыть все государство сетью электрических телеграфов»¹⁴, то в конечном счете именно ей был предоставлен грандиозный заказ на создание телеграфных линий между Москвой и Киевом, Киевом и Одессой, Ковно и прусской границей, Петербургом и Ревелем (Таллином), а также Гельсингфорсом. Начавшаяся Крымская война (1853–1856) потребовала оперативной связи с театром военных действий для руководства войсками, обеспечения их снабжения и передачи «административных приказаний высшей власти»¹⁵. В этих условиях административные и инженерные способности К. Сименса проявились особенно ярко. Правительство потребовало срочно организовать телеграфную связь между Севастополем и Николаевом. Всего за 16 недель без заранее составленного технического расчета (он выполнялся в процессе строительства) линия была проложена. По ней в августе 1855 года передали депешу о взятии неприятелем Севастополя. За оперативную и качественную работу Николай I повелел выразить фирме «Сименс и Гальске» свою монаршую благосклонность, но именно в связи с устройством этой линии у В. Сименса, прибывшего в Россию, возникли неожиданные неприятности. Клейнмихель, не веря в успех дела, дал указание не выдавать Сименсу паспорт на выезд из страны, и глава фирмы оказался на некоторое время «интернированным в Петербурге». Только благодаря помощи прусского принца, находившегося в столице России для переговоров о нейтралитете Пруссии в Крымской войне, Сименсу удалось уехать в Берлин¹⁶.

Образовавшаяся телеграфная сеть требовала обслуживания и ремонта. В связи с этим Строительное бюро фирмы в Петербурге было преобразовано в контору с мастерскими. Она разместилась в доме, приобретенном на Васильевском острове по адресу: 1-я линия, 34. Дом принадлежал вдове Л.-А. Гейзе. Здесь же после женитьбы в 1855 году поселился К. Сименс. Как сообщает немецкий биограф В. Сименса З. фон Вейер, женой Карла стала «молодая русская из Прибалтики»¹⁷. Из периодической печати и архивных документов известно, что это была дочь Г. Капгера — Мария¹⁸. Сам Капгер, русский подданный, купец 1-й гильдии, принадлежал к одному из старейших иностранных купеческих домов в Петербурге и был первым представителем фирмы «Сименс и Гальске» в России.

В 1859 году К. Сименс принял русское подданство и стал именоваться Карлом Федоровичем Сименсом¹⁹. В 1860 году его приняли в Санкт-Петербургское купечество 1-ой гильдии (до этого он был приписан к Вильманстрандскому купечеству). В это время петербург-

скому отделению фирмы «Сименс и Гальске» присвоили официальное наименование «Контрагентов по постройке и ремонту Императорских русских телеграфов» с правом ношения особой формы для служащих. В. Сименс вспоминал об этом: «Последнее было совершенно необходимо для успешного исполнения возложенных на нас задач, где публике импонирует только мундир. Чтобы получить это разрешение, я заказал в Берлине целую серию красивых рисунков. Погоны, присвоенные в России исключительно офицерам, были заменены золотым галуном, который предполагался различной толщины в соответствии со званием служащего. Затем искусные художники нарисовали группы одетых в такие формы людей, и эти картины, собранные в изящную папку, должны были произвести сильное впечатление на ценителей и знатоков форменного платья. Захватив такую папку, Карл отправился к графу Клейнмихелю, изложив ему наши затруднения, проистекающие от отсутствия у наших агентов узаконенной формы, и просил присвоить им таковую из представляемых на усмотрение его сиятельства образцов. Вид красивых картин победил первоначальное упорство графа. Он оставил у себя папку, обещав показать картины Государю, который тотчас дал просимое разрешение»²⁰. Форма и обмундирование «ремонтной телеграфной стражи, контрагентами содержимой», была утверждена 14 июля 1855 года Александром II²¹.

Русское правительство возложило на «Сименс и Гальске» технический надзор «за особую плату» за телеграфными линиями на время от 6 до 12 лет, и по настоянию Клейнмихеля фирме передали ответственность за их охрану²². Ранее охрана телеграфных линий осуществлялась Управлением шоссейных дорог, но дело «было поставлено плохо», поэтому фирме и предложили взять все в свои руки при условии, что платить ей будут те же 100 рублей с версты, которые платили Управлению шоссейных дорог²³. Фирма согласилась, но с одной оговоркой: она сама будет «наблюдать и справлять» телеграфные линии, «отвечая лишь за исправность действий и целостность ее»²⁴. Для выполнения своих обязательств «Сименс и Гальске» впервые в России ввела электромеханическую контрольную систему: через каждые 50 верст были установлены сторожевые будки, оснащенные будильниками и гальванометрами. Эта система обеспечила своевременное получение сведений о неисправностях в линиях и их оперативное исправление²⁵.

Создание и эксплуатация телеграфных линий потребовали расширения производственной базы — нужно было использовать не только получаемую из Германии телеграфную аппаратуру, но и изготавливать различное оборудование, включая телеграфные аппараты и усовер-

шенствования к ним. 28 мая 1859 года Министерство финансов выдало «10-летнюю привилегию иностранцам Сименсу и Гальске на усовершенствование в устройстве электромагнитных телеграфов»²⁶. В собственном доме по 1-ой линии Васильевского острова была открыта механическая мастерская. Разрешение на это было дано 16 января 1868 года. Мастерская стала предшественником крупнейших предприятий фирмы «Сименс и Гальске», давших мощный импульс развитию электротехнической промышленности в России.

Петербургское отделение «Сименс и Гальске» активно участвовало в постройке Индоевропейской телеграфной линии, осуществляя все работы по ее созданию на территории России — от прусской до персидской границы. Фирма осуществила также прокладку первых телеграфных линий на Кавказе, для чего было организовано ее тифлисское отделение. Его возглавил Вальтер Сименс, брат руководителей предприятия.

Активное участие во всех делах фирмы на Кавказе принимал и К. Сименс. Он переехал туда в 1867 году, так как закончился контракт на ремонт и обслуживание телеграфных линий в европейской части России. Одновременно с этим петербургское отделение фирмы, наряду с лондонским и берлинским, получило концессию на проведение Индоевропейской телеграфной линии. Новая работа требовала личного участия К. Сименса. Были среди причин переезда и семейные обстоятельства: тяжело заболела его жена, и ей рекомендовали переменить климат. В 1868 году К. Сименс переехал с семьей в Берлин. Так закончился первый период жизни К. Сименса в России. Его деятельность была высоко оценена правительством России. Он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Диплом, выданный ему при этом, гласил:

«Прусскому инженеру Карлу Сименсу

В изъявление особенного Нашего к вам благоволения, Всемиподвигейше пожаловали Мы вас указом, в 14 день Июня 1868 года Капитулу данным Кавалером Императорского ордена Нашего Святыя Анны 3-й степени Грамоту сию в свидетельство подписать, Орденскою печатью укрепить и знаки Орденские препроводить к вам Повелели Мы Капитулу Российских Императорских и Царских орденов. Дана в Санктпетербурге в 21 день Июня 1868 года»²⁷.

¹ Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М., 1957. Т. 48. С. 39.

² Мешкунов В. С., Сыров В. М. Роль семьи Сименс в становлении и развитии электротехнической промышленности в России // Сборник трудов Государственного Политехнического музея. М., 1993. С. 196.

- ³ Коузов А. И. Исторический очерк устройства телеграфного сообщения между Санкт-Петербургом и Москвой // Почтово-телеграфный журнал. 1910. № 2. С. 116–125.
- ⁴ Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфрон. СПб., 1900. Т. XXIX. С. 921.
- ⁵ Журнал Главного Управления путей сообщения и публичных зданий. 1848. Кн. 3-я. Май-июнь. С. 188.
- ⁶ Техник. 1882. № 5. С. 13.
- ⁷ Мануфактурные и горнозаводские известия. № 30/31. 5 августа 1849 г.
- ⁸ Вейер фон З. Вернер фон Сименс. Цюрих – Франкфурт, 1978. С. 31–32.
- ⁹ Сименс фон В. Мои воспоминания. СПб., 1893. С. 99.
- ¹⁰ Ведомости Санкт-Петербургской полиции. 7 апреля 1852 г.
- ¹¹ Данилов В. Вернер Сименс. Почтово-телеграфный журнал. 1893. № 11. С. 1038–1039.
- ¹² Санкт-Петербургские ведомости. 12 августа 1853 г.
- ¹³ РГИА. Ф. 343. Оп. 1. Д. 53. Л. 34–38.
- ¹⁴ Там же. Ф. 20. Оп. 2. Д. 889. Л. 6.
- ¹⁵ Почтово-телеграфный журнал. 1905. № 4. С. 370.
- ¹⁶ Сименс фон В. Указ. соч. С. 109.
- ¹⁷ Вейер фон З. Указ. соч. Там же.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 889. Л. 6.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Сименс фон В. Указ. соч. С. 112–113.
- ²¹ Полный свод законов Российской Империи. Соб. II. Т. XXX. Отд. I. 1855. № 29517. СПб., 1856. С. 511.
- ²² Почтово-телеграфный журнал. 1893. № 11. С. 1041–1045.
- ²³ Наниташвили Н. Л. Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы «Сименс и Гальске». 1860–1917. Тбилиси, 1982. С. 32.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Данилов В. Указ. соч. С. 1041.
- ²⁶ Мануфактурные и горнозаводские известия. 1856. № 31.
- ²⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 22827. Л. 13 об.

И. Ю. Котин

Петр Великий в Оксфорде

Петр Великий прибыл в Англию в начале 1698 и покинул ее 25 апреля того же года¹. За это время русский царь многое увидел, и, быть может, не последнее значение для решения создать академические учреждения в России имело посещение им знаменитого Оксфордского университета. Автору данной статьи посчастливилось побывать в Оксфорде, где память о визите великого российского реформатора до сих пор жива.

После трех месяцев пребывания в Англии Петр I отправился в старейший университетский город этой страны вместе со своим сподвижником Я. В. Брюсом, шотландцем по происхождению. Как писал А. И. Андреев: «Расцвет географической науки в Англии в конце XVII — начале XVIII века в значительной мере связан с деятельностью профессоров и преподавателей Оксфордского университета. Изучение географии шло здесь в двух направлениях: «космографическом», где предметом была география всего света, и математическом, тесно связанном с мореплаванием (навигацией). Совершенствование и развитие математической географии составляло задачу профессора астрономии, с которым совместно работал в этом направлении профессор геометрии. Эта сторона университетского преподавания в Оксфорде была весьма интересна для Петра и его спутника Я. В. Брюса. Интерес к географии, вероятно, и привел их в Оксфорд как центр, где она особенно процветала в те годы»².

Бесспорно, царю было интересно познакомиться с университетской системой образования в Англии, но Оксфорд долгие годы был

не только центром учености. Профессора и выпускники его университета входили в число иерархов церкви, политиков, парламентариев, нередко вершивших судьбу Британии. Некоторые колледжи³ владели землями в Англии и ее колониях, вели международную и внутреннюю торговлю, контролировали миссионерскую деятельность и колониальную экспансию, поставляя кадры миссиям, торговым компаниям, администрации заморских владений, находившимся в ведении короны. Так было и позднее. Например, во времена королевы Виктории, провозглашенной в 1876 году императрицей Индии, выпускники Оксфордского Баллиол колледжа занимали все ключевые посты в Британской империи⁴.

В конце XVII века почти все церковные иерархи Англии, включая архиепископа кентерберийского, были выпускниками Оксфорда. Преподаватели университета способствовали приходу к власти Вильгельма III, выступив идеологами «Славной революции». Доны (преподаватели) Модлин колледжа первыми проявили неповиновение королю-католику Якову II, затем последовало бурное противостояние между королем и народом, закончившееся в 1688 году бегством Якова II во Францию.

Как известно, главной целью Великого посольства было создание антиосманской коалиции. Склонить Англию к вступлению в нее можно было лишь при поддержке всех заинтересованных сторон. В журнале («Юрнале») путешествия Петра I и ряде других источников упоминаются встречи русского царя с архиепископом кентерберийским Теннисоном, епископом сальсберийским Барнетом (дневники последнего хранятся в библиотеке Бодлеана в Оксфорде), другими высокопоставленными англиканскими священниками. Царь обсуждал с ними вопросы о различиях между христианскими церквями и о положении христиан в Османской империи. Вероятно, Петр I надеялся использовать идею освобождения восточных христиан для создания антиосманской коалиции. На встрече в Ламбетском дворце в Лондоне, состоявшейся 27 февраля 1698 года, «его величество получил от архиепископа кентерберийского рукописный труд, переведенный на русский язык, о положении греческих церквей на Востоке»⁵.

Большинство высших иерархов англиканской церкви получило образование в Оксфорде и сохраняло тесные связи с Alma Mater⁶. Оксфордские теологи имели большой вес в решении религиозных проблем на государственном уровне. Их поддержка могла помочь осуществлению замыслов Петра I. Определенный интерес в этом отношении со стороны оксфордских теологов и англиканских священников был очевиден: еще в 1694 году при университете был открыт

греческий колледж для подготовки духовных лиц для восточной церкви (он просуществовал до 1765 года⁷).

Вероятно, русский царь получил официальное приглашение посетить Оксфорд, ибо встречали его там «архиепископы и университетские власти»⁸. Запись в «Юрнале» сообщает: «(8 апреля) За четыре часа до полудня поехали в Оксфорд <...>. (9 апреля) В полночь приехали домой». Поездка была кратковременной, но плодотворной.

В Оксфорде того времени было 18 колледжей и 7 академических холлов⁹. Известно, что Петр I останавливался на ночлег в Крайст Черч колледже. Этот знаменитый и богатый колледж был основан в 1525 году кардиналом Вулзи, затем колледж несколько раз реформировали, и официальным основателем его стали считать короля Генриха VIII. При нем в подчинение колледжу был передан кафедральный собор. Деканы колледжа одновременно являются оксфордскими епископами.

Вероятно, епископ оксфордский и декан Крайст Черч колледжа Г. Олдрич участвовал во встрече Петра I. Особый статус колледжа предполагал, что монарх должен останавливаться именно в нем. Так, во время гражданской войны между королем и парламентом этот колледж служил в 1642–1646 годах резиденцией Карла I. Другие английские короли, находясь в Оксфорде, также останавливались в Крайст Черч.

Декан Олдрич был крупным теологом и, можно полагать, продолжал линию своего предшественника доктора Фелла на установление контактов с Востоком¹⁰. Выпускники Крайст Черч (У. Пенн, основатель Пенсильвании, и др.) отличились и в освоении американских колоний Англии. Результатом ламбетской и оксфордской встреч стало предоставление британским подданным права беспрепятственного отправления обрядов англиканской церкви в России. Судя по всему, с учетом английского опыта, о котором наверняка шла речь в Крайст Черч, была произведена Петром I и русская церковная реформа. Для колледжа, как и для университета в целом, характерным было лоббирование интересов своих питомцев, в том числе владельцев огромных табачных плантаций в Америке. Не случайно договор о табачной торговле с Россией был заключен 16 апреля — через несколько дней после поездки.

Прибыв в Оксфорд, Петр I и Брюс не могли миновать Модлин Бридж — мост через Червел, приток Темзы, а затем направились мимо Модлин колледжа, Юниверсити колледжа, Квинз колледжа по Хай Стрит к башне Карфакса, где, оказавшись в историческом центре города на пересечении четырех путей, свернули на Олд Гейтс Стрит, чтобы попасть в Крайст Черч.

Богатейший в университете Модлин колледж, основанный в 1458 году, являлся как бы форпостом Оксфорда, находясь на пути гостей города. Знаменитая сорокачетырехметровая башня его часовни, завершенная в 1509 году, является одной из главных архитектурных доминант города.

Напротив Модлин колледжа находится старейший в Британии ботанический сад, основанный в 1621 году. Наследник частного «огорода» семьи Традескантов, этот сад мог вдохновить Петра I на создание «аптекарского огорода» сначала в Москве, а затем и в Петербурге. Гордостью Оксфорда является и другое детище Традескантов — основанный в 1683 году музей, получивший имя Ашмолеана. Старейший в Англии, он находится по соседству с университетской библиотекой Бодлеана, о посещении которой Петром I есть запись в «Юрнале». Музей Ашмолеана, ставший главным университетским, напоминал в конце XVII века своими естественно-научными, историческими и этнографическими раритетами, произведениями искусства другие кабинеты редкостей того времени.

Когда-то близ Модлин колледжа стоял дом Э. Галлея, астронома, математика и метеоролога, который был оксфордским профессором и директором Гринвичской обсерватории. Петр I побывал в Гринвиче в марте и, возможно, встречался с Галлеем. Впрочем, «люди из Оксфорда» несомненно были среди представленных русскому царю в Королевском научном обществе, Монетном дворе, Парламенте и при Дворе.

Вероятно, кроме Крайст Черч, Петр I посетил Модлин колледж и Сент Джонс колледж, наиболее богатые и влиятельные учебные корпорации Оксфордского университета, заинтересованные в миссионерской деятельности на Востоке. Вероятно, в силу близости к Крайст Черч посетил Петр I также Корпус Кристи и Мертон. Почетного гостя могли принять и другие учебные корпорации. Их здания располагаются вокруг прямоугольных дворов-квотов, в те времена мощенных камнем, а ныне представляющих собой, по большей части, ухоженные зеленые площадки.

В Крайст Черч Петр I побывал на службе в кафедральном соборе и, вероятно, в его трапезной — огромном готическом зале. Стены трапезной украшены теперь портретами деканов колледжа и его знаменитых выпускников. Колледжу есть чем гордиться: среди его питомцев 11 премьер-министров страны, выдающиеся философы, ученые, писатели и поэты. Здесь можно увидеть портрет великого философа Дж. Локка, написанный в 1705 году Г. Неллером, художником, который по заказу Петра написал его собственный портрет. Локк

наряду с И. Ньютоном был инициатором проведения монетной реформы, о которой не мог не знать Петр I, посещавший Монетный двор в Тауэре. Большой квод Крайст Черч, крупнейший в Оксфорде (длина — 264, ширина — 261 фут), понравился царю. В колледже живо предание о том, как он катался по двору в коляске и якобы даже потерял перчатку, хранящуюся до сих пор в библиотеке колледжа. Кстати, современного библиотечного здания тогда еще не существовало, велись лишь работы по созданию двора, куда выходит его фасад. Строительством вокруг двора Пикюотер руководил декан Олдрич, человек разносторонних знаний, интересовавшийся химией, физикой, математикой. Посетив Крайст Черч, Петр I пригласил в Россию математиков Гвина и Грайса, и они стали одними из первых преподавателей в российских математических и «навигационных» школах.

В Оксфорде Петр I «присутствовал на литургии в англиканской церкви, принял от местного духовенства приветствия православной церкви и получил несколько книг по математике, переведенных на русский язык. Когда его величество посетил семинарии (колледжи — И. К.) и библиотеки, он увидел там среди прочих рукописей и проезжие грамоты на русском языке, которые были выставлены в силу их редкости и прекрасного письма, украшенного золотыми и иными вставками. Среди них были грамоты царя Ивана Васильевича, которые он писал королеве Елизавете. Они привлекли внимание его величества и очень заинтересовали. Перечитав их все с величайшим удовольствием, его величество несколько раз начинал смеяться и просил дать ему списки с нескольких из них, показавшихся ему наиболее трогательными и интересными; по его мнению, они могли не сохраниться в московских архивах»¹.

Непродолжительная по времени поездка Петра Великого в Оксфорд сыграла важную роль в формировании у царя идей преобразования России, в частности создания академического музея и университета. В самом же Оксфорде визит русского царя вызвал интерес к России, который способствовал появлению в старейшем английском университете школы талантливых историков-русистов.

¹ См.: Буганов В. И. Петр Великий и его время. М., 1989; Нартов А. Достопримечательные повествования и речи Петра Великого / Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Сборник статей под ред. А. И. Андреева. М.; Л., 1947; Андреев А. И. Петр I в Англии в 1698 г. / Там же. С. 80. Анекдоты. Сост. Е. В. Анисимов. СПб., 1993.

² Андреев А. И. Указ. соч. Там же.

- ³ Колледжи — автономные корпорации преподавателей и студентов, объединенные королевской хартией в университет.
- ⁴ См.: Котин И. Ю. Имперский университет и далекая колония // Межвузовский сборник «Проблемы истории, филологии, культуры». Вып. III. Ч. 2. М.: Магнитогорск, 1996. С. 376–385.
- ⁵ Андреев А. И. Указ. соч. С. 74.
- ⁶ См.: *Allumni Oxonienses. The Members of the University of Oxford. 1500–1884.* 9 ed. Joseph Foster. 8 vols. 1897–92.
- ⁷ Андреев А. И. Указ. соч. Там же.
- ⁸ Там же. С. 79.
- ⁹ Академические холлы создавались по завещанию того или иного дарителя, зависели от его воли и часто разорялись. Некоторые из них получали королевскую хартию и становились полноправными колледжами.
- ¹⁰ См.: Котин И. Ю. Указ. соч.
- ¹¹ Андреев А. И. Указ. соч. С. 79.

Е. И. Краснова

Путешествие Н. А. Демидова

Никита Акинфиевич Демидов (1724–1780) принадлежал к известной семье русских металлургов¹. Его дед — Никита Демидович Антюфеев (Антуфьев, 1656–1725) — тульский кузнец, который за заслуги в обеспечении армии оружием был возведен в дворянское достоинство Петром I с присвоением фамилии Демидов²; отец — Акинфий Никитич (1678–1745) основал на Урале 17 железоделательных и медеплавильных заводов, выпускавших в XVIII веке более трети всего русского металла³. Из трех сыновей Акинфия Никитича младший — Н. А. Демидов — оказался самым деловым. Он успешно продолжил дело деда и отца, получив в наследство нижнетагильские заводы. Будучи очень богатым человеком, он покровительствовал ученым и художникам, был почетным членом Вольного экономического общества и Академии художеств, состоял в переписке с Вольтером⁴.

Похоронив двух жен, от браков с которыми детей не осталось, Никита Акинфиевич в возрасте 43 лет женился на Александре Евтихьевне Сафоновой, бывшей моложе его на 21 год. В первые четыре года брака детей не появилось. Молодая жена страдала меланхолией, и врачи посоветовали Демидову развлечь ее зарубежной поездкой, заодно полечив ее на водах. В «Предуведомлении» к путевым запискам сказано, что «главным побуждением сего пути была беспрестанная болезнь Александры Евтиховны» и «надежда, чтоб видеть в совершенном здоровье свою супругу, побудили его предпринять столь дальний путь»⁵.

В 1771 году, «испросив Высочайшее позволение от Ея Императорского Величества Всемилостивейшей нашей Государыни», супруги выехали из Санкт-Петербурга.

© Е. И. Краснова

Путевые заметки под названием «Журнал путешествия Его Высочайшего Господина Статского Советника и Ордена Святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова по иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращение в Россию ноября 22 дня 1773 года» были изданы в Москве в 1786 году. В начале книги помещен портрет Н. А. Демидова работы известного русского гравера Г. И. Скородумова и «Предупреждение» о том, что «сей журнал издается для его фамилии в единственное напечатание тех мест, кои в чужих краях по возможности видеть случилось». Автор «Журнала», изданного после смерти Демидова, который был, по-видимому, его секретарем во время путешествия, неизвестен.

Интересно проследить маршрут поездки Демидовых. Покинув столицу, «ночевали первую ночь с выезда в Красном Селе», а 19 марта приехали в Нарву. «Город сей хотя и не велик, но хорошо выстроен». Далее продолжали путь до Риги, куда «накануне Святыя Пасхи благополучно и приехали». «Рига, первая город в Лифляндии стоит на берегу реки Двины, в нем строение почти все каменное <...>, что касается улиц, то оныя весьма узки. Всех домов более 600». 2 апреля прибыли в столицу Курляндии Митаву — владение герцога Бирона. Приехав в Кенигсберг 12 апреля, «остановлены были у почтового двора для осмотра, не имеем ли мы заповедных вещей». «Кенигсберг столичный город короля Прусского, стоит на берегу реки Прегеля, через которую построено семь мостов, в нем жителей считается до 40 000 <...> Будучи в сем городе, купил Никита Акинфиевич разные янтарные вещи с насекомыми для своего натуральной истории кабинета».

Далее через Данциг 1 мая прибыли в Берлин, где «проведены были прямо для осмотра в пакгауз <...>. Ужинали у Российского министра князя Володимира Сергеевича Долгорукова». Потом почти каждый день «приглашаемы были к его столу». С ним же ездили на фарфоровую королевскую фабрику. Берлин, по-видимому, не произвел большого впечатления на путешественников.

В Потсдаме, что в четырех милях от Берлина, «видели картинную галерею, в ней лучшие Рубенсовы, Вандиковы, Жордансовы и прочих славных пинселей (от нем. pinsel — кисть — Е. К.) картины». Далее «Диссель-Дорф» и «Ахен, где на бале Курфистина сделала честь Александре Евтиховне и Никите Акинфиевичу, говоря с ними не малое время ласково и обходительно».

Наконец, 19 июля добрались до Спа, где «в 7 часов поутру приходят к фонтану <...> пьют воду стаканами <...> сколько кому предписано и прогуливаются на гульбище». Потом «возвращаются каждый

в квартиру обедать, а другие ходят за общий стол к разным содержателям». После этого «одеваются и збираются в редуте или в театр, а изредка и в воксале также случаются собрания». В Спа Демидовы провели полтора месяца.

«Незадолго перед отъездом здешние знаменитые люди рассудили пригласить всех Русских к обеденному столу, где были следующие особы: Ея сиятельство княгиня Катерина Романовна Дашкова с сыном и дочерью, Его превосходительство генерал-поручик Николай Иванович Салтыков с супругой и племянником Салтыковым же». Еще были камер-юнкеры князь Сергей Сергеевич Гагарин, полковник барон Александр Николаевич Строганов с супругой Елизаветой Александровной, камер-юнкер граф Андрей Кириллович Разумовский и Алексей Васильевич Нарышкин⁷. Подробное перечисление гостей в «Журнале путешествия» свидетельствует о том, как лестно было супругам Демидовым находиться в столь избранном обществе.

Затем Демидовы посетили Антверпен, откуда, «наняв кареты для легкости, а свои оставив», доехали до побережья, где наняли яхту до Роттердама. Оттуда отправились в Амстердам — «первый город в Голландии». На яхте ходили в Саардам, «видели тот дом, где Петр Великий пребывая учился кораблестроению».

«Между тем все время бытности нашей употребили на покупку нужных нам вещей: как-то полотна, салфеток, скатертей, всяких индийских материй, платков, японских больших горшков, вазов разной величины и гротескных раковин». Бархат, купленный в Голландии, отдали перешить в платье, чтобы не беспокоиться «от таможи веза в куске».

29 сентября прибыли в Лейден, а 3 октября у Демидовых был «г. профессор Гобиус для советывания о состоянии Александры Евтиховны» <...>. Найдя в ней великую сухость, велел пить ишачье молоко для наведения тела. После увидев, что она стала пред прежним полнее, дал он ей железные капли для утверждения нервов и надеялся, что как скоро укрепит их, то освободится от преемственной истерики. Лечение помогло: «Александра Евтиховна с того времени совсем не имела тех припадков, кои у нее были доселе». Профессору «дали хорошее и достойное вознаграждение», получили от него наставление на будущее и рецепты. В скором времени здоровье молодой супруги настолько окрепло, что, «к чувствительной радости» мужа, она забеременела.

Однако путешествие продолжалось, и 24 ноября прибыли в Париж, «пообедали и расположились, а остаток дня заняты были просмотром товаров, принесенных купцами, что они по обыкновению делают для всех новоприезжих, желая продать, покуда не узнают на-

стоящих цен, гораздо дороже». На другой день осматривали Париж, который произвел на Демидовых большое впечатление, «славен множеством всяких картин, вещей, к натуральной истории надлежащих и минц кабинетов, одним словом, он в рассуждении всего наивеликолепной и славной город в Европе <...>. Он стоит на реке Сене, протекающей сквозь его <...>. На мостах дома в 5 и 6 этажей построены, и как по ним идешь, кажутся оные большими улицами».

«Известившись чрез объявление в газетах о продаже разных вещей и картин в Версалии и взяв с собой королевского живописца г. Лагрена младшего, ездили смотреть картины и отметили, которые <...> понравились». Побывали в королевской библиотеке, «куда всякой может войти, и испрося читать и выписывать, что кому рассудится, а известные ученые люди <...> могут расписавшись и к себе брать». Посетили королевский зверинец, где «чужднее всех зверей показался нам Рыноцерос, на нем кожа, как бы в запасе сделана, претолстая и без шерсти. Он не много поменьше слона, ноги имеет претолстые, как и весь стан не складной, голову продолговатую и толстую, на самом рыле и наверху головы по рогу». Были на «Гобеленовой фабрике», посетили скульпторов Ж.-Б. Пигаля и Г. Кусту Младшего.

Демидовы вели переписку с Г. Н. Тепловым и А. Ф. Кокориновым⁸. Последнему послали каталог картин для приобретения их Академией художеств.

Королевскому живописцу А. Рослину был заказан портрет Александры Евтихиевны, а затем и сам Никита Акинфиевич «начал списываться у Рослейна», который «его чрезвычайно сходственно написал»⁹.

Считая «за необходимость видеть отправление Аглинской коммерции и совершенно войти во все ее подробные обстоятельства», Демидов решил побывать в Англии. Александре Евтихиевне врачи поездку не разрешили. 15 мая наняли яхту и «плыли с небольшим 5 часов, где от трясения каретного отдыхали».

В конторе поменяли французские деньги на «Банковые Аглинские билеты». Затем «поехали по дороге, какой желать лучше не можно. Она не вымощена, а насыпана песком с мелкими камешками, гравье называемыми <...>. Город Лондон разделяется на два, на Сити старой, где весьма узкие улицы и на Винст-Минстер, построенный широкими улицами, которые для пешеходов по обеим сторонам выстланы с повышением диким камнем, от чего на них и в ненастье грязи не бывает».

В Лондоне посетили господина А. С. Мусина-Пушкина, министра российского, вручили ему рекомендательное письмо от Н. И. Панина¹⁰.

Из Англии Демидов вернулся в Париж, где «Александра Евтихиевна 26 сентября 1772 года поутру в среду в пять часов и десять

минут разрешилась благополучно от бремени, и даровал им Бог к их утешению и всегдашнему желанию дочь, нареченную Екатериной».

«В ноябре месяце начаты делать Никиты Акинфиевича и Александры Евтиховны мраморные бюсты русским пансионером г. Шубиным, из Рима возвратившимся»¹¹, который переехал к ним жить. Своими рассказами он пробудил у Демидовых желание поехать в Италию, и скульптора уговорили сопровождать их. С ними согласились ехать А. И. Мусин-Пушкин и князь С. С. Гагарин¹². Новорожденную оставили в Париже.

Отправились 4 декабря и спустя девять дней прибыли в Лион. Далее следовали через Ланебург, расположенный «у подошвы горы Монсинис. Она почитается 1490 сажен перпендикулярной вышины»¹³. «Экипаж наш рано поутру отправлен, разобранной на лошаках и быках» через заснеженный перевал. «Некоторые из нас севши на лошаков, а другие, также и Александра Евтиховна несены были на носилках шестерыми с переменою, коим платится 50 вносить, а 30 копеек сносить с человека». Прибыли в Турин 21 декабря, а потом приехали в Болонью, где из всех зданий «удивительнее кривая башня <...> она построена из кирпича и имеет наклонение 8 футов и 2 вершка»¹⁴. Посетили Болонскую Академию наук, осмотрели «кабинет истории натуральной», зал химии, лабораторию и зал древностей.

1 января 1773 года путешественники доехали до Флоренции¹⁵. Здесь они «нередко езжали в казину или клуб», осмотрели Флорентийскую картинную галерею.

Огромное впечатление на Демидовых произвел Рим. «Чтобы подробно описать здешние древние редкости, то для сего надлежало бы прожить по крайней мере больше года <...>. Ездили смотреть Колизе (Колизей — Е. К.) — круглопродолговатое строение <...>. Сие здание представляет великолепной амфитеатр издревле определенной для сражения гладиаторов или поединщиков или для других Римских зрелищ (зрелищ — Е. К.)».

«Января 12 числа представлены были Его Превосходительством Иваном Ивановичем Шуваловым»¹⁶ к святейшему папе Ганганеллиу (Клименту XIV — Е. К.), которой нас принял благосклонно и ласково». В феврале смотрели карнавал. В том же месяце получили печальное известие о кончине отца Александры Евтихиевны.

Однако путники не прервали путешествия. «С Шубиным всходили на гору Везувий, чтобы видеть чудесное ее действие <...>. На самую поверхность пошел только г. Шубин с товарищем». Шли почти по колено в пепле, видели «превеликое пламя с дымом». Потом отправились «видеть жестокие следы огнедышащей той горы на засыпанном

городе Помпеи». Никита Акинфиевич приобрел картину, изображавшую разлитие лавы из Везувия¹⁷.

18 февраля отправились в Неаполь и наняли квартиру на самом берегу моря. 9 марта на вечере у Демидовых «были многие с визитами, в том числе Аглинской посланник Гамильтон с супругой»¹⁸. 21 марта вернулись в Рим. «На первое число (апреля — Е. К.) вставши в четыре часа по полуночи, ездили в Греческую церковь к заутрени <...> слушали и обедню праздника Святой Пасхи. Хотя по старому штилю, коему церковь наша следует, он еще и не пришел. Рады были, что еще церковь Греческая здесь находится. Возвратясь на свою квартиру, разговелись и после пошли в церковь Святого Петра».

На следующий день Демидовы ездили по знакомым проститься и 3 апреля выехали из Рима в Пизу. Там «осматривали церковь. Колокольня по особенной архитектуре на правую сторону весьма наклонившаяся сделана вся из мрамора с немалыми в 6 ярусов колоннами. Подобие ея есть настоящий цилиндр. Поверхность плоска и обведена балюстрадом».

«Из Пизы поутру <...> переезжая через крутой мыс <...> карета, в коей сидела Александра Евтиховна будучи беременна <...> опрокинулась вверх колесами, но упала не столь сильно <...> большого повреждения никому не учинилось».

Далее проследовали через Геную, Тулон, Марсель, Лион в Женеву. «Мая 1 поутру явился к нам г. Позье, бывшей при Российском Дворе лет 30 ювелиром, и старинный знакомый Никиты Акинфиевича»¹⁹. 3 мая у Демидовых обедали князь Ф. Н. Голицын и граф Г. К. Разумовский²⁰. На следующий день ездили по часовым фабрикам, где Никита Акинфиевич купил «четверы золотые часы». 10 мая прибыли в Париж «по шестидневном из Женевы и шестимесячном из Италии переезде».

18 мая, вновь оставив дочь в Париже и «взяв для путевого случая доктора», Демидовы выехали в Англию.

В Лондоне они «представлены были во дворце королю и королеве». Интересны их впечатления о лондонских улицах, которые «не довольно хорошо вымощены за малостью камней, и для того еще, что народ волен мостить каждый против своего дому, как ему заблагорассудится, к тому ж часто мостовую разламывают для починки фонтанных труб, посредством которых все дома снабжены свежей водой, из Темзы насосами поднимающейся».

28 мая посетили «отменно славный дом герцога Малбурга»²¹, а 30-го побывали в «Бримиджане» (вероятно, Бирмингеме — Е. К.), где «<...> видели фабрики в коих железо переделывается в сталь, а из стали — разные изделия». Осматривали рудники неподалеку от горо-

да, 2 июля «отдыхали от дорожных переездов, в коих объехали более 300 аглинских миль».

19 июля возвратились в Париж. Поездка не прошла бесследно: «Александра Евтиховна по приключившемуся болезненному припадку и в рассуждении <...> беременности никуда не выезжала 28 дней, ее посещали знакомые дамы». 20 августа Демидовы ездили в Парижскую Академию художеств вместе с графом А. С. Строгановым и его женой²².

Вскоре начались сборы в обратный путь. 30 августа 1773 года выехали в Петербург. Миновав Страсбург, Франкфурт, Дармштадт, 16 сентября прибыли в Лейпциг, где «обедали у нас дети Его Высочайшего превосходительства Адама Васильевича Олсуфьева»²³ и другие учащиеся в здешнем Университете».

Через Дрезден, где видели «достойный примечания арсенал, в коем оружие на 50 000 человек», приехали 26 сентября во Фрейбург. Здесь «испросив позволения у находящегося главного надзирателя, видели столь славные и полезные рудники, приносящие курфисту доходу каждогодно одного чистаго серебра до 2 тысяч пуд <...>. Никита Акинфиевич по любопытству своему не хотел оставить без осмотра самых тех мест, где добыча руды происходит», для чего «надев горное платье с надзирателем сошли только 15 лестниц, то есть 40 сажен. Сырость, спершейся дым от свечи едва его не задушил, поспешил вылести вон».

1 октября приехали в Берлин «на постоялый двор Париж называемой, где у нас из таможни осмотрели сундуки».

По выезде из Данцига карета, где «было дитя с няньками, кормилицей и камердинером, опрокинулась в ров. По счастью, дочь была на руках у расторопного человека и осталась невредима». 1 ноября прибыли в Ригу, затем в Нарву.

8 ноября в полночь приехали в село Чирковицы в 80 верстах от Петербурга и не смогли выехать из него «по причине приближения родин Александры Евтиховны, для чего немедленно послали по бабу, помогала почтмейстерская жена. В 9 с четвертью благополучно разрешилась от бремени, к неописанной радости ее супруга даровал ему Бог сына, как бы в награждение за его столь дальнее и многотрудное путешествие, предпринятое им единственно для ее исцеления». Новорожденный был наречен Николаем²⁴. 10 ноября «уведомившись от посланного в Петербург за лекарем нашего человека, Никиты Акинфиевича племянники Александр и Петр Григорьевичи, Катерина Ивановна Сердюкова с братьями и Федор Александрович Суворов к нам приехали»²⁵. Через 12 дней Демидовы прибыли в Петербург.

«При крещении новорожденного восприимчивыми были Его Сиятельство граф Алексей Григорьевич Орлов и Елизавета Ивановна Орлова ж»¹.

«Тем и окончили щасливо наше путешествие, привезши в отечество к великому удовольствию Никиты Акинфиевича дочь и сына».

«Журнал путешествия ...» Н. А. Демидова является одним из интереснейших документальных свидетельств о русских путешественниках и их поездках в XVIII веке. В нем подробно рассказывается о многих местностях и городах, их достопримечательностях, о дорогах того времени и способах передвижения. Эта книга, изданная в 1786 году, является теперь библиографической редкостью, и ее переиздание, безусловно, было бы интересно для нынешнего читателя.

¹ Краснова Е. И. Демидовы. Родословная роспись. Екатеринбург, 1992.

² РБС. Том «Дабелов-Дятковский». СПб., 1905. С. 217.

³ Там же. С. 210.

⁴ Там же. С. 216.

⁵ Здесь и далее цит. по: «Журнал путешествия Его Высочайшего Господина Статского Советника и Ордена Святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова по иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года по возвращение в Россию ноября 22 дня 1773 года». М., 1786.

⁶ В XVIII в. послов и посланников называли министрами. В. С. Долгоруков (1720–1803) был посланником в Берлине в течение 25 лет.

⁷ Кн. Е. Р. Дашкова (1744–1810) в 1769–1772 гг. совершала путешествие по Европе с малолетними детьми. Позднее директор Петербургской Академии наук, основатель и президент Российской Академии. Н. И. Салтыков (1736–1816), впоследствии светлейший кн., в 1770–1773 гг. находился за границей для лечения, был воспитателем вел. князей Александра и Константина; председателем Гос. Совета и Комитета министров. Кн. С. С. Гагарин (1745–1798), впоследствии действ. тайный советник, посланник в Лондоне. Бар. А. Н. Строганов (1740–1789), двоюродный брат гр. А. С. Строганова (см. прим. 21), его дочь Елизавета вышла замуж за сына Н. А. Демидова — Николая. Гр. (впоследствии светлейший кн.) А. К. Разумовский (1752–1836), сын украинского гетмана и президента Академии наук гр. К. Г. Разумовского, дипломат. А. В. Нарышкин (1742–1800), позднее тайный советник.

⁸ Г. Н. Теплов (1711–1779), тайный советник, сенатор, музыкант. Его дочь Елизавета была замужем за И. И. Демидовым, сыном двоюродного брата Н. А. Демидова. А. Ф. Кокоринов (1726–1772), архитектор, ректор Академии художеств с 1769 г., был женат на племяннице Н. А. Демидова.

⁹ В начале «Журнала путешествия» помещена гравюра Г. И. Скородумова с портрета Н. А. Демидова работы А. Рослина. См.: Карпова Е. И. Скульптурные портреты Демидовых // Демидовский временник. Екатеринбург, 1994. С. 107. Гравюра воспроизведена на с. 201. Местонахождение портретов в настоящее время неизвестно.

¹⁰ Российским послом в Англии в то время был А. С. Мусин-Пушкин. Н. И. Панин в те годы возглавлял Коллегию иностранных дел.

¹¹ Ф. И. Шубин (1740–1805), скульптор. В 1770–1772 гг. пенсионер Петербургской Академии художеств в Риме. По возвращении в Петербург он женился на сестре А. Ф. Кокоринова, став свойственником Н. А. Демидова (см. примеч. 8). Бюсты Демидовых работы Шубина находятся в Третьяковской галерее. См.: Лазарева О. П. Портреты Демидовых работы Ф. И. Шубина // Научно-исследовательская работа в художественных музеях. М., 1975. Ч. 2. С. 189; Карпова Е. В. Указ. соч. С. 108–111.

¹² А. И. Мусин-Пушкин (1744–1817), отставной артиллерийский офицер, совершавший путешествие по Европе, впоследствии граф, обер-прокурор Синода, президент Петербургской Академии художеств, сенатор, археограф, нашедший список «Слова о полку Игореве». Кн. С. С. Гагарин — см. примеч. 7.

¹³ Современное название — Ланлебур-Мон-Сини.

¹⁴ Две наклонные башни в Болонье существуют до сих пор.

¹⁵ Сын Н. А. Демидова — Николай жил во Флоренции, стал ее почетным гражданином, там ему был поставлен памятник.

¹⁶ И. И. Шувалов (1727–1797), первый куратор Московского университета, президент Академии художеств, меценат, в 1763–1777 жил за границей.

¹⁷ Через полвека знаменитую картину «Последний день Помпеи» К. П. Брюллов написал по заказу внука Н. А. Демидова — Анатолия Николаевича Демидова, князя Сан-Донато.

¹⁸ У. Гамильтон, английский посланник в Неаполе в 1764–1800 гг. Демидовы встречались с его первой супругой.

¹⁹ И. Позье оставил интересные «Записки придворного брильянтика о пребывании в России с 1724 по 1764 год». СПб., 1870.

²⁰ Ф. Н. Голицын (1751–1827), племянник И. И. Шувалова (см. примеч. 16), в эти годы завершал образование в Женеве. Впоследствии куратор Московского университета. Г. К. Разумовский (1759–1837), сын К. Г. Разумовского (см. примеч. 7), занимался геологией и минералогией.

²¹ Герцоги Мальборо — одна из наиболее родовитых семей Англии, к которой принадлежал выдающийся государственный деятель XX в. У. Черчилль.

²² Гр. А. С. Строганов (1733–1811) с женой жили в то время в Париже. В дальнейшем он стал президентом Петербургской Академии художеств и директором Публичной библиотеки.

²³ А. В. Олсуфьев (1721–1784), сенатор, статс-секретарь Екатерины II. Свойственник Н. А. Демидова, племянник которого А. Г. Демидов был женат на П. М. Олсуфьевой, двоюродной сестре А. В. Олсуфьева.

²⁴ В Чирковицах сохранился памятник, поставленный в честь рождения сына Н. А. Демидова — Николая.

²⁵ А. Г. и П. Г. Демидовы, сыновья брата Н. А. Демидова. К. И. Сердюкова «с братьями» — дети сестры Н. А. Демидова, которая была замужем за И. М. Сердюковым, сыном строителя Вышневолоцких шлюзов. Ф. А. Суворов, двоюродный брат великого полководца А. В. Суворова, был женат на дочери двоюродного брата Н. А. Демидова — Е. Н. Демидова. Подробно о Демидовых см.: Краснова Е. И. Указ. соч.

²⁶ Гр. А. Г. Орлов-Чесменский (1735–1807), генерал-аншеф, брат Г. Г. Орлова, фаворита Екатерины II. Е. И. Орлова — жена их брата В. Г. Орлова.

Е. Л. Балашова

Земля обетованная по изображениям русских паломников XVIII — середины XIX века

Такая дивная картина развилась
перед восхищенными взорами, и пла-
менно бы я желал всегда иметь ее хоть
мысленно перед собою.

А. Н. Муравьев

В XIX веке путь русских паломников начинался в Одессе, в сентябре, с тем, чтобы весной встретить Пасху в Иерусалиме и к зиме вернуться в Россию. Константинополь и Дарданеллы были тем «пределом», за которым каждый шаг был связан с приближением к цели паломничества. В нескольких часах пути от Мраморного моря открывались острова Греческого архипелага (Лесбос, Патмос, Родос), за ними начинался долгий переход морем в Яффу. От Яффы шли пешком в Иерусалим.

Другой путь лежал через Александрию и Каир, Суэцкий перешеек и безводную пустыню. Топография паломнических дорог не была случайной; путники намеренно искали препятствия или, по крайней мере, мысленно желали их. «Утомленный уединенным путем, которым девять дней скитался я от Каира, я столь же пламенно желал земли Обетованной, как некогда Израил, и грудь облегчалась, когда нога моя ступила на свежую зелень», — вспоминал один из «поклонников»² А. Н. Муравьев³.

Воспоминания, «путешествия», заметки паломников благодаря многочисленным переизданиям были известны каждому, кто задумывал

посетить святые места. Осознанно или неосознанно будущие паломники оказывались под влиянием своих предшественников. Ветхозаветная и новозаветная история, соединяясь с литературными «путешествиями», была почвой для воображаемых странствий, предшествовавших реальному паломничеству. «Поклонники» же, отягощенные «исторической памятью», терялись в «ужасе собственных воспоминаний»⁴.

Источником изучения Палестины и Иерусалима была не только литература. Рисунки, выполненные в путешествиях, и гравированные издания дополняли представления о земле обетованной. Первые из распространенных в России видов Палестины относятся ко второй четверти XVIII века. Они были выполнены антиохийским монахом Василием Григоровичем Барским⁵. Он оставил подробное описание своих путешествий, отшельнической жизни на острове Патмос и рисунки афонских монастырей. Список пятидесяти рисунков, принесенных в дар Одесскому археологическому обществу архиепископом Херсонским и Таврическим Гавриилом, был опубликован в 1874 году в «Записках Одесского общества истории и древностей»⁶. Большой частью — это изображения многочисленных афонских монастырей, нарисованные пером в 1744–1745 годах во время второго путешествия Барского на Афон; зарисовки древностей, расположенных на островах Архипелага, и изображение Гроба Господня в Иерусалиме.

В библиотеке графа А. С. Уварова⁷ находилась рукопись Барского с его рисунками. В описании рукописи, сделанном в конце XIX века, сказано, что «рукопись — автограф сочинителя, но не полна, первые семь листов приписаны гораздо позже; рисунков сто с лишком, в том числе тетрадь упражнений в рисовании; на конце разные заметки о родстве Григоровича, писанные разными руками, до 1794 года. След[овательно] рукопись оставалась долго в доме Григоровичей (родственников Барского — Е. Б.) <...> рисунков при жизни автора считалось до ста пятидесяти»⁸.

В конце XVIII — XIX веке его «Путешествие» несколько раз переиздавалось в сокращенном варианте. К самому первому изданию⁹ прилагались гравированные иллюстрации неизвестных авторов — «Гроб Господень», «Вид Иерусалима», «Иордан» и «Мертвое море». В 1885–1887 годах «Путешествие» Барского было переиздано с фотолитографиями авторских рисунков.

В России в XVIII веке, помимо «путешествий» и описаний Палестины русскими паломниками, издавались карты святых мест по западным оригиналам. В Москве, в типографии В. О. Киприанова¹⁰, в 1706 году под наблюдением генерал-лейтенанта Я. В. Брюса¹¹ было перегравировано с латинского оригинала¹² изображение Иерусалима:

© Е. Л. Балашова

«Описание Святого града <...> как был во дни Иисуса Христа <...>»¹³. В той же московской типографии «тщанием В. Киприанова» в 1716 году была издана карта «Изображение святой земли обетованной», также переведенная с латинского оригинала¹⁴. В 1759 году в Гравировальной палате Академии наук в Петербурге М. И. Махаев по латинскому оригиналу, выполненному И. Г. Келером в Аугсбурге, награвировал «Географическое описание <...> Палестины или Иудеи или обетованной и святой земли <...>»¹⁵.

Большинство натурных рисунков Палестины и гравированных изданий, выполненных очевидцами, относятся к первой половине XIX века.

Несколько свидетельств о миссиях русских «поклонников», вместе с которыми отправлялись художники, остались лишь в воспоминаниях. Ф. И. Глинке, литератору, участнику Отечественной войны 1812 года, было известно, что граф А. И. Остерман-Толстой путешествовал по Палестине вместе с художниками и учеными «для пользы наук и просвещения»¹⁶. Кто был в числе этой группы русских паломников и остались ли какие-либо дневники и рисунки, до сих пор остается невыясненным.

В течение трех лет странствовал по Востоку барон Икскуль¹⁷, но судьба его живописных работ неизвестна. Можно лишь предполагать, насколько важны были для истории иерусалимских святынь его рисунки и живопись, выполненные до пожара в 1807 году в храме Воскресения Господня.

В 1820 году к дипломатической миссии на Ближний Восток во главе с Д. В. Дашковым¹⁸ присоединился академик живописи М. Н. Воробьев¹⁹. Имя пейзажиста не раз связывалось с романтическим направлением в русском искусстве.

Начало пути миссии было положено в марте 1820 года, через несколько месяцев путешественники были в Константинополе. Благодаря стараниям русского посла в Турции графа Г. А. Строганова, Воробьев получил лодку и провожатого. Вынужденная задержка из-за эпидемии чумы позволила ему вполне почувствовать природу этого древнего города, исторически связанного с Византией.

Отправляясь по собственной инициативе в столь далекое путешествие, живописец, несомненно, знал многочисленные описания этих мест конца XVIII — начала XIX века. Топография пути оставалась неизменной, но следующее поколение искало в тех же знакомых ландшафтах другой смысл. Один из предшественников Воробьева, иеромонах Мелетий, проезжая в 1793 году Босфор или «горловину Богаза», видел «веселое зрелище гор, покрытых пышной раститель-

ностью»²⁰. Художник-романтик, напротив, созерцал растворенное в застывшей тишине пространство и выжженный солнцем силуэт берегов. Образ «ликующего пейзажа» в преддверии града Константина, столь естественный для паломника XVIII века, в воображении Воробьева приобрел черты почти мистического миража.

«Шанфор сказал прекрасную истину, — писал Глинка, — истину, понятную только для чувствительных душ, животворимых воображением: лишась способности мечтать, душа перестает наслаждаться жизнью. Воображение Гомера, Вергилия, Тасса, душа "Илиады", "Энеиды" и "Освобожденного Иерусалима" пережило и еще переживет падение многих памятников и царств»²¹.

Очевидно, эти слова могли бы быть эпиграфом ко многим описаниям путешествий. Для русских паломников первой половины XIX века поэма Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» так же, как «Путешествие из Парижа в Иерусалим» Ф. Р. де Шатобриана, была эстетическим модулем восприятия Палестины; литературные реминисценции невольно возникали в дневниках, заметках о путешествиях или рисунках. Литературная метафоричность определяет многие акварельные пейзажи Воробьева.

В конце июня, оставив Константинополь, русская миссия отправилась в Смирну, затем на Родос, в Ларнак и Каир, и, наконец, в августе путешественники ступили на берег Яффы. Дальше путь в Иерусалим нужно было преодолеть на лошадях и верблюдах. Отрывок из путевых заметок Дашкова, с которым путешествовал Воробьев, был опубликован под названием «Русские поклонники в Иерусалиме <...>»²² в альманахе «Северные цветы на 1826 год» и сопровождался гравюрой «Храм Воскресения Господня» И. В. Ческого по рисунку Воробьева. В 1833 году с незначительными сокращениями и без иллюстраций отрывок был переиздан «Российской хрестоматией»²³. К сожалению, осталось неизвестным, существовал ли какой-либо более полный дневник, но три недели, проведенные в Палестине, были с истинным вдохновением описаны Дашковым. В результате путешествия, продолжавшегося в целом около года (в январе 1821 года путешественники вернулись в Петербург), появился графический дневник Воробьева, который содержит около 90 пейзажных рисунков и зарисовок палестинских древностей²⁴.

В 1820-х годах живописец выполнил по собственным акварелям и рисункам несколько картин маслом. Это ряд живописных работ, хранящихся в настоящее время в ГРМ: «Внутренний вид Храма Гроба Господня» (1820-е), «Внутренность армянской церкви в Иерусалиме» (1820-е), «Внутренний вид храма в Иерусалиме» (1821), «Вход в храм

Воскресения Господня в Иерусалиме» (1822)²⁵, «Внутренность церкви на Голгофе» (1824), «Вид в окрестностях Смирны» (?), этюд). Известный пейзаж «Иерусалим ночью» (?) находится ныне в ГТГ. Эта картина не раз повторялась и варьировалась художником.

В 1820–1830-е годы по оригиналам Воробьева издавались эстампы, гравированные А. Брейтгорном, А. Кларой, А. Г. Ухтомским и братьями Н. Г. и Г. Г. Чернецовыми.

Пейзажные акварели были написаны художником с большой непосредственностью и свободой. Панорамы Мертвого моря и Иерусалима с исчезающими, как миражи, силуэтами дальних планов (мотив, распространенный и в литературе романтического направления) как будто концентрируют застывшее время тысячелетней древности.

Графический дневник пейзажиста близок путевым заметкам Дашкова. Оба автора едины в восприятии святой земли, Иерусалима, и оба дневника в равной степени наполнены романтическими реминисценциями.

«Иерусалим — при первом взгляде на сии неожиданно возникшие стены — город Давида, Ирода и Годфреда — тысячи воспоминаний одно другого живее, одно другого священнее, тянутся в душу <...>»²⁶. Вряд ли нужно искать более близкую параллель и к пейзажу «Мертвое море»: «Мертвое море ярко отражало лучи восходящего солнца. Предания священной древности оттеняли картину сельской жизни. Величавый араблянин, потомок Измаила, полунагой, с длинным ружьем за плечами гнал на паству коз и овец к потоку, озаменованному чудом Пророка Елисея. Другие копали гряды, может быть, там, где стоял дом Раавы и где Левиты носили кивот завета на гибель Иерихону <...>»²⁷.

Как сообщалось в альманахе «Северные цветы»²⁸, Дашков надеялся издать подробный план церкви Воскресения Господня с описанием икон и всех приделов, принадлежавших разным исповеданиям. Однако эти рисунки, «снятые на месте» Воробьевым, не были изданы.

В 1830-е годы не менее известными были описания святых мест, сделанные А. Н. Муравьевым²⁹ и А. С. Норовым³⁰. При этом востоковед и собиратель Норов³¹ из путешествия по Палестине, Египту и Нубии в 1835–1836 годах привез также натурные рисунки. К сожалению, ни в одном из трех переизданий его «Путешествия» они не были воспроизведены. Большинство гравированных иллюстраций анонимны; по рисунку Норова, судя по подписи, гравировался только вид Элеонской горы и Иерусалима со стороны горы Сион. Несколько гравированных картинок по его рисункам было включено в один из путеводителей 1870-х годов³².

В 1842–1843 годах путь из Италии через Каир в Иерусалим проделали ученики Воробьева — братья Г. Г., Н. Г. и П. Г. Чернецовы³³. В своих «Записках для памяти»³⁴, написанных во время путешествия, живописцы не раз цитировали сочинение Муравьева. Через десять лет, повторяя путь своего предшественника, Чернецовы невольно следовали ему и в описании ландшафтов Палестины и Иерусалима.

Из Каира — «истинной столицы Востока»³⁵ — они шли через серые, выгоревшие под палящим солнцем пески пустыни и Суэцкий перешеек. Наконец, пройдя цветущую долину и Газу, они приблизились к Иудейским горам, скрывавшим Иерусалим. «Весь и внезапно восстает он <...>. Гора Элеонская в ярких лучах вечера и пустыня Мертвого моря в туманах ограничивали за ним горизонт, и я стоял в безмолвном восторге, теряясь в ужасе воспоминаний»³⁶, — писал Муравьев. Чернецовы оставили очень близкое описание неожиданно возникшего перед ними святого города. Не имея возможности надолго останавливаться в пути, пейзажисты рисовали графитом небольшие панорамы ландшафтов, напоминавшие «стенограммы» с отметками цветовых пятен для завершения впоследствии в акварельной или масляной технике. В отличие от Воробьева, не доверяя воображению, они «рисовали все точно, — как вспоминали позже, — вымеривая каждый камень»³⁷, обращая внимание на особенности строительной техники в Каире и на характер резного орнамента и рельефов.

За время путешествия ими было создано около 600 рисунков³⁸, благодаря которым в Петербурге было выпущено литографированное издание³⁹.

В 1845 году газета «Иллюстрация» объявила о выпуске трех тетрадей, каждая из которых содержала шесть видов, тогда же был издан план Вертепа Рождества Христова в Вифлееме и подготовлена к выходу четвертая тетрадь. Все литографии печатались в два камня братьями Чернецовыми без помощи печатника. Рассчитывая на интерес к палестинским святыням и благосклонность публики, художники не объявляли подписку. Однако, несмотря на дешевизну издания, палестинские виды не пользовались успехом. Причиной непопулярности литографий, вероятно, была очевидная сухость графической манеры и монотонность близких по своему решению композиций. Издание состояло из следующих листов: в первой тетради — «Общий вид Иерусалима», «Вид в Рамле или древней Аримафее», «Замок Давида и купальни Вирсавии», «Мечеть Эль-Акса на месте, где была Святая Святых», «Вид Яффы», «Самсонова гора в Газе»; во второй тетради — «Вертеп Рождества Христова в Вифлееме», «Долина пастырей близ Вифлеема», «Вход в погребальную пещеру Пресвятой

Богородицы», «Вход к ея источнику», «Башня Ирода», «Иорданская долина», «План Вертепа Рождества Христова»; в третьей тетради — «Назарет», «Место Благовещения», «Грот, где жила Святая Дева», «Камень трапезы», «Пруды Соломона», «Дом Давида»; в четвертой — «Вход в храм Воскресения Господня в Иерусалиме», «Камень миропомазания в храме Воскресения», «Вход в часовню Гроба Господня в храме Воскресения», «Место исцеления слепорожденного в Иерусалиме», «Элеонская гора», «Место милосердия самарянина на пути из Иерусалима в Иерихон».

Предпринимая издание, Чернецовы намеренно ограничивались наиболее известными достопримечательностями Палестины и Иерусалима, сопровождая их краткими описаниями, поэтому последовательность изображений не всегда соответствовала проделанному художниками пути. Пейзажи первой тетради объединены ветхозаветной историей, второй — новозаветной, третьей — сюжетами, связанными с Богородицей, наконец, последняя была посвящена главной святыне Иерусалима — храму Воскресения Господня.

Литографии Чернецовых — последнее крупное издание о Палестине, выполненное по оригинальным рисункам пейзажистов-паломников.

В первой половине XIX столетия благодаря литературным и графическим описаниям в России сложилась известная иконография святых мест. Совершенно очевидно, что литературная традиция, «воображаемый Иерусалим», наконец, архитектурные «копии» иерусалимских святынь⁴⁰ и перенесение условной топографии святой земли на русскую почву⁴¹ — все это повлияло на восприятие Палестины.

В 1855 году литографом А. Мюнстером был издан альбом с текстом на русском, французском и немецком языках «Живописные виды святых мест Палестины, снятые с натуры». 14 литографий с изображением христианских достопримечательностей и наиболее известных панорам Иерусалима, Вифлеема и Назарета составили своего рода путеводитель по святым местам. Альбом Мюнстера, предназначенный, скорее, для туриста, чем паломника, совершенно отличается от всех вышеназванных альбомов путешествий и графических дневников. Он связан с ними лишь в той степени, в какой любой путеводитель, используя наиболее удачные виды и описания, повторяет своих предшественников.

Краткий очерк о русских «поклонниках в земле обетованной» ограничен рассмотрением натурных рисунков и гравированных изданий, выполненных очевидцами в первой половине XIX века. За его пределами остались русские переводы и переложения западноевро-

пейских иллюстрированных книг о святынях Палестины и Иерусалима. Возможно, «ландшафт воображения» в большей степени связан именно с этими изображениями святых мест, но они должны быть предметом отдельного исследования.

¹ Муравьев А. Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году. СПб., 1832. Т. I. С. 202. Книга выдержала восемь изданий с дополнением карт и планов.

² «Поклонники» — наиболее употребляемое в исторической и мемуарной литературе XVIII–XIX вв. название русских паломников.

³ Александр Николаевич Муравьев (1806–1874) — писатель, автор нескольких поэм, трагедий и сочинений духовного содержания.

⁴ Муравьев А. Н. Указ. соч. С. 217.

⁵ Василий Григорьевич Барский, сын киевского мещанина. Его называли также не только Барским, но и Плакой или Албовым. С 1724 по 1747 год он пешком совершал паломничество. В 1733–1734 годах в Дамаске Барский был пострижен в монахи антиохийским патриархом. Топография его путешествий: 1725 г. — остров Корфу, Архипелаг, Афон; 1726 — Иерусалим и Палестина; 1727 — Каир, Египет; 1728 — Аравия, Синай, Суэцкий перешеек; 1729–1730 — Иерусалим, Сирия, Египет; 1731–1732 — острова Архипелага; 1733–1734 — Дамаск; 1735–1736 — Каир; 1737–1743 — остров Патмос, где Барский прожил в уединении шесть лет; 1743–1745 — Константинополь и второе путешествие на Афон, которое было им подробно описано и иллюстрировано рисунками. В 1747 году пешком через Польшу Барский вернулся домой и через несколько дней умер, страдая «болезнью ног». Его письма с подробными описаниями путешествий и быта паломников были опубликованы: «Русский архив». СПб., 1874. Тетрадь 9. С. 513–532.

⁶ Рисунки Василия Барского // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1874. Т. I. С. 649.

⁷ Алексей Сергеевич Уваров (1828–1884) — археолог, основатель Исторического музея в Москве.

⁸ Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова в 4-х частях. Составил архимандрит Леонид. М., 1894. Ч. 3. С. 326. № 1760.

⁹ Пешеходца В. Г. Барского, Плаки — Албова, уроженца Киевского, монаха антиохийского путешествия по святым местам в Европе, Азии и Африке находящимся. 1724–1747. Издано на иждивение кн. Г. А. Потемкина В. Рубаном. СПб., 1778.

¹⁰ Василий Онуфриевич Киприанов (?–1723) — издатель и гравер. В 1705 г. основал первую частную в России Московскую гражданскую типографию и библиотеку при ней.

¹¹ Яков Вилимович Брюс (1670–1735) — государственный деятель и ученый, сподвижник Петра I. С 1706 г. в ведении Брюса находилась Московская гражданская типография. Он владел ценной коллекцией предметов старины и библиотекой, переданной им в Академию наук.

- ¹² Латинский оригинал карты был впервые напечатан в 1582 г. в Польше и Ярославле. В гравированной подписи названы авторы гравюры — Андрих Делф, Франциск Орендвертен и, по-видимому, издатель — Айтсепер.
- ¹³ Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов П. Пекарского. СПб., 1862. С. 653–654.
- ¹⁴ Там же. С. 655.
- ¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 796. Оп. 44. Д. 145. Л. 6. Приношу искреннюю благодарность М. А. Алексеевой, специалисту в области русской гравюры XVIII в., сообщившей о местонахождении одного из экземпляров карты.
- ¹⁶ Историческая хрестоматия Галахова. СПб., 1864. Т. 2. С. 487.
- ¹⁷ Трудно сказать, кто из известной семьи был в экспедиции. Возможно, это был сенатор Борис Васильевич Иксуль (ум. в 1827 г.).
- ¹⁸ Дмитрий Васильевич Дашков (1788–1839) — дипломат, литератор, автор критико-полемических статей, один из основателей общества «Арзамас».
- ¹⁹ Максим Никифорович Воробьев (1787–1855) — живописец, гравер, педагог.
- ²⁰ Путешествие в Иерусалим Мелетия, Саровской пустыни иеромонаха, в 1793 и 1794 годах. М., 1798.
- ²¹ Глинка Ф. И. Письма к другу. М., 1990. С. 99.
- ²² Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 г. // Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826. С. 214–283. Глава «Афонская гора» опубликована отдельно: Северные цветы на 1825 год. СПб., 1826. С. 119–161.
- ²³ Дашков Д. В. Святыя места // Российская хрестоматия. СПб., 1833. Ч. I. С. 36–48.
- ²⁴ Акварельным видам Турции и Палестины М. Воробьева посвящена статья: Правовойрова Л. Восточный дневник М. Н. Воробьева // Искусство. 1987. № 9. С. 63–68.
- ²⁵ За эту работу Воробьев получил звание профессора Академии художеств.
- ²⁶ Русские поклонники в Иерусалиме... С. 224.
- ²⁷ Там же. С. 272.
- ²⁸ Там же. С. 243.
- ²⁹ Муравьев А. Н. Указ. соч.
- ³⁰ Норов А. С. Путешествие по святой земле в 1835 г. А. С. Норова. СПб., 1838. В издание, наряду с иллюстрациями разных авторов, были включены две гравюры по натурным рисункам Норова («Гора Элеон» и «Иерусалим»).
- ³¹ Авраам Сергеевич Норов (1795–1869) — министр народного просвещения России (1854–1858), востоковед, собиратель рукописных книг и автографов русских и иностранных государственных деятелей. Его библиотека подробно описана в кн.: Библиотека Авраама Сергеевича Норова. СПб., 1868. В части I (с. 66, № 112) названы альбомы с натурными рисунками Палестины.
- ³² Русский Арсений, иеромонах. Путеводитель во святой град Иерусалим, ко Гробу Господню и прочим святым местам Востока и на Синай, с рисунками и политипажами. Киев, 1872. По рисункам Норова были гравированы ви-

ды Назарета, «Место Благовещения», «Иерусалим», «Горная», «Место свидания Пресвятой Богородицы с Елизаветой», «Вифлеем», «Вертеп Рождества Иисуса Христа», «Дуб Мамврийский».

- ³³ Григорий Григорьевич (1802–1865), Никанор Григорьевич (1805–1879) Чернецовы — живописцы. Путешествовали по России, Италии, Греции и Палестине. Поликарп Григорьевич (?–1842) — их младший брат. Он был первым из русских паломников, похороненных на Сионе. В конце XIX века еще сохранялась надпись на камне над его могилой с полустершейся надписью на греческом и русском языках: «Поликарп Чернецовъ. Скончался 1842 года на 18 году от рождения...». Сведения по: Пономарев С. Иерусалим в русской литературе, науке, живописи и переводах. СПб., 1877.
- ³⁴ ГРМ ОР. Ф. 14. Ед. хр. 163, 164.
- ³⁵ Муравьев А. Н. Указ. соч. С. 114.
- ³⁶ Там же. С. 217.
- ³⁷ ГРМ ОР. Ф. 28. Ед. хр. 13. Л. 35, 36.
- ³⁸ Большинство рисунков находится в собрании ГРМ (фонд русского рисунка).
- ³⁹ Палестина. Виды, рисованные с натуры академиками Г. и Н. Чернецовыми в 1842 и 1843 годах. Тетради 1–4. СПб., лит. М. Тюлева, 1844–1845.
- ⁴⁰ В Иерусалиме Муравьев вспоминал о Новоиерусалимском храме под Москвой. Несмотря на условность этого «слепок храма Воскресения», созданного при патриархе Никоне, само напоминание о главной святыне Иерусалима было существенно для паломников.
- ⁴¹ «Топографии» святой земли и появлению названий палестинских древностей в России, «русским Вифлеемам, Сионам, Гефсиманиям и Иорданами» посвящена глава в кн.: Пономарев С. Указ. соч.

Н. Н. Гончарова, И. П. Ерохина

**Рисунки к Первой русской кругосветной экспедиции
1803–1806 годов из собрания Государственного
Исторического музея**

В 1996 году отмечалась историческая дата — 300-летие русского флота. На тот же год пришлось еще две знаменательные даты — 190-летие Первой русской кругосветной экспедиции и 150-летие со дня смерти ее руководителя И. Ф. Крузенштерна.

В 1803–1806 годах военные корабли «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского предприняли первое в истории русского флота кругосветное плавание. По замыслу оно должно было носить коммерческий характер. Большая заслуга капитанов состояла в том, что их стараниями экспедиция приобрела мировое научное значение.

Основными задачами плавания были посещение Японии первым русским посольством во главе с Н. П. Резановым, доставка грузов на Аляску и Камчатку, описание острова Сахалин, обследование устья реки Амур, океанографические, географические и другие изыскания по пути следования.

Все участники экспедиции: экипажи кораблей, чиновники, ученые — были добровольцами. По просьбе Резанова руководство Академии художеств командировало для выполнения видовых, портретных, бытовых и этнографических изображений двух художников — С. С. Курляндцева и В. П. Причетникова. Последний из-за отсутствия места участия в экспедиции не принял, и вся работа, связанная с документальным отображением плавания и научной фиксацией исследований, легла на Курляндцева и иностранного ученого-натуралиста

В. Тилезиуса фон Тиленау, присоединившегося к экспедиции в Копенгагене.

26 июля 1803 года «Надежда» и «Нева» вышли из Кронштадта. Первому кругосветному плаванию русских кораблей придавалось большое значение. Незадолго до отплытия суда посетил император Александр I со свитой.

Пройдя Атлантический океан и обогнув мыс Горн, корабли разлучились: «Нева» пошла к острову Пасхи, а флагман «Надежда» — к Маркизским островам, где впоследствии они и встретились.

В 1809–1810 годах вышло в свет сочинение Крузенштерна с описанием плавания, к которому был приложен «Атлас карт и рисунков». Во вступительной части записок автор утверждал, что «виды берегов и изображения предметов, касающихся до натуральной истории в атласе, все рисованы Тилезиусом. Исторические виды также все его работы»¹. По мнению известного искусствоведа А. А. Федорова-Давыдова, в основе знаменитого «Атласа» лежали не только дилетантские рисунки ученого Тилезиуса, но и работы Курляндцева. Вместе с тем они были так переработаны граверами, что «альбом является, в сущности, их произведением»². Однако это утверждение остается лишь предположением, так как рисунки Курляндцева до настоящего времени не обнаружены и сравнивать гравюры просто не с чем. Рисунки же Тилезиуса сохранились: два путевых карманных альбома находятся в РГБ и содержат видовые и этнографические зарисовки, изображения морской флоры. Работы Тилезиуса хранятся также в Архиве Академии наук в С.-Петербурге³.

К этим, уже известным хранилищам ценных реликвий экспедиции Крузенштерна, надо присоединить собрание отдела изобразительных материалов Государственного Исторического музея, которое содержит семь оригинальных рисунков. В их числе четыре произведения, подписанные Тилезиусом, которые приобретены в 1983 году, и три анонимных рисунка из коллекции Волконского, поступившие из его усадьбы Суханово в 1924 году. Эти редкие изобразительные материалы никогда ранее не публиковались и исследователям не известны⁴.

Особый интерес представляет удивительное соответствие изображений описаниям плавания, которые даны в сочинении Крузенштерна, хотя говорить об иллюстративности этих рисунков не приходится. По времени они предшествуют тексту и вполне независимы. Однако любопытно обратиться при их рассмотрении к тексту записок.

25 апреля 1804 года «Надежда» подошла к острову Нукагива — самому большому из группы Маркизских островов. Корабль встал

© Н. Н. Гончарова, И. П. Ерохина

на якорь в заливе Анны Марии, расположенном на середине южной оконечности острова. Вот какое впечатление эти берега произвели на Крузенштерна: «Сии неровные, голые, каменные возвышения (цепи гор — Н. Г., И. Е.) представляют унылый вид зрению, увеселяемому некоторым образом только одними прекрасными водопадами, которые, в недалеком один от другого расстоянии, стремятся по каменным возвышениям около 1 000 футов утесам, низвергаются в море»⁵.

Именно такой берег с вертикальной лентой водопада изобразил безымянный автор первого рисунка, снабдив его надписью: «Вид бухты Анны Марии на Маркизских островах». На рисунке показан визит русских моряков к королю островитян: две шлюпки плывут вдоль берега в сопровождении лодки-однодеревки. (Впрочем, в журнале путешествия московский купец Ф. Шемелин записал, что королей на острове столько же, сколько заливов.)

Надо сказать, что Маркизские острова, открытые в 1595 году, редко посещались путешественниками. Как рассказывал Крузенштерну живший на острове англичанин, за последние семь лет здесь побывали только два малых американских купеческих судна. Поэтому приход «Надежды», а через два дня и «Невы», был встречен местными жителями с огромным интересом. «Едва только бросили мы первый якорь, вдруг окружили корабль наш несколько сот островитян вплавь, предлагавших нам в меню кокосы, плоды хлебного дерева и бананы», — записал Крузенштерн⁶.

Первым почтил русских вниманием король бухты Анны Марии по имени Тапега Кеттонове со своей свитой. По словам Крузенштерна, это был «человек лет около 45, весьма сильный и благообразный, имевший толстую широкую шею; цвет тела его очень темный и близкий к черному, весь испещрен насеченными на коже узорами, даже на обратной части головы. Он не отличался наружно ничем от своих подданных и был также весь голый, не имея на себе ничего, кроме чабу (пояса — Н. Г., И. Е.)»⁷.

Короля и его свиту, как мог, изобразил очевидец другого важного события, происшедшего после недельной стоянки судов. Накануне между экипажами кораблей и аборигенами создалась напряженная обстановка. Ей предшествовал ложный слух о намерении русских арестовать короля из-за его отказа доставить на корабли свиней — главную пищу, в которой нуждались путешественники. Возмущенные нукагивцы вооружились и готовились к нападению. Чтобы уладить конфликт, Крузенштерн с Лисянским в сопровождении 20-ти хорошо вооруженных офицеров и матросов, с подарками, отправились к королю. После объяснений дружеские отношения были восстановлены.

Другой рисунок называется «Король Попего Маркизских островов едет к российскому фрегату «Надежде» с мирною ветвью». Вот запись Крузенштерна по этому поводу: «По восстановлении спокойствия приехал король на корабль и привез мне в знак мира перечное растение; однако скоро в том после раскаялся. Не прошло даже полчаса, как начал он просить меня, чтобы я отдал его обратно, если мне не нужно»⁸.

На рисунке к кораблю под Андреевским флагом приближается лодка с четырьмя гребцами, на носовой части которой стоит король с деревцем в руке. Все, соответственно описанию, обнажены, кожа покрыта татуировкой. Относительно внешности мужчин Крузенштерн записал следующее: «Голову (как и бороду — Н. Г., И. Е.) бреют, оставляя только по обеим сторонам длинные волосы, которые завязывают в пучок так, что оные кажутся рогами»⁹.

Рисунки носят столь любительский характер, что делать предположение об их авторстве не представляется возможным. Несомненно, что рисунков было несколько — на это указывает цифра «9» на поле листа.

За время пребывания на Нукагиве экспедиция собрала богатый научный материал. Крузенштерн и Лисянский впервые составили этнографическое описание жителей острова. Это было очень важно, так как после них многие обычаи уже никем не наблюдались и записаны не были.

Оставив Маркизские острова, корабли продолжали следовать по намеченному маршруту. Расставшись с «Невой» у Сандвичевых островов, «Надежда» 3 июля 1804 года вошла в Авачинскую бухту и встала на якорь в Петропавловске. Эту вынужденную стоянку до захода в Японию Крузенштерн предпринял для ремонта судна и выгрузки товаров, предназначенных Российско-Американской компании. Здесь же были высажены на берег три члена экспедиции: художник Курляндцев и доктор Брыкин по болезни, а граф Федор Толстой — за свои экстравагантные выходки.

В Петропавловск «Надежда» заходила еще два раза: летом и осенью 1805 года. Вторая стоянка продолжалась месяц. За это время и были исполнены Тилезиусом с натуры четыре рисунка, хранящиеся в коллекции ГИМа. Один из них датирован «5 июня 1805 г.».

Два листа, выполненные карандашом и сепией, являются зарисовками береговых линий с грядками гор, окружающих Авачинскую губу. Первый — вид юго-западного берега с Вилучинской сопкой. На другом, вытянутом по горизонтали, представлена горная цепь, расположенная на северо-востоке. Она начинается с Коряцкого вулкана (Ти-

лезиус дает второе его название — Стрельная сопка) и продолжается до Жупановского вулкана. Эти изображения, вошедшие в «Атлас» (табл. III и IV), являются научной фиксацией географических исследований, но одновременно и пейзажами.

Две другие чрезвычайно интересные акварели представляют Петропавловскую бухту и порт с разных расстояний. Они снабжены буквенными обозначениями и пояснениями на немецком языке. Панорама первого рисунка развернута от деревни Авача до Паганой речки в окрестностях Петропавловска, где находилось кладбище. Это место обозначено часовней с крестом. На другой работе Тилезиуса порт изображен с мола Кошка — узкой косы, видной и на предыдущей акварели.

Петропавловск расположен у подножия гор, поросших лиственным лесом, кустарником, травой. В то время в поселке насчитывалось всего около 30-ти домов. Как отметил Крузенштерн, два из них отличались большими, по сравнению с другими, удобствами и предназначались для коменданта крепости и артиллерийских офицеров. У самого берега на фоне Авачинского вулкана бросила якорь «Надежда».

Рисунки Тилезиуса отличает безупречная документальная точность, и вместе с тем их автору несомненно присуще художественное восприятие пейзажного образа.

8 октября 1804 года «Надежда» подошла к японским берегам. По законам этой страны всем иностранным кораблям можно было заходить только в Нагасакскую гавань. Уже 200 лет Япония находилась почти в полной изоляции. Постановления правительства запрещали японцам уезжать за границу, а иностранным кораблям, за исключением корейских, китайских и голландских, заходить в японские порты. Голландцы пользовались на протяжении длительного времени (с 1600 года) особыми торговыми привилегиями. В середине XVII века для их фактории в Нагасаки был сооружен искусственный остров Десима. Он соединялся с городом каменным мостом и тщательно охранялся. Ни один голландец не имел права выходить за пределы фактории без особого разрешения. Однако 20 колонистов терпели все унижения ради выгодной торговли, которой не хотела лишиться Ост-Индская компания. На острове находились дома, магазины, службы. В конце единственной улицы развевался государственный флаг Нидерландов. Именно это место можно видеть на рисунке безымянного автора «Вид в Японию Голанской фактории называемой Дезина в Нангасаках».

Миссия Резанова состояла в установлении дружественных отношений с соседним государством и заключении договора о принципах

взаимной торговли. Российский корабль был встречен настороженно. Долгое время с фрегата на берег никого не пускали, окружив его сторожевыми лодками.

Постоянное пребывание Резанова на корабле отрицательно сказалось на его здоровье, он сильно простудился. Просьба предоставить ему место для прогулок и отдыха на берегу была удовлетворена с трудом. Резиденцию русского посланника расположили на рыбном базаре в Мэгасаки. Маленький участок земли окружили со всех сторон бамбуковым забором вышиной в 10 футов. Выход в море контролировался лодками. На горе были расставлены караулы, сверху наблюдавшие за посольским городком. Особенно строго японцы следили за тем, чтобы русские не имели никаких сношений с соседями — голландцами из Десима. Дом посланника состоял из девяти комнат, отделенных друг от друга бумажными перегородками. Рядом находились склады, куда перевезли подарки с корабля, чтобы спасти их от сырости. В сущности, это был почетный плен.

На рисунке автор поместил справа обнесенный тыном кусочек земли, занимаемый русскими. Трое мужчин в высоких шляпах заняты починкой баркаса.

Надо отметить, что Крузенштерн, рассчитывая на длительную стоянку в японском порту, надеялся провести ряд научных исследований. Постоянная слежка за экипажем поначалу не позволяла этого делать. Но впоследствии экспедиции все же удалось собрать ценные научные сведения. Так, штурман Сполохов вел замеры приливов и отливов, фиксируя уровень воды по заборам, заходящим в воду (часть их хорошо видна на рисунке).

Полгода ожидания ответа от сёгунского правительства на послание Александра I прошло в разнообразных занятиях. Резанов в это время учил японский язык и составлял русско-японский словарь. Другие занимались тем, чем мог. Вот что записал в своем журнале Ф. Шемелин: «<...> минул целый месяц, как мы находимся в Мегасакском заливе, по милости японской политики в заключении <...>. Дабы неволя наша не столь казалась ощутительною, мы разгоняем время упражнениями, кто что умеет, знающие рисовать изображают японские рожицы, наши книжки наполнены сколками портретов японских баниосов (чиновников — Н. Г., И. Е.), солдат, попов, монахов и лекарей, в одеждах чинах их и званию принадлежащих, иногда рисунки наши бывают замысловаты и удачно нарисованные делают немало нам забавы. Молодые офицеры, наскучивши кистью и пером, принимают за рапиры, а иногда на дворе играют мечом, свайкою, а иные спускают на воздух русские змеи»¹⁰.

Аналогичные сюжеты можно видеть в путевых альбомчиках Тилеуса, хранящихся в рукописном отделе РГБ. Рисунок из собрания ГИМа исполнен неизвестным автором и носит дилетантский характер, он интересен своей непосредственностью и содержанием. На обороте листа стоит дата «1806». Надпись эта сделана позже, так как пребывание русских кораблей в Японии окончилось в апреле 1805 года.

Другие рисунки участников плавания пока неизвестны. Хочется надеяться, что публикация о рисунках, хранящихся в ГИМе, поможет выявить в музейных собраниях или у частных лиц новые интересные свидетельства первых русских кругосветных путешествий.

¹ Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Неве». Владивосток, 1976. С. 18.

² Федоров-Давыдов А. А. Русский пейзаж XVIII – начала XX века. М., 1953. С. 227.

³ РГБ ОР. Ф. 178. М 10693 а, б. Федоров-Давыдов А. А. Указ. соч. С. 323.

⁴ ГИМ ИЗО: 55708/р - 3374, 3375; ИП 7713, 7714, 7715, 7716. Кроме того, в отделе тканей ГИМа хранится ткань, называемая «тапа», выделанная из травы с острова Нукагива.

⁵ Крузенштерн И. Ф. Указ. соч. С. 82.

⁶ Там же. С. 84.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Там же. С. 107.

⁹ Там же. С. 106.

¹⁰ Шемелин Ф. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, сочиненный под высочайшим Его Императорского Величества покровительством Российско-Американской компании главным комиссионером московским купцом Федором Шемелиным. СПб., 1816. Ч. II. С. 68.

И. Б. Верховская, Н. А. Цветкова

Художник-путешественник Ф. Ф. Баганц

Участие художников в экспедициях и путешествиях — малоизученная, но увлекательная сфера исследований. Нередко случается, что долгие десятилетия путевой альбом неизвестного художника хранится в музее, а описание путешествия — в архиве. Описание может быть даже опубликовано. В данном случае речь идет о мастере, путевые альбомы которого, связанные с участием в экспедициях, не получили еще необходимого освещения и оценки.

Пик деятельности Федора Федоровича Баганца (1834–1873) связан с периодом освоения Приамурья. В середине XIX века Г. И. Невельский установил судоходность низовьев Амура, а его левобережье отошло к России по Айгунскому трактату (1858). Правительство приняло меры к интенсивному заселению территорий. Одна за другой следовали научные экспедиции. Баганцу довелось участвовать в двух кругосветных плаваниях на Дальний Восток России с заданием от Гидрографического департамента. В плеяде мужественных первопроходцев фигура этого замечательного художника, не оцененного по достоинству, должна занять подобающее место.

Жизнь Баганца была короткой, весь его творческий путь измеряется одним десятилетием. Справочники XIX — начала XX века содержат об этом художнике крайне скудные сведения. Известно, что он родился в семье часовых дел мастера Фридриха-Готтарда Баганца, митавского гражданина, выходца из Курляндии, переселившегося в Петербург при Александре I. В 1860 году Баганц закончил Академию художеств со званием неклассного художника I степени. В каталогах учебных академических выставок упомянуты несколько его пейзажей, за которые он получил две серебряные медали. Художник со-

вершил кругосветное плавание, «давшее ему обильный материал для его этюдов»¹. Несмотря на то, что впоследствии его рисунки встречались в собраниях коллекционеров и, по-видимому, ценились любителями искусства, известности это ему не прибавило. Художник был прочно забыт уже к началу XX века. Характерно замечание Н. Н. Врангеля в статье 1912 года: «Одновременно с Гампельном работали в Петербурге и другие немцы-художники, оставившие меньше следов от своего пребывания. Только краткие сведения имеем мы о Генрихе Митрейтере и Баганце, художественные личности их еще недостаточно выяснены, чтобы говорить о них подробно»². Таким «художником-иностранцем» Баганц считался вплоть до наших дней³. Нельзя не вспомнить, что в середине 1940-х годов возник интерес к альбому акварельных видов Петербурга, выполненных Баганцем. Этот альбом находится в собрании ГМИИ им. Пушкина. Ряд его листов был воспроизведен в двух томах «Литературного наследия» и некоторых других изданиях в качестве иллюстраций литературных мест Петербурга⁴.

Всесомую лепту в изучение наследия и деятельности художника внесла статья, появившаяся в 1963 году в малоизвестном историческом журнале⁵. В ней говорилось о кругосветных плаваниях Баганца и об альбоме акварелей, обнаруженном в библиотеке Института археологии. Честь этого открытия принадлежала историкам А. П. Окладникову и А. И. Крушанову. В 1990-е годы начали изучать биографию художника и авторы этой статьи⁶. До недавнего времени мы располагали лишь двумя упомянутыми альбомами и девятнадцатью отдельными листами из собрания ГРМ, теперь же к ним добавились еще четыре альбома художника, его рукописный дневник, посвященный первому путешествию, а также большое количество рисунков разных лет, хранящихся в РГИА и у потомков Баганца.

Тяга к путешествиям проявилась у художника еще в годы учебы в Академии художеств. Отчасти ее предопределила сама эпоха, в которую ему предстояло творить, — эпоха позитивизма. Она ставила художников лицом к лицу с натурой. Пейзажи Баганца всегда объективны, «пустое» сочинительство его не увлекало. Всякий запечатленный им мотив так или иначе соотносился с конкретным уголком природы. Привязка к топографически реальному месту была для него столь естественна, что, даже изображая безбрежные дали океана, где присутствуют лишь волны, небо и линия горизонта, он всякий раз обозначал географическую широту и долготу, давая таким образом название безымянным морским просторам.

Прагматизм эпохи также может быть легко соотнесен с творческой деятельностью Баганца. С самого начала художник связал

свои профессиональные навыки со службой в Морском ведомстве. Еще будучи учеником Академии, плавал с кадетами в качестве учителя рисования⁷. Идея служения на пользу отечества, безусловно, руководила им, когда он выбрал себе судьбу художника-моряка и путешественника.

Однако в еще большей степени, чем склонность к точности в изображении природы, Баганцу были свойственны поэтическое восприятие действительности, влечение к романтике и поразительное умение образно воплощать реалии окружающего мира. На каком еще поприще смог бы художник столь органично сочетать такие контрастные устремления? Найдя свое место в искусстве, он оказался востребованным эпохой, наиболее существенные черты которой отразились в его творчестве.

Трудно переоценить значение обнаруженных за последнее время четырех путевых альбомов для изучения творчества Баганца. О них, в основном, и пойдет речь.

В альбом, датированный 1859 годом (частное собрание), занесены впечатления художника от поездки в Кронштадтскую колонию. Рисунки еще очень наивны, но в них есть какая-то безоглядная искренность и непрерываемость документа — ценность, которой обладает, например, альбом путешествия по России В. А. Жуковского (ГРМ). Искренность, с которой Баганцем сделаны зарисовки видов, не оставляет сомнения в точности изображений.

Деятельность художника была насыщенной, ему не сиделось на месте. Из архивных документов известно, что в 1860 году он плавал с кадетами и гардемаринами на фрегате «Кастор», обучая их рисованию, а летнюю практику провел на Валааме. В каталоге академической выставки 1860 года указаны два его пейзажа, названные, как и работы И. И. Шишкина, «Местность "Кукко"». Сохранились ли эти валаамские пейзажи Баганца — неизвестно. До нашего времени дошла его акварель «Петербургский двор» (ГРМ), экспонировавшаяся в том же году, — произведение, передающее атмосферу городской жизни столь же осязаемо, как и романы Ф. М. Достоевского.

В следующем году Баганц вновь плавал с кадетами на корвете «Баян». Сохранился акварельный морской пейзаж с авторской надписью «Баян» (ГРМ), датируемый годом плавания. Баганц, утвержденный в звании свободного художника, вместе с несколькими выпускниками-пейзажистами, в том числе Шишкиным, посещал занятия у А. П. Боголюбова. Вспоминая об этом, Боголюбов писал: «Молодежь стала ко мне ходить. Я им приводил мои европейские взгляды на искусство, рекомендуя писать побольше этюдов с природы и не наброс-

ками, как у нас начинается летняя работа художников, а окончательно и сознательно»⁸.

Прямое влияние Боголюбова можно усмотреть в рисунках альбома Баганца, на форзаце которого значится «Валаам 1861» (частное собрание). На них запечатлены не только виды Валаама, но также острова Коневец и города Сердоболя (нынешней Сортавалы). Рисунки представляют собой натурные этюды, выполненные отточенным графитным карандашом с тонкой нюансировкой светотени. В каждом из них присутствует частичка того элегического настроения, который присущ альбому в целом. Эти рисунки свидетельствуют о поэтичности натуры Баганца и вместе с тем сдержанности его темперамента, но иногда эмоции выплескиваются в этюдах, подобных рисунку «Старые деревья у кладбища». Переплетенные кроны деревьев кажутся, благодаря контрастам света и тени, подхваченными мощным вихрем, это впечатление усилено динамикой в расположении стволов. У подножия деревьев виднеются покосившиеся могильные кресты. Сюжет этот приоткрывает сложный внутренний мир молодого художника, размышлявшего о глубинах бытия, о вечных связях человека и природы, смотревшего на мир как на божественную тайну, а на дар художника — как средство приобщения к ней. Альбом ценен и тем, что содержит как бы зародыши многих неосуществленных или несохранившихся картин.

В 1862 году Баганц подал прошение об участии в кругосветном плавании. Разрешение нужно было получить, по-видимому, не только от министра флота великого князя Константина Николаевича, но и от самого императора. Документы, циркулировавшие в высших инстанциях, сохранились. Вот, например, «памятная записка» президента Академии художеств великой княгини Марии Николаевны, адресованная, по всей видимости, Александру II: «Художник Федор Баганц, занимающийся с постоянным успехом рисованием с натуры фигур животных и пейзажей был бы очень счастлив, если бы мог быть назначен в кругосветную экспедицию». Резолюция императора, обращенная к брату, гласит: «Эта записка от сестры Марии Николаевны. Она просит, чтобы его взяли в поход. Сообрази, как это сделать. Доложи лично»⁹.

Разрешение было получено, и осенью 1862 года на клипере «Жемчуг» Баганц отправился в дальний путь. В ГРМ хранятся три акварели, связанные с этим плаванием. Одна из них имеет авторскую надпись «У Гогланда». Как следует из документов, «в ночь с 27 на 28 октября 1862 г. клипер "Жемчуг" во время пасмурной погоды и сильного снега приткнулся к самой оконечности северного Гогландского ри-

фа»¹⁰, то есть сел на мель и чуть не получил пробоину. Акварель дополняет сухой текст, передавая состояние замершей жизни и тревожного ожидания. Впечатлению застылости способствуют и композиционное решение (перекрестие горизонталей и вертикалей оснастки), и колорит. Неяркий свет зари лежит тонкими красноватыми полосками поверх белого снежного покрова. Акварель характеризуется тем же интересом к образному решению сюжета, что и «Петербургский двор», поднимающим ее над уровнем обычных документальных зарисовок.

Как своего рода автопортрет художника можно рассматривать другой лист, созданный во время этого же путешествия, — «Каюта на клипере "Жемчуг"». Для пейзажиста это редкий пример изображения интерьера, поэтому рисунок воспринимается как ценный мемориальный документ, особенно если учесть, что до последнего времени мы не располагали никакими изобразительными материалами о самом Баганце. Значимость предметов выявлена разнообразными художественными средствами. Ярким пятном белил подчеркнут женский портрет в овальной рамке, белильный блик и на верхней полке, где изображены альбомы и этюдник художника. Композиция словно пронизана какой-то неведомой, но угадывающейся в ней интригующей событийностью.

Судьбе было угодно помешать осуществлению кругосветного плавания. «Вследствие возникновения в Царстве Польском смуты»¹¹ клипер получил предписание вернуться из Англии в Россию и крейсировать у Курляндских берегов. Настоящее кругосветное плавание пришлось ожидать еще полгода. В это время художник П. П. Джогин писал своему приятелю Шишкину: «Баганц до сих пор сидит в Петербурге, и его кругосветное путешествие (о котором ты, кажется, знаешь) неизвестно когда будет»¹². И все же 26 июля 1864 года военный транспорт «Гиляк», нагруженный всем необходимым для дальневосточных постов, отправился в путь. Баганц был прикомандирован к экипажу для выполнения задания Гидрографического департамента по снятию «морских видов вдоль западных берегов Японского моря от залива Петр Великий до залива де Кастри и далее до устья реки Амура»¹³.

Путешествие пришлось на время творческой зрелости Баганца, перешагнувшего свой тридцатилетний рубеж. Документировано оно настолько богато, что может быть воссоздан чуть ли не каждый день трехгодичного маршрута. Увенчал путешествие альбом акварелей, преподнесенный Александру II (этот самый альбом и был извлечен на свет после почти ста лет забвения Окладниковым и Крушановым).

Теперь к нему добавились еще два путевых альбома с карандашными натурными зарисовками и дневник, написанный по-немецки. Баганц вел его в течение всего путешествия.

Оказавшись в дальних краях перед картинами невиданной природы, путешественник ощущал необходимость запечатлеть их. Вспоминаются путешествия П. П. Свинына в Америку, А. Д. Салтыкова в Индию и Персию или кругосветное плавание А. В. Вышеславцева. Энтузиазм, владевший ими, был столь велик, что, преодолевая страх перед дилетантским уровнем своего творчества, они смело брались за карандаш и кисть. Публикация их мемуаров пробудила интерес к рисункам, и в наше время к ним вновь привлечено внимание исследователей¹⁴. Насколько же большей ценностью обладают путевые свидетельства художников-профессионалов! Некоторые из них получили широкую известность, например альбомы путешествия братьев Н. Г. и Г. Г. Чернецовых по Волге. Другие художники, в том числе и Баганц, остаются пока известными лишь узкому кругу специалистов.

За десять лет до путешествия Баганца по Амуру в экспедиции по этим местам участвовал натуралист Р. Маак. Он сам делал зарисовки для будущего атласа¹⁵, но при подготовке издания ему помогали профессиональные художники, в том числе К. Ф. Гун. Сколько же тепла, обаяния и искренности заключают в себе виды, созданные Баганцем, в отличие от, может быть, и более мастеровитых, но холодных официальных литографий из «Атласа» 1859 года.

Многие работы были созданы Баганцем во время стоянок на рейдах. Некоторое композиционное однообразие этих пейзажей компенсируется богатством колористического решения. Создавая по путевым карандашным эскизам листы для подносного альбома, художник стремился представить запомнившиеся ему виды целостно, картинно. Большая роль в них отведена небу, благодаря чему документализм уравнивается с образной наполненностью пейзажей¹⁶.

Плимут предстает у Баганца прекрасным видением, отмеченным нежными переливами красок, окрашенным прощальными лучами солнца; Рио-де-Жанейро — простирающимся вдоль берега океана крупным городом с розовыми крышами изящных по архитектуре зданий и белыми силуэтами соборов. Образ Вальпараисо, расположенного у подножия монументального горного плато, суров. Известны три акварели, которые воспроизводят в разных колористических гаммах этот полюбившийся художнику сюжет. В Гонолулу, где стоянка продолжалась 43 дня, Баганц сделал восемь акварелей. Команда «Гиляка» участвовала в торжественных церемониях у короля Кама-

меа V и у губернатора острова, но эти события не отображены в рисунках художника, которого больше интересовала красота природы и жизнь простых людей. У берегов Японии и на острове Цусима Баганца привлекли особые ритмические и колористические мотивы, вызывающие в памяти гравюры Хокусаи: круглящиеся, как гребни волн, холмы, поросшие низким лесом, которым вторит изогнутый дугой парус лодки.

Простившись 14 июня 1865 года в Николаевске-на-Амуре с «Гиляком», художник, пользуясь судами Сибирской дальневосточной флотилии, маршрут которых совпадал с его планами, приступил к исполнению своей главной задачи. Работать приходилось в непростых условиях, ограничивавших творческие устремления. По мнению Боголюбова, не раз исполнявшего рисунки сугубо технического характера для атласов, «работа, пожалуй, и нехитрая, но тут нужна крайняя точность в обводе линий видимых гор, леса или камней»¹⁷. Вероятно, работы, которые было поручено выполнить Баганцу, должны были представлять собой нечто среднее между рисунком для лоции и натурным пейзажем. Думается, художнику непросто было ограничить себя ролью хладнокровного регистратора. В результате три вида, затребованные к концу второго года пребывания Баганца на Дальнем Востоке для апробации в Гидрографический департамент, вызвали неудовольствие начальства, так как «будучи сняты в самом близком расстоянии не могут принести никакой практической пользы для мореплавателей, нуждающихся в том, чтобы опознать береговую местность издали для безопасного к ней подхода»¹⁸. В альбомах немало рисунков чисто технического назначения, но не они представляют интерес для характеристики творчества мастера, а другие, в которые вложено тепло его души. Баганц сумел вжиться в новые для него просторы, полюбить своеобразие и краски ландшафта, понять образ жизни переселенцев и аборигенов. В рисунках совершенно нет отстраненности, естественной для взгляда путешественника, проплывающего мимо незнакомых мест. Изображая крупные населенные пункты, художник выбирал такую точку зрения с суши, которая, обозначая прибрежное местоположение поселков, позволяла рассмотреть и жизнь, протекавшую там.

В каждом из рисунков Баганца можно найти интересные детали. Его пейзажи безлюдны, но везде показано строительство. На некоторых рисунках видны телеграфные столбы, правда, без проводов: линия еще только протягивалась. Сосредотачиваясь на изображении происходившего на земле, художник, как правило, отвлекался от изображения неба.

Интересно сопоставить альбом карандашных зарисовок, названный художником «1866 и 1867 Амур №3» (частное собрание), и подносной — акварельный. В ряде случаев имеется почти точное соответствие акварельного варианта карандашному. Акварели, однако, свободны от мелочного копирования карандашных эскизов. Воссоздавать в них цвет художнику помогали едва заметные пометки на рисунках. Судя по альбомным надписям, Баганц двигался по реке то вверх, то вниз, в зависимости от предоставлявшихся возможностей, но в пределах от Николаевска-на-Амуре до Хабаровки (нынешнего Хабаровска). Начало маршрута отмечено видами Тыра и Михайловской в устье Амура, а затем его конечной точки — Хабаровки. Отсюда путешественник отправился вниз по течению, зарисовав селения Малышевское, Вятское, Троицкое, Малмыжское возле озера Болона, Пермское (будущий Комсомольск-на-Амуре), но, доплыв до Софийска, он вновь повернул к Хабаровке. Завершается альбом карандашных зарисовок видами Софийска, Николаевска и Мариинска в дельте Амура. В нем запечатлено больше селений, чем в акварельном, они зафиксированы в период, когда картографы впервые проставляли их названия. Несомненно, зарисовки представляют интерес для историков и краеведов, тем более что на подробной карте Приамурья 1872 года обозначены далеко не все посты, изображенные Баганцем. Что касается самих наименований, то и на современной карте они в большинстве своем сохранились, увековечив фамилии исследователей, посетивших эти края буквально за 5–7 лет до Баганца: Радде, Венюково, Невельская, Будогосская и т. д. Как вспоминал М. И. Венюков, некоторым здравствовавшим землепроходцам и ученым посвящалось по 2–3 селения. К сожалению, на карте нет имени художника, запечатлевшего для потомков облик селений, словесные описания которых встречаются в очерках и дневниках путешественников¹⁹.

Особое место занимают этнографические зарисовки Баганца. В альбоме «Амур № 3» их очень много. Художник проявил серьезное внимание к типу жилищ, культовым предметам и украшениям, образу жизни и облику гольдов и гиляков. Этнографические зарисовки он делал, безусловно, не для отчета, а по собственной инициативе, движимый своей любознательностью.

В акварелях подносного альбома представлены также виды нескольких мест на северном побережье Охотского моря — Охотска, Аяна, Гижиги. Художнику потребовалось преодолеть огромные расстояния, чтобы добраться туда. Эти акварели отображают мир с иными, уже устоявшимися традициями, от которого веет такой же стари-

ной, как и от почерневших от времени домов и церквей. Здесь все непохоже на переселенческие, вновь строившиеся деревни.

Вероятно, Баганц намеревался поработать в Приамурье еще год (такое разрешение он имел), но после злополучного отзыва из Гидрографического департамента о посланных туда трех рисунках он предпочел сам доставить в Петербург результаты своих трудов. «Путь обратный по Сибири» — так назван Баганцем альбом, обнаруженный недавно Н. А. Цветковой в РГИА, где он хранился, не имея атрибуции.

По возвращении в Петербург художник, следуя примеру своих предшественников, преподнес через Совет Академии художеств императору альбом акварелей, снискав звание классного художника I степени и удостоившись царской награды — бриллиантового перстня с рубином. Не был забыт и его наставник Боголюбов, получивший орден Анны II степени «за заслуги в воспитании художника Баганца, привезшего замечательный альбом Александру II»²⁰. Спустя некоторое время кандидатура Баганца, несмотря на упоминавшиеся выше «шероховатости» в его отношениях с Гидрографическим департаментом, оказалась предпочтительнее для участия в следующем кругосветном плавании, нежели сына известного профессора Академии художеств Н. С. Пименова²¹.

Архивные документы подробно освещают последний отрезок жизненного пути художника. Осенью 1869 года он отправился на клипере «Гайдамак» в свою вторую кругосветную экспедицию, но на этот раз художник не смог ее завершить. В мае 1871 года при переходе из Нагасаки во Владивосток он внезапно тяжело заболел и, не надеясь на выздоровление, «придя в сознательное чувство на краткое время», просил капитана передать в Петербург исполненные им рисунки (всего 51)²². Рисунки переслали в Инспекторский департамент, а оттуда — в Гидрографический. Дальнейшая судьба их пока неизвестна, сохранился лишь неполный список.

В 37 лет творческая жизнь Баганца оборвалась, хотя полное беспомощности существование тянулось еще два года. Около полутора из них он находился в госпитале Николаевска-на-Амуре, так как отец не имел средств для доставки больного сына в Петербург. Лишь в сентябре 1872 Баганц был перевезен домой, а 25 февраля 1873 года в газете «St. Petersburg Zeitung» появилось скромное объявление о том, что похороны художника Фридриха Баганца состоятся на Волковом лютеранском кладбище. Могила его не сохранилась.

Повествование о творчестве Баганца можно было бы назвать «Путешествие длиною в жизнь». Именно в путешествиях черпал он впечатления, способные насытить его неуемное воображение, дать

простор романтическим порывам души и в то же время облекать творчество в форму служения, исполнения долга. Дальнейшее изучение наследия Баганца послужит не только данью его памяти, но и введению его имени в историю русской культуры 1860-х годов.

- ¹ РБС. Т. II. СПб., 1900. С. 289.
- ² Врангель Н. Иностранцы XIX века в России // Старые годы. 1912. Июль-сентябрь. С. 23.
- ³ В альбоме «Город глазами художников» (Л., 1978. С. 201) авторы утверждают, что имя Баганца плохо известно в России, полагая, вероятно, что оно известно в какой-то другой стране.
- ⁴ Литературное наследство. Т. 49–50 (Н. А. Некрасов). М., 1946. Кн. 1. С. 113, 169, 317; Т. 56 (В. Г. Белинский). М., 1950. Кн. 2. С. 529; Музей-квартира Ф. М. Достоевского. Путеводитель. М., 1959. Изд. 2. С. 30, 40; Ковалевская Е. А., Мануйлов В. А. М. Ю. Лермонтов в портретах, иллюстрациях, документах. Л., 1959. С. 258; Ванслова Е. Г., Пищулин Ю. П. Литературные места в России. М., 1987. С. 54. Альбом, хранящийся в ГМИСПб, давно подготовлен к печати и остается только надеяться, что в обозримом будущем широкая публика сможет с ним познакомиться.
- ⁵ Окладников А. П., Крушанов А. И. Незаслуженно забытые картины художника Ф. Баганца о Дальнем Востоке // АН СССР. Дальневосточный филиал. Труды. Серия историческая. Т. 5. Благовещенск, 1963. С. 154–161.
- ⁶ Верховская И. Б. Забытый художник (о Ф. Ф. Баганце) // Государственный Русский музей. Тезисы конференции, посвященной итогам научно-исследовательской работы за 1991 год. СПб., 1992. С. 14–16; Цветкова Н. Ученик Боголюбова // Флот. 5 сентября 1996 г. № 102–103. С. 5; Цветкова Н. По следам забытой «кругосветки» // Флот. 11 сентября 1997 г. № 104–105. С. 3.
- ⁷ ЦГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 2297.
- ⁸ Боголюбов А. П. Записки моряка-художника // Волга. 1996. № 2–3. С. 91.
- ⁹ ЦГА ВМФ. Там же. Д. 1802. Л. 1.
- ¹⁰ Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 г. СПб., 1871. Т. II. С. 75.
- ¹¹ ЦГА ВМФ. Там же. Д. 2014. Л. 10.
- ¹² Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике. Л., 1984. С. 98.
- ¹³ ЦГА ВМФ. Там же. Л. 5.
- ¹⁴ Свинын П. П. Путешествие по Америке. Альбом. М., 1994; Максимова А. В. Художник-путешественник А. Д. Салтыков // Петербуржец путешествует. Сборник материалов конференции 2–3 марта 1995 года. СПб., 1995. С. 55–61; Уварова Н. И. Три альбома с видами Кавказа из Русского музея (о творчестве А. В. Вышеславцева) / Доклад на конференции «Русские писатели на Кавказе» 15–16 октября 1995 г. в Царском Селе, в Лицее. (Рукопись хранится у автора.)
- ¹⁵ Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского русского географического общества в 1855 году Р. Мааком. Атлас. СПб., 1859.

- ¹⁶ Баганц придает большое значение изображению неба, что является отличительным признаком его работ и особенно заметно в известной акварели «Петербург. Екатерининский канал» (ГРМ).
- ¹⁷ Боголюбов А. П. Указ. соч. С. 113.
- ¹⁸ ЦГА ВМФ. Ф. 402. Оп. 2. Д. 2604 (12/V 1867 г.). Посланы были рисунки «Николаевский порт», «Владивосток» и «Протока Пальво».
- ¹⁹ См., например: Армфельт Г. Ф. Корвет «Варяг». Воспоминания из кругосветного плавания. СПб., 1867; Алябьев Н. Уссурийский край с картой и рисунками. СПб., 1872; Максимов С. В. На Востоке. Поездка на Амур. Дорожные записки и воспоминания. СПб., 1871; Венюков М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970 и др.
- ²⁰ Огарева Н. В. Летопись жизни и деятельности А. П. Боголюбова. Саратов, 1988. С. 45.
- ²¹ ЦГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 3. Д. 2297. 4/IX 1869 г.
- ²² Окладников А. П., Крушанов А. И. Указ. соч. С. 156.

М. В. Вершевская

Русское общество «на водах» Германии (по воспоминаниям протоиерея И. И. Базарова)

Курортные города Германии издавна привлекали русскую публику прочно утвердившейся репутацией свойств целебных источников и светскими развлечениями. Не только страждущие исцеления, но и путешествующие отправлялись на заграничные курорты в Эмс и Соден, Висбаден и Киссинген, Швальбах и особенно популярный Баден-Баден, метко названный одной из часто приезжавших туда дам «первым отечеством русских в Германии»¹.

Круг мемуарных свидетельств о пребывании в прошлом веке наших соотечественников за границей не слишком обширен. Отдельные эпизоды курортной жизни предстают на страницах воспоминаний А. И. Кошелева, А. О. Смирновой-Россет, В. А. Соллогуба и других². В отличие от большинства мемуаристов, для которых пребывание в курортных местах носило эпизодический характер, Иван Иванович Базаров³ прожил на юго-западе Германии более полувека, с 1844 по 1895 год. Сначала он был духовным наставником великой княгини Елизаветы Михайловны, супруги герцога Адольфа Нассауского, а затем королевы вюртембергской Ольги Николаевны, дочери Николая I. По ее просьбе в 1880-х годах Базаров написал воспоминания, опубликованные в 1901 году в журнале «Русская старина»⁴.

Помимо своих основных обязанностей, Базаров, человек широко образованный, занимался изучением современного состояния богословия в Германии. Он автор книг и статей по различным вопросам, связанным с религией и церковью.

Как настоятель русского православного храма в Висбадене, а впоследствии в Штутгарте, Базаров постоянно общался с приезжавшими

в Германию соотечественниками. Длительные наблюдения за русским «водяным обществом», нашедшие затем отражение в мемуарах, весьма любопытны и представляют несомненный интерес.

Эпизоды личной жизни автора не занимают в воспоминаниях доминирующего места. Гораздо подробнее Базаров повествует о тех, с кем довелось ему встречаться, а в силу сложившихся обстоятельств круг его общения был чрезвычайно разнообразен: высочайшие особы владетельных домов германских государств, члены русской императорской семьи, дипломаты (в том числе А. М. Горчаков, Д. Г. Глинка, В. П. Титов), лица духовного звания и, конечно, путешествовавшие соотечественники. Среди них В. Ф. и П. А. Вяземские, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, Н. И. Пирогов, Ал. А. Суворов и другие. Чуткий и внимательный мемуарист воспроизвел малоизвестные эпизоды заграничной жизни многих исторических лиц.

Многолетнее пребывание Базарова за границей обусловило характерную особенность его воспоминаний: это и наблюдения русского человека, и одновременно взгляд на соотечественников со стороны. В поле зрения автора попадали самые разнообразные человеческие типы. Так, в 1840–1850-е годы «в толпе русских <...>, навонявших тогда чужие края, встречались и представители русского неяршества и тогдашнего рабовладения, за которых приходилось краснеть перед иностранцами»⁵. Однажды во Франкфурте-на-Майне Базаров стал свидетелем следующего происшествия. Перед лучшей в городе гостиницей собралась толпа народа. Подойдя ближе, он увидел «русский тарантас, набитый перинами и подушками, на козлах сидит возле кучера босоногая девка, а у дверей экипажа грязный и оборванный лакей <...>, из дверей выглядывает растрепанная голова барыни, которая на французском языке торгуется с содержателем гостиницы». Далее Базаров продолжал: «Вздохнешь невольно при виде такой сцены, особенно когда слышен вокруг говор немцев: diese Barbaren <...>. Привезли напоказ Европе всю грязь своего домашнего быта. Немудрено, что репутация варварства русских так долго держалась, да и теперь еще по временам проявляется в Европе на счет нас, грешных»⁶.

С приезжавшей из России публикой протоиерея связывали разнообразные контакты. Подчас ему приходилось выступать не только в качестве настоятеля православного храма, но, например, в Висбадене за неимением русского представительства брать на себя обязанности, близкие к консульским. Обращались к нему и с просьбой о помощи в таких житейских вопросах, как наем квартиры и приискание прислуги. Возникали дружеские связи, которые не прекращались

© М. В. Вершевская

с отъездом отдыхавших. С П. А. Вяземским, Е. В. Путятиным, С. Н. Урусовым и многими другими Базаров вел постоянную переписку.

Заметим, что далеко не с каждым священником устанавливались подобные отношения. Среди посетителей курортов были люди с большими связями, игравшие определенную роль в свете, мнение которых могло оказать влияние на дальнейшую судьбу священника. В этом плане показателен следующий эпизод. В один из летних дней 1858 года на променаде в Баден-Бадене Базаров рассказал собравшимся вокруг него соотечественникам о письме бывшего настоятеля православного храма в Висбадене И. Л. Янышева, переведенного служить в Берлин: «Скучает бедный Янышев о своем Висбадене, который он так любил и где его так любили»⁷. Выяснилось, «что сменивший Янышева о. Матвеевский никому из русских, проживающих на водах, не нравится»⁸. Одна из дам, пользовавшаяся особым влиянием в придворных кругах, обратилась к Н. Л. Свистуновой, муж которой служил в Министерстве иностранных дел, с просьбой хлопотать о переводе Янышева на прежнее место. Базаров сомневался в успехе. Однако по прошествии нескольких месяцев Матвеевский был вызван в Петербург и определен священником к церкви на Смоленском кладбище, а Янышев занял его место в Висбадене. С точки зрения карьеры разница была значительной, хотя служба за границей не считалась для священников чем-то особенно желанным. Многие из них пытались через какое-то время получить перевод в Россию, а если это не удавалось, то сетовали подобно отцу Иосифу Васильеву, что «надо мыкать горе в Париже <...>»⁹.

У приезжавших из России часто вызывал недоумение внешний вид представителей русских православных духовных миссий. Однажды еще в самом начале своей службы в Висбадене Базаров встретил на улице русского помещика, за которым по пятам следовал рябой и грязный лакей. На ломаном немецком языке господин спросил, где живет русский священник. Базаров, не сомневаясь, что перед ним «дорогой соотечественник», по-русски ответил, что он и есть тот, кого ищут. Не поверив сразу и получив повторно утвердительный ответ, господин «отступил на два шага и, захохотав во все горло, обратился к своему лакею: Васька, смотри-ка. Это, вишь, русский священник, — и опять залился смехом <...>. Русскому человеку так смешно показалось видеть священника в сюртуке и без бороды»¹⁰, — объяснял Базаров. Конечно, немногие выражали свое недоумение подобным образом, хотя удивлялись безусловно все, не исключая высшего духовного начальства. Однако, как пояснил Базаров, до революции 1848 года в Европе «ношение бороды считалось неприличным,

это было вывескою демагогов и революционеров. Тем русским священникам, кто служил при придворных церквях, нельзя было и думать являться ко двору в бороде»¹¹. Кроме того, на устраиваемых иностранными дворами приемах священнику полагалось быть не иначе как во фраке. «Теперь же, — заметил мемуарист, имея в виду 1880-е годы, — борода снова вошла в почет и ею украшаются даже коронованные особы. Поэтому и мы, заграничные священники, стали носить бороду даже при фраках»¹².

Вернемся к началу службы Базарова за границей. Ему, тогда 24-летнему молодому человеку, старый российский дипломат П. Я. Убри дал следующее наставление: «Главным образом берегитесь давать русским деньги взаймы и Боже вас сохрани поручиться за кого! <...> И действительно, при существовании в то время в Висбадене рулетки, эти наставления для новичка, да при том еще священника, были небесполезны»¹³, — отметил мемуарист. Тем не менее не одни лишь неприятности доставлял священнику игорный бизнес. Летом 1858 года Базаров с причтом пригласили из Штутгарта для совершения служб в Баден-Баден. «Русских было в Бадене множество, и при существующей тогда азартной игре был постоянный прилив и отлив наезжающих, так что наша церковь была полна молящихся»¹⁴, — вспоминал он. На содержание этой временной церкви был учрежден денежный сбор, для чего псаломщик являлся к каждому приезжавшему русскому. Он же практиковал сбор пожертвований и еще более оригинальным способом, ловя подписчиков на рулетке, особенно когда замечал, что кто-то был в выигрыше. (Отметим, что то же самое делали и представители других конфессий.) Такими «правыми и неправыми» путями была собрана в то лето в Баден-Бадене значительная сумма, которая не только покрыла издержки на содержание временного храма, но и положила начало капиталу, необходимому для устройства постоянной церкви.

Наличие на заграничных курортах русских храмов давало возможность отдыхавшим вести привычный для православных образ жизни вдали от родины. Реже происходили случаи, подобные тому, свидетелем которого был В. А. Соллогуб. Его двоюродная сестра, очень набожная графиня В. С. Шуазель-Гуффье, урожденная княжна Голицына, выдавала замуж свою единственную дочь за француза А. де Моссиона. Свадьба состоялась в Баден-Бадене, где в то время не было еще русской церкви. Новобрачных обвенчали в греческом православном храме, а затем в католическом. Возвращаясь домой, графиня залилась слезами: «Как я несчастна! Всю мою жизнь старалась воспитать дочь в самой теплой вере, и вот сегодня, в этот вели-

чайший шаг в ее жизни, ее венчали два раза, и оба раза ни она, ни ее муж ни слова не поняли; никто из нас не говорит по-немецки и, разумеется, по-гречески, и мы стояли, как истуканы»¹⁵.

Оказавшиеся за границей россияне в свою очередь могли повлиять на деятельность русской духовной миссии. Так, при отъезде из Петербурга Базаров получил разрешение митрополита в случае необходимости отмечать праздники не по старому, а по новому стилю. Однако коррективу не приняли проживавшие тогда недалеко от Висбадена во Франкфурте-на-Майне соотечественники, среди которых были В. А. Жуковский и Ал. А. Суворов. На посланное Базаровым извещение они ответили, что поскольку «ни 13, ни 20 декабря по-русски нет никакого праздника, то они и не придут в эти дни в церковь»¹⁶. Зато, когда Базаров по новому стилю совершил праздник Богоявления, они приехали праздновать Рождество. Таким образом, попытка отмечать православные церковные праздники по григорианскому календарю оказалась неудачной и впоследствии не повторялась.

Как и полагалось священнику, Базаров крестил и отпевал, венчал и исповедовал. Первые крестины состоялись в семействе Жуковского, где родился сын Павел. Жуковский был и первым, кого в своей жизни Базаров исповедывал. «Не забуду, как меня, молодого и неопытного духовника, подавлял собой авторитет <...> Жуковского»¹⁷, — вспоминал он. Тогда поэт преподавал молодому священнику запомнившийся на всю жизнь урок смирения, истинной скромности и доброжелательности. В дальнейшем их связывало многолетнее общение, встречи и переписка. Протоиерею Базарову выпала доля отпевать Жуковского, скончавшегося в 1852 году в Баден-Бадене. Вскоре после этого было опубликовано письмо Базарова о последних днях жизни поэта¹⁸.

В семье Жуковского Базаров познакомился с Гоголем и однажды в Висбадене получил от него записку: «Приезжайте ко мне причастить меня, я умираю». Это было время начинавшейся болезни писателя. Приехав во Франкфурт-на-Майне, Базаров нашел «умиравшего» на ногах. В ответ на вопрос, что он посчитал столь опасным, Гоголь, протянув к нему руки, ответил: «Посмотрите, совсем холодные!»¹⁹.

Из истории их общения приведем лишь один эпизод, непосредственно характеризующий как отношение Гоголя к отдохавшим на водах, так и настроение писателя в то время. После посещения Эмса Гоголь, рассказывая Базарову, что «встретил там много русских дам, сделал замечание, что верно у русских женщин такая уж дрянная натура, что им чаще других приходится отправляться в Эмс на лечение. И все это наш славный Петербург тому виною!»²⁰. Необходимо пояс-

нить, что Эмс был в то время одним из курортов, куда врачи направляли больных в последней стадии чахотки и где многие из них умирали.

От этой болезни совсем молодой скончалась жена Базарова. Он, переживший вдали от родины большую утрату, прочувственно писал: «Не дай Бог русским умирать за границей! Каким лишениям, каким часто обидным формальностям подвергаются члены семейств, лишившиеся любимого и близкого существа». Тело покойного немедленно препровождали в кладбищенскую часовню, где оно находилось «без всякой православной обстановки, без свечей и чтения молитв <...> до погребения или отправки на родину». Если кто «по русскому обычаю захочет удержать тело покойника в квартире, то дорого поплатится за это»²¹.

На глазах Базарова произошел такой случай. В Кобленце, по дороге из Эмса в Италию, в одном богатом русском семействе скончалась мать. Родственники отказались сразу удалить тело из гостиницы. Хозяин не возражал, но при отъезде предъявил счет на колоссальную сумму на том основании, что у него за эти несколько дней никто не только не хотел останавливаться, но часть проживавших даже покинула отель. В результате судебных разбирательств, в которых приняла участие и русская дипломатическая миссия, удалось лишь несколько уменьшить сумму.

Перевозка тел умерших в Россию также была сопряжена со многими трудностями. Помимо долгой переписки с русским правительством, нужно было получить разрешение от тех немецких властей, через владения которых предстояло проехать. При тогдашнем разделении Германии на множество мелких государств оформление документов на проезд, например от Франкфурта-на-Майне до Берлина, затягивалось иногда на несколько месяцев. Возникавшие в связи с этим проблемы во многом разрешились после устройства за границей православных кладбищ.

Базаров отмечал, что приливы и отливы публики были связаны не только с популярностью тех или иных курортов, но и с влиянием таких важных политических событий, как революция 1848–1849 годов, объединение Германии, Франко-прусская война.

В марте 1848 года, в самом начале революции, мемуарист стал свидетелем бурных событий в Висбадене. Остановимся лишь на одном эпизоде, описанном Базаровым и непосредственно связанном с пребыванием русских за границей. Князь С. Н. Урусов, отдохавший в Висбадене, вопреки совету Базарова, отправился к семье во Франкфурт-на-Майне, рассчитывая на то, что «ему, как русскому, ничего

дурного не сделают бунтующие немцы»²². Попал же он, по выражению Базарова, в «кровавую свалку». По забаррикадированным улицам, под конвоем то с одной, то с другой из противоборствующих сторон князь добрался до гостиницы, где обнаружил свою семью в подвале в ожидании бомбардировки...

«Так не одному русскому приходилось в это время испытать в чужом пиру похмелье, что заставило всех наших соотечественников поспешно оставить Германию и воротиться домой в Россию. И после того еще долго никто не решался ехать за границу»²³, — констатировал рассказчик. К тому же немцы были недружелюбно настроены в отношении России из-за ее участия в подавлении революционных событий в Европе.

Прошло несколько лет, и в начале Крымской войны находившиеся во Франции русские покинули эту страну, а многие из них приехали в Германию.

В середине 1860-х годов разгорелась борьба Пруссии и Австрии за гегемонию в Германском союзе. Начались военные действия. Многие благоразумные русские поспешили оставить Германию и до начала междоусобицы вернулись в Россию, но так поступили далеко не все. «В Киссенгене, — писал Базаров, — где больные, среди которых немало русских, преспокойно пили свои утренние воды, как откуда ни возьмись отряд пруссаков ворвался в город и на улицах начал перестрелку с гарнизоном баварцев, не ожидавших нападения на место вод, наполненное притом больными иностранцами»²⁴.

Особая атмосфера царила на курортах, когда их посещали члены императорской семьи, что бывало практически ежегодно. Часто протоиерея Базарова откомандировывали для совершения богослужений в присутствии высочайших особ. Летом 1856 года ему с причтом назначено было переехать в Вильдбад, где «по случаю пребывания императрицы <...> был такой съезд, что нередко приезжавшие для лечения принуждены были ночевать в экипажах <...>. Причиной тому была привычка покойной императрицы путешествовать с огромной свитой», а также наплыв особ, «съезжавшихся для приветствия императрицы, и русских, испрашивавших позволение представиться ее величеству»²⁵.

Не только происходившие вокруг события привлекали внимание мемуариста. Определенное место в воспоминаниях он уделит размышлениям о настроениях русской публики и своих собственных, навеянных пребыванием в чужих краях. «Думы, которые навеивает на мыслящего человека его жизнь среди чужих, снедают душу необъяснимым жаром желаний добра своей родине и вместе досадою, зачем на

родине не все так хорошо, как бы хотелось <...>. Но вот что удивительно <...> эти тревожные думы умчатся сами собою, когда приедешь в Россию и проживешь там несколько времени. Но зато, когда опять переедешь родную границу, они восстанут в душе с новой силой»²⁶.

Немало в воспоминаниях курьезных эпизодов. Один из них связан с тем, что однофамильцем мемуариста оказался известный тургеневский герой. Сам Тургенев, живший в Баден-Бадене, всячески избегал приезжать в находившийся относительно недалеко Штутгарт, зная, что вюртембергская королева Ольга Николаевна была недовольна им за то, что он в романе «Отцы и дети» дал главному герою фамилию Базаров. «Как будто он не знает, что это имя носит мой духовник»²⁷, — сердилась она.

Базаров лишь однажды беседовал с писателем, хотя в Баден-Бадене бывал неоднократно. В этом городе Базарову случалось встречать людей, приезжавших сюда только затем, чтобы посмотреть на Тургенева. Некоторые из них подходили к Базарову и спрашивали: «Позвольте узнать, вы не Тургенев ли?», а в ответ на отрицание замечали: «Извините, но такое сходство»²⁸.

За долгие годы жизни за границей Базарову самому не раз доводилось лечиться на курортах, но для него гораздо более привлекательным видом отдыха были путешествия. Парадокс состоял в том, что, «изъездив <...> почти всю Германию вдоль и поперек <...>», он мечтал «проехать по матушке России, которую, к стыду своему, <...> так мало знал»²⁹. Однако мечта эта так и не осуществилась.

¹ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 186.

² Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988; Кошелев А. И. Записки. М., 1991; Смирнова-Россет А. О. Указ. соч.

³ Базаров И. И. (1819, Тула — 1895, Штутгарт) похоронен в Висбадене.

⁴ Русская старина. 1901, февраль-декабрь.

⁵ Там же. № 2. С. 301–302.

⁶ Там же.

⁷ Там же. № 5. С. 306.

⁸ Там же.

⁹ Там же. № 10. С. 93.

¹⁰ Там же. № 2. С. 302.

¹¹ Там же. № 3. С. 554.

¹² Там же. С. 555.

¹³ Там же. № 2. С. 288.

¹⁴ Там же. № 5. С. 299.

¹⁵ Соллогуб В. А. Указ. соч. С. 415.

¹⁶ Русская старина. 1901. № 2. С. 290.

¹⁷ Там же. С. 294.

¹⁸ Базаров И. И. Последние дни Жуковского. СПб., 1852.

¹⁹ Русская старина. 1901. № 2. С. 294.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. № 5. С. 301.

²² Там же. № 3. С. 526.

²³ Там же.

²⁴ Там же. № 10. С. 91.

²⁵ Там же. № 4. С. 58.

²⁶ Там же. № 2. С. 299.

²⁷ Там же. № 11. С. 285.

²⁸ Там же. С. 286.

²⁹ Там же. № 4. С. 68–69.

К. К. Чекоданова

Протоиерей А. А. Лебедев в Праге

Иногда дела церкви заставляют ее служителей отправляться в неведомые края, идти трудными тропами, терпеть лишения и невзгоды, преодолевая опасности. Миссионеры были не только проповедниками, но и учеными, учителями, иногда врачами. Часто именно они первыми описывали быт и нравы народов, среди которых жили. Но с миссиями отправлялись не только в забытые богом места. Служить церкви и проповедовать можно было и в Европе, уютной, ухоженной и христианской. При этом убедить европейца в преимуществах своей веры оказывалось нередко сложнее, чем окрестить черемиса или вогула.

Православным русским священникам в Европе приходилось нести также и другую миссию: они становились посредниками в культурном общении России и Запада. Одним из таких посредников стал протоиерей Александр Андреевич Лебедев¹. В 1998 году исполняется 100 лет со дня его смерти. Он был церковным традиционалистом, «русским батюшкой», окруженным чадами и домочадцами — хлебосольной и открытой семьей, которая вела патриархальный образ жизни, но оказалась волею случая в Европе.

Штат русских священников за границей был невелик: служили в посольских и домовых церквях, в Париже и Риме, Лондоне и Вене. Некоторые начинали жить по-европейски. Тех, кто соблазнялся свободой и возможностями больших европейских городов, возвращали домой. Так, в письме к Лебедеву ректор Московской Духовной Академии С. К. Смирнов спрашивал об одном из бывших выпускников Академии, служившем в Вене, не посещает ли тот театры. Лебедев успокоил ректора: слухи напрасные, он ничего не слышал².

© К. К. Чекоданова

Сам Лебедев был строгих правил, и забота о приличном его сану поведении всегда была для него наипервейшим делом. Приход кормил его. Конечно, лучше быть на виду, служить в одном из приходов Санкт-Петербурга, надеясь и стараясь устроиться как можно лучше и удобнее. Семья и забота о дочерях, которых надо было выдать замуж, заставляли священников много сил тратить на устройство своих дел, поэтому за границу не стремились и на неизвестное соглашались с трудом. Прослышав о предложении Лебедеву занять место настоятеля русской церкви в Праге, находившийся с ним в переписке А. Ф. Лавров, будущий архиепископ Литовский, беспокоился за него и писал, что «за границу <...> можно ехать только человеку совершенно молодому и не имеющему детей женского пола. Все имеющие дочерей выбираются оттуда, не жалея никаких условий <...> в Петербурге гораздо удобнее высмотреть себе местечко более легкое и покойное, чем из Праги»³. Лебедева, бывшего тогда преподавателем Закона Божьего в I-й гимназии у «Пяти углов», пришлось уговаривать поехать служить за границу, расписывая красоты жизни: там, дескать, и дом можно будет нанять — «особняк, обвитый диким виноградом, держать корову <...> дешеви́зна плодов и винограда баснословна»⁴. Лебедевы согласились, не зная, конечно, что с чужбиной свяжет их рождение и смерть: в Чехии родился сын, там же похоронили одну из дочерей.

27 июня 1874 года семейство отправилось в путь. Ехали через Москву, где простились с родителями, через Смоленск, где повидали знакомых, Варшаву, которая понравилась чистотой и своими молочными. Путешествие было трудным, с частыми пересадками, с тревогами о сундуках и ящиках. Все осложнялось незнанием языка и той особой грустью, которая сопровождает в путешествии коренного русского человека, искренне считающего, что лучше его родной России нет ничего на свете.

Из России казалось, что жизнь в Европе легкая, но скучная. Так, по крайней мере, оценивал ее Лавров в одном из писем к Лебедеву.

Сначала все показалось чужим: Прагу нашли несколько закопченной, улицы узкими, а о корове и речи быть не могло. Постепенно привыкли, особенно, когда наладилась домашняя жизнь, когда, наконец, устроившись на своей квартире, распаковали «первым делом ящик с посудой, и "матушка" сварила в кастрюле к общему <...> восторгу родные свежие щи»⁵. Эти маленькие детали, которые вспоминала дочь Лебедева Екатерина, помогают восстановить уклад русского православного семейства, которое более всего было поражено тем, что нет у чехов погребов и ледников, где можно было бы хранить обильные запасы, что непринято покупать всего много. Удивляться

приходилось не только гостям, но и хозяевам. Так, чехи думали, что 3–4 фунта мяса, которые Лебедевы покупали на семью, берется на 10 человек. Чехи жили экономно, русские — с размахом и хлебосольно, стараясь не изменять своим привычкам. На лето Лебедевы уезжали на дачу в живописные окрестности Праги, что чехи себе позволить не могли. Летом семейство часто ездило в Карлсбад (Карловы Вары), где была домовая русская церковь и собиралось русское «водяное общество», а также гостили в Вене у Раевских. Михаил Федорович Раевский, венский протоиерей, давно жил за границей и был влиятельным лицом. Он видел в Лебедеве своего преемника, да и тот сам хотел бы переехать в столичную Вену. Но это назначение не состоялось.

Сейчас, когда читаешь воспоминания дочери Лебедева и письма из архива ее отца, становится очевидным, каким счастливым и удачным для будущего настоятеля Казанского собора было время, отданное не тем обычным заботам, которые тревожили бы батюшку, возглавлявшего приход где-нибудь в России, а представительским встречам, беседам, общению с самыми разными людьми. Кроме того, в Праге Лебедев, выпускник Московской Духовной Академии (1854), нашел время и для ученых занятий. Он брал уроки чешского и немецкого языков. Проблемы, которые его занимали, конечно, связаны с пребыванием среди католиков. Как он писал, взявшись за перо заставили обстоятельства. Он, священник православной пражской церкви, был «вызван на полемику» капелланом, переводчиком книг «русских католиков» И. Бартаком⁶. Результатом этой полемики и явилась магистерская диссертация, защищенная в 1882 году в стенах родной Академии. Она была написана в возражение латинскому истолкованию догмата о Непорочном зачатии Девы Марии. Из Праги Лебедев возвратился в Петербург, имея уже имя в богословских кругах, став автором нескольких полемико-догматических сочинений.

1 января 1884 года он отправлял свое первое богослужение в Казанском соборе. Назначение в Казанский собор считалось почетным, и причт состоял в основном из иереев, имевших особые заслуги перед церковью. Таковыми были у Лебедева, показавшего себя с самой лучшей стороны за восемь лет пребывания в Чехии. Он принимал участие в делах Императорского Палестинского и Славянского обществ, был почетным членом Московской и Казанской Духовных Академий, членом Учебного комитета при Св. Синоде, старшим попечителем епархиального Попечительства, водил дружбу с самим К. П. Победоносцевым и стал влиятельной фигурой в Петербурге. У него просили помощи в устройстве личных дел, в продвижении по службе. Как член Учебного комитета, он помогал соискателям в защите диссертаций.

В 1870–1880-е годы догматические споры перестали быть внутренним делом церкви и явились предметом общественного обсуждения. Во многом это было вызвано появлением книг иезуита князя И. С. Гагарина, княгини Е. Г. Волконской, В. С. Соловьева, которые печатались за границей, но доходили и до читателей в России. Книги «русских католиков» широко обсуждались. Переход в католичество в России часто был выражением оппозиционных настроений, тяги к европейской культуре, к тем идеалам, которыми она жила. Это был протест против вмешательства государства в вопросы веры и насаждения официального православия, несогласие с которым зачастую становилось знаком независимости ищущего истины духа. С. М. Волконский, вспоминая в недоброжелательном контексте Лебедева, писал о том, что переход в католицизм его матери княгини Волконской в официальных кругах был воспринят просто как скандальная история, которую постарались замять. Соловьева с его идеями воссоединения церквей в этих же кругах считали и вовсе безумцем. Но просто скрыть или объявить безумными идеи, которые развивали «русские католики», было невозможно.

В эти годы Римская Католическая Церковь приняла два новых догмата, следуя своей идее о возможности развития христианского учения. Православная Церковь их не признала. С православной точки зрения, учение дано самим Христом, сформулировано на первых семи Вселенских Соборах, оно не нуждается в изменениях. В связи с этим перед богословскими академическими кругами встала необходимость опровержения принятых догматов. Один из них, о непогрешимости главы западной церкви, подкреплял ее притязания на первенство в христианском мире. В русском богословии не было глубоких традиций изучения католицизма в сравнительно-историческом плане. Одним из авторитетов в этой области и стал Лебедев, который прекрасно понимал всю сложность взятой на себя задачи. Он был готов вступить в полемику. Лебедев относился к тем немногочисленным иереем, которые пытались вести диалог с обществом. Он, человек твердых православных взглядов, считал, что спасение мира — в церкви, только и могущей усмирить гордую сознанием своих прав и свобод личность. Такая личность дерзновенна, непокорна, она неминуемо отпадет от соборного единства, если сама церковь не позаботится о ее спасении. Для Лебедева «русские католики» как раз и представляли такой дерзновенный тип личности. Он всегда считал, что вера, доступная проповедь, воспитание в духе православия являются основой русской жизни с ее патриархальными ценностями. Призывы к свободе и борьбе за права личности, сопряженные с критикой в адрес церкви,

Лебедев воспринимал болезненно, считая незбылемым институт, которому он служил в течение всей своей долгой пастырской жизни. Таким образом, обстоятельства нерелигиозного характера, обуславливавшие переход в католицизм, не принимались им во внимание. Безусловно, он был выразителем традиционной охранительной точки зрения. Однако обращает на себя внимание то, что она высказана в книгах, читателям которых были доступны и другие точки зрения. Лебедев, столкнувшись с европейским плюрализмом, учился слушать оппонентов, логически и последовательно строить свою систему доказательств и возражений.

Назначение за границу стало поворотным моментом в судьбе Лебедева. Из Петербурга в Прагу приехал не просто православный священник, назначенный на новое место, а человек, желавший послужить идеям славянского единения. Провожавший его И. С. Аксаков напутствовал заветом «крестить чехов направо и налево»⁷. Для московских славянофилов открытие церкви в Праге означало успех их славянского дела. Церковь устраивалась на частные средства по почину Славянского благотворительного общества. Ее созданию помогали и чехи, в особенности Ф. Браунер, с которым очень сдружился Лебедев.

В XVII веке Чехия лишилась политической самостоятельности. Ее земли стали владениями Габсбургов. С начала XIX века в стране получило развитие движение национального возрождения. Лебедев знал многих из тех, кого можно было назвать вождями нации. Среди них — Фр. Палацкий, Ф. Ригер, уже упомянутый Браунер, К. Сладковский. Впоследствии Лебедев написал воспоминания обо всех, с кем встречался, и о событиях тех лет. В 1870-е годы по всей Чехии возникли различные культурные общества и объединения («беседы»): чехи хотели знать свое прошлое, историю, фольклор, литературу. В связи с этим вырос интерес к истории и культуре родственных народов, в том числе и русского. Лебедев стал одним из создателей кружка любителей русского языка, который собирался в помещении Художественного клуба. Его заседания, судя по описаниям Е. Лебедевой, выглядели весьма живописно. Прислугу наряжали в сарафаны и выгладили весьма живописно. Ставился самовар, угощались чаем, а однажды даже закошники. Ставился самовар, угощались чаем, а однажды даже закали печенье калачей, которые, впрочем, не удались. В Праге Лебедев выполнял также поручения Министерства просвещения, подыскивал преподавателей классических языков для гимназий. На экзамене давал им отрывок для перевода, потом запечатывал перевод в конверт и переправлял в Министерство для утверждения кандидатуры.

Открытие православной церкви в городе, где жили только католики, было достаточно уникальным случаем. Причины, по которым она была открыта, лежали в области политики. Приглашая к себе православных священников, чехи использовали один из своих главных аргументов в споре с Веной — славянский. Демонстрируя славянское единство, свою этническую и культурную связь с соседней огромной Россией, чехи отстаивали национальные приоритеты, право на родной язык. Под православную церковь переделали католический храм. «Чехи с гордостью отмечали, что под сводами его не раздавалось латинского языка, — это было едва ли не последнее убежище славянского богослужения, которое на некоторое время отстояли в прошлом гуситы»⁸. По воспоминаниям Лебедевой, можно восстановить некоторые обстоятельства открытия храма. Здание сняли в аренду и привели в порядок. Внутри церкви поставили одноярусный иконостас из разноцветного мрамора. Храм освещался хрустальной люстрой — паникадиллом. 4 августа 1874 года его освятили во имя святителя Николая Чудотворца. На освящении было полно народа, для которого потом устроили торжественный обед.

Венские власти противились открытию храма, подозрительно относясь к пребыванию русских священников на территории Австрии, тем более что Вена уже сталкивалась с опасной для нее деятельностью упоминавшегося выше Раевского, видного славянофила и организатора поездки австрийских славян в 1867 году в Москву. Тогда же в Москве открылась этнографическая выставка и прошел Славянский съезд. Славянские комитеты (первый из них возник еще в 1858) вели подготовку к съезду заблаговременно. Так, например, Раевский собирал материалы по этнографии австрийских славян и вел переговоры с приглашенными на съезд гостями. Материалы Славянского съезда были изучены и прокомментированы А. С. Никитиным⁹. На съезд из Австрии прибыло 62 человека, причем 27 из них были чехи; среди них видные деятели австрославизма, организаторы чешской национальной партии, с которыми потом в Праге познакомился Лебедев. На съезде в Москве встретились чешские и русские сторонники славянской идеи, потом их знакомство продолжилось в Праге, куда в 1868 году прибыла русская делегация для участия в празднествах по случаю закладки Национального театра.

На Славянском съезде определились позиции славян, их разногласия и точки соприкосновения. В отличие от русских славянофилов австрийские славяне не стремились к слиянию, считая, что каждый народ имеет право на национальное определение и самостоятельный выбор исторического пути. Три основных пункта программы орга-

низаторов съезда настораживали гостей — главенствующая роль России, православия и русского языка. Тем не менее некоторые из чешских делегатов поддерживали более тесное сближение с Россией. Так, Браунер за свои усилия, направленные на это, был удостоен ордена князя Владимира. Сладковский, принадлежавший к более радикальному и молодому по составу крылу национальной партии, желая более близких связей с русской культурой, в 1869 году принял православие. Чехи были удовлетворены результатами своей поездки. Их демонстративное участие в обсуждении в Москве будущего славян вызвало беспокойство австрийского правительства, осознавшего, что необходимо идти навстречу требованиям чешской партии.

Съезд проходил в восторженной атмосфере. В Москве и Петербурге устраивались приемы, обеды, произносились торжественные речи. Всеобщее упоение славянской идеей у австрийцев вызывало иронию и раздражение. Австрийский посланник граф Ривертера заметил, что приезд славян превратился в «национальный фарс»: «<...> бегут за экипажами, чтобы посмотреть на «славян». Похоже, что их никогда не видели, как будто их открыли на каком-то новом архипелаге Полинезии»¹⁰. В это же время президент Бейст дал понять канцлеру А. М. Горчакову, что славословие славянской национальности может стать причиной беспорядков. Его беспокойства были совершенно напрасны: чехи как раз хотели порядка, который бы гарантировал их права, хотели федерации и автономии, считая, что права каждого народа должен защищать закон. Славянский вопрос, по их мнению, не только в Австрии, но и в России, должен решаться в конституционном порядке. Русские славянофилы совсем иначе видели решение вопроса. Так, Ф. М. Достоевский, член Славянского общества с 1873 года, в «Дневнике писателя» вообще выражал опасение, что, может быть, «придется России бороться с ограниченностью и упорством славян, с их дурными привычками, с их несомненной и близкой изменой славянству ради европейских форм политического и социального устройства, на которые они жадно накинута»¹¹. Так и случилось, по крайней мере, с чехами, вовсе не стремившимися слиться в единую славянскую нацию. Не великое славянское дело по созданию православного государства с центром в Константинополе, а озабоченность собственным будущим привела чехов в Москву.

В 1877 году Славянские комитеты были закрыты. На их основе было организовано Славянское общество, чья деятельность ограничилась делами благотворительности и культуры. Этими действиями правительство России высказало свое отношение к политическим амбициям славянофилов, чья точка зрения на решение проблемы славян-

ства не совпадала с официальной. Не случайно во время проведения Славянского съезда власти старались подчеркнуть его неофициальный характер. В противном случае австрийцы были бы вправе расценить его проведение как вмешательство в свои внутренние дела.

Лебедев, заняв место настоятеля русской церкви в Праге, открытие которой произошло вследствие столь важных политических событий, был достаточно сдержан и осторожен, а может быть, он и не имел вкуса к политическим дискуссиям. У него было свое «славянское дело». Как знать, возможно, Лебедев сделал для славян больше, чем Достоевский. Священник был доброжелательным, приветливым, открытым для общения, интересовался чешской культурой, изучал язык. Может быть, в том, что Чехия дала приют изгнанным революцией из России в 1920-е годы и Прага стала центром русской эмигрантской культуры, есть заслуга и протоиерея Лебедева.

¹ Родился 4 августа 1833 года в селе Васильевском под Коломной Московской губернии, умер 23 марта 1898 года в Доме Казанского собора, похоронен в Александро-Невской лавре. Подробнее о биографии А. А. Лебедева см.: *Лебедев А. И.* Семейные воспоминания // Душеполезное чтение. Сергиев Посад, 1910. № 1–2; *Лебедева Е.* Воспоминания о протоиерее А. А. Лебедеве // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1916. № 10–12; Памяти настоятеля СПб. Казанского собора протоиерея А. А. Лебедева. СПб., 1898.

² Переписка протоиереев С. К. Смирнова и А. А. Лебедева // Богословский вестник. 1916. № 10–12. С. 340.

³ Письма к протоиерею А. А. Лебедеву. Там же. С. 422.

⁴ *Лебедева Е.* Указ. соч. С. 279. В дальнейшем материал, касающийся деталей пребывания Лебедевых в Праге, изложен по этим воспоминаниям.

⁵ Там же. С. 283.

⁶ См.: *Лебедев А. А.* Разности церквей восточной и западной в учении о пресвятой Деве Марии Богородице. Варшава, 1881. С. 2.

⁷ *Лебедева Е.* Указ. соч. С. 286.

⁸ Там же. С. 280.

⁹ См.: *Никитин С. А.* Славянские съезды шестидесятих годов XIX века // Третий славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867–1878 годах. М., 1948.

¹⁰ Цит. по: *Никитин С. А.* Указ. соч. С. 32.

¹¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Л., 1984. Т. 26. С. 81.

В. А. Прищепова

О пребывании цесаревича Николая Александровича в Степном генерал-губернаторстве

В 1896 году Николай II подарил Музею антропологии и этнографии Академии наук (МАЭ) — Кунсткамере коллекцию почти из 500 предметов. Это были дары жителей Востока, поднесенные цесаревичу, путешествовавшему в 1890–1891 годах по отдаленным областям Российской империи.

Казахи подарили ему богатую коллекцию оружия (мултык — одностольное шомпольное капсюльное ружье, украшенное резным и чеканным орнаментом, нагайку с ножиком, стальные ножи, боевые топоры — айболта) и предметы быта (бубен, чугунные вешалки для юрты, деревянный резной ковш для разливания кумыса — ожау). Оружие казахов Акмолинской области из этой коллекции было украшено медными и серебряными орнаментальными бляшками. На некоторых из них имеется изображение царской короны и буквы «Н» или двух букв «Н.А.» Один из боевых топорилов особенно выделяется искусной работой¹. Он украшен насечкой с чернью в виде растительного орнамента. Обухок топорика увенчан изображением стопы лошади с вычеканенной подковой. В нижний конец круглой деревянной ручки топорика вставлен клинок кинжала.

Путешествовавшего цесаревича сопровождал князь Э. Э. Ухтомский, не только известный государственный деятель и публицист, но и серьезный ученый-ориенталист. Одна из первых коллекций по Средней Азии, хранящихся в МАЭ, поступила в 1892 году от Ухтомского, который привез ее в 1889 году из Самарканда. Все предметы он купил на базаре. Среди них принадлежности старинной мужской и женской одежды, образцы головных уборов (в том числе вышитые тубетейки

© В. А. Прищепова

из города Шахрисябза, чалмы), керамические подсвечники и вышитые женские кожаные калоши (обувь такого типа перестала бытовать уже в конце XIX века), а также интересные и разнообразные по форме табакерки из тыквы-горлянки².

Ухтомский подробно описал почти трехсотдневное путешествие цесаревича на Восток, его официальные и неофициальные приемы (часто с театрализованными представлениями и пирами). В то же время он отметил особенности быта разных народов, их костюмов, обычаев, занятий, жилищ и транспортных средств, национальной пищи, стараясь как можно полнее осветить увиденное. Записки Ухтомского были роскошно изданы в Германии. Три красиво оформленных тома, обтянутых кожей с золотым тиснением, были мастерски проиллюстрированы рисунками художника Н. Н. Каразина³. Интересно, что будущий академик живописи получил признание не только как создатель многих картин, но и как автор очерков и романов на темы турецкой жизни. Каразин был участником первой большой русской научной Амударьинской экспедиции в Среднюю Азию. В 1874 году ее организовало Русское географическое общество при активной поддержке великого князя Николая Константиновича. В работе этой экспедиции принимали участие исследователи, чьи труды позже стали хрестоматийными: Н. Г. Столетов (руководитель экспедиции), этнограф Л. Н. Соболев, ботаник С. М. Смирнов и зоолог Н. А. Северцов. С коллекции Смирнова, согласно имеющимся документам, начинается история современного фонда МАЭ по культуре и быту народов Средней Азии и Казахстана⁴. Сведения о предметах, приобретенных в более раннее время, до нас не дошли.

В настоящее время книга Ухтомского «Путешествие на Восток...» стала библиографической редкостью. Обратимся к тому ее разделу, где повествуется о посещении казахского аула Степного генерал-губернаторства (северные районы современного Казахстана). Часть пути цесаревич проделал на пароходу. При вступлении на берег (дорога, по которой ожидалось шествие Николая от пристани на Иртыше, была устлана казахскими коврами) он «принял и откушал кумыс, поднесенный на серебряном блюде от киргиз (прежнее название казахов, в то время как киргизов называли тогда дико-каменными киргизами — В. П.) Степного генерал-губернаторства старейшим из депутатов Акмолинской области подполковником султаном Чингизом Валихановым⁵ с ассистентами из Семипалатинской и Семиреченской областей»⁶.

После торжественной встречи цесаревич направился на выставку, устроенную в его честь в казахском ауле. Гости посетили юрту бога-

того казаха Акмолинской области Нурмухамеда Саганаева, жилище которого снаружи было покрыто цветными сукнами, а внутри раскрашено коврами и парчой. Здесь была развешана мужская и женская одежда. Цесаревичу представили девушку в богатом костюме невесты и старинном головном уборе в виде высокого конуса — саукеле, украшенном серебряными позолоченными бляхами со вставленными сердоликами, нитками кораллов и жемчуга. Этот убор надевали во время свадьбы, а молодые женщины носили его в первый год замужества при особенно торжественных случаях. Ухтомский писал, что уже в конце XIX века этот головной убор начал выходить из употребления. В юрте Саганаева находилось несколько девушек, занятых рукоделием — шитьем и вышивкой. Здесь же была установлена саба (мешок из копченой конской кожи, напоминавший, по словам Ухтомского, четырехугольную бутылку, вмещающую до 20–40 ведер) с кумысом — неперенная принадлежность богатой казахской семьи. Гостям продемонстрировали процесс приготовления местных сыров — курт и рымчик; показали, как обрабатывают кожу, предназначенную для изготовления подошвок, хранения и перевозки кумыса, способы ткачества, доение овец и кобылиц, а затем стадо двугорбых верблюдов.

Цесаревич и сопровождавшие его лица посетили юрту атбасарского жителя Майрама Джанайдарова, в которой были выставлены предметы казахского вооружения: кольчуги, шлемы, пики, сабли, луки и колчаны со стрелами, одежда и модели юрт. Здесь гостей угостили всевозможными лакомствами национальной кухни и показали предметы, связанные со столарным, кузнечным, слесарным и ювелирным ремеслами. Свое умение продемонстрировали мастера за ткацким станком и узорщик, делавший вырезки из сукон и материй для украшения кош и юрт.

Наконец гостей провели к юрте со специально оборудованной научной экспозицией. Здесь были помещены коллекции музея Семипалатинского областного статистического комитета: этнографическая, зоологическая и минералогическая. Этнографическая коллекция включала изделия из рога (ложки-ковши), кожаные и деревянные сосуды (для перевозки кумыса) с серебряной по железу инкрустацией, образцы различных нагаек, музыкальные инструменты, казахские мужские пояса — ксе, оружие, а также предметы традиционных казахских ремесел: кошмы разных видов, ткани, части одежды, обувь.

В конце визита будущий император побывал в юрте, где были выставлены предметы, предназначенные ему в подарок. Есть основания предполагать, что из казахских вещей, подаренных цесаревичу, в МАЭ попали далеко не все и, вероятно, не самые интересные.

Во время посещения аула гости наблюдали перекочевку богатой и бедной казахских семей — кош. В пяти верстах от Омска цесаревич наблюдал характерные для казахов развлечения — охоту с беркутами и народную игру на конях — кок-бурю.

Коллекции, привезенные цесаревичем из странствий по Российскому Востоку, были представлены на специальной выставке, устроенной зимой 1893–1894 годов в Эрмитаже с благотворительными целями генерал-адъютантом К. Н. Посыетом⁷ и И. А. Сытенко. Был издан каталог с предисловием Ухтомского⁸.

Специальная опись вещей, подаренных цесаревичу, «в связи с группировкой их по странам»⁹ была сделана В. И. Сигалем, Пехом и А. С. Васильковским. Коллекция «в течение двух зим» хранилась в Аничковом и Зимнем дворцах, и лишь часть ее была передана позже в Азиатский, Минералогический, Зоологический музеи и МАЭ.

К сожалению, более подробных документальных сведений о предметах, поступивших в МАЭ в 1896 году от Николая II, обнаружить не удалось. Однако через сто лет в Казахстане произошла неожиданная встреча, которая дополнила информацию и подтвердила описанные Ухтомским события.

Осенью 1992 года в Алма-Ате был создан первый всемирный курултай всех казахов. Оргкомитет пригласил сотрудников МАЭ принять участие в мероприятиях и подготовить выставку по традиционной культуре казахов. Кроме вещевых коллекций, в Алма-Ату повезли незначительное количество старых фотографий из собраний музея, подобранных наугад. Эти фотодокументы никогда прежде не демонстрировались и должны были оживить экспозицию.

Выставка вызвала большой интерес. На представленных снимках некоторые посетители неожиданно узнали лица своих предков. Так, на одной из фотографий, поступившей в музей в составе собрания К. В. Щенникова¹⁰, семья Омарбековых узнала своего предка — Омарбека Майрамова. Омарбек был сыном Майрама Джанайдарова, которого упоминал Ухтомский при описании посещения юрты атбасарского жителя. Именно в его жилище были выставлены предметы казахского вооружения, о чем писалось выше.

История семьи Омарбековых представляет определенный интерес. По сведениям сына Омарбека, Сапаргали Омарбекова, доктора исторических наук, его дед, принимавший цесаревича, был волостным управляющим. По-казахски его звали Мейрам Жанаидар улы, то есть Майрам сын Жанаидара (1846–1921). Майрам был образованным человеком. Он писал стихи, статьи о культуре своего народа, участвовал в традиционных состязаниях народных поэтов, занимался

историей, составлял, как это принято у казахов, свою родословную. В 1875 году «Киргизская степная газета» опубликовала в девяти номерах стихотворные переводы Майрама «Тысячи и одной ночи» на казахский язык.

Имя М. Джанайдарова неоднократно упоминал в монографии о казахском прикладном искусстве академик А. Х. Маргулан¹¹. В 1876 году в Петербурге проходил III конгресс ориенталистов. По просьбе его организаторов Майрам прислал на конгресс целый ряд предметов быта: среди них жаргаки — шубы, кожаные кафтаны, тибетейки, свадебный головной убор невесты — сауке, седла с позолоченными пластинами, ковш и даже юрту¹².

У своих соотечественников Майрам пользовался особым почетом и уважением, так как совершил хаджж — паломничество в Мекку. Он имел четырех жен и семь сыновей, был богат. Его внук рассказывал, что дед сложил в Тургайской степи двухэтажный дом из красного кирпича, что было большой редкостью. В первые годы советской власти после конфискации имущества в этом доме разместились школа (здание не сохранилось).

Омарбек, сын Майрама, сфотографированный в начале XX века Щенниковым в группе волостных управителей, родился в Тургайской области (ныне Акмолинская область Атбасарского района). Вторая жена Омарбека — Гульсайран Джантурина по происхождению была чингизиткой (т. е. потомком Чингиз-хана, которых называли торе). До замужества она жила в городе Троицке (Свердловская область), хорошо владела русским языком, училась в русской гимназии и воспитывалась у старшей сестры, муж которой служил судьей.

Омарбек был последним в роду волостным управителем. Его жене Гульсайран приходилось помогать ему, исполняя обязанности переводчика. Брат Омарбека, Сейлбек, в 1913 году окончил юридический факультет Петербургского университета и работал в России.

В Центральном государственном архиве Казахстана сохранился протокол о конфискации имущества у Омарбека в 1929 году и о высылке его и брата в Кызылординскую область. Омарбек попытался бежать из ссылки в Алма-Ату к родственникам, но в пути его арестовали и отправили в тюрьму на станции Темир Актюбинской области. Там он умер в 1930 или 1931 году. Его детям, как и потомкам многих других именитых семей Казахстана, пришлось изменить фамилию, чтобы не напоминать о своем байском происхождении.

Меньше известно об отце Майрама, Джанайдаре Орынбаеве, который происходил из рода аргын Среднего жуза. По сообщению правнука, Джанайдар был батыром Кенисары Касымова, героя казахского народа.

На фотографии «Депутация киргиз Акмолинской области», опубликованной в книге Маргулана¹³, крайний слева мужчина, возможно, является Д. Орынбаевым. Правда, по поводу его идентификации давно спорят ученые Казахстана, и некоторые утверждают, что это — казахский народный композитор Титтимбет Казангапов.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что, казалось бы частный вопрос, касающийся истории одного из отделов МАЭ, помог установить связь поколений и почувствовать живое дыхание времени.

¹ МАЭ. Колл. 313–117/2.

² Там же. Колл. 219.

³ Ухтомский Э. Э. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника-цесаревича 1890.1891 гг. Лейпциг, 1893. 1897. Т. I–III.

⁴ МАЭ. Колл. 111.

⁵ Чингиз Валиханов, отец казахского ученого-просветителя Чокана Валиханова. С 1881 г. в МАЭ (колл. 618) хранятся кожаные ножны, украшенные металлическими пластинами. Эти ножны — пшак — принадлежали полковнику Чингизу Валиханову из Кокчетавского уезда Акмолинской области.

⁶ Ухтомский Э. Э. Указ. соч. С. 179.

⁷ Константин Николаевич Посыет — видный государственный и общественный деятель, адмирал. Согласно его завещанию, в МАЭ (колл. 474, 478) поступил ряд предметов, которые приобретались в разных странах.

⁸ Ухтомский Э. Э. Указ. соч. 1897. Т. III. Предисловие. С. I.

⁹ Там же.

¹⁰ Клавдий Васильевич Щенников, фотограф, в начале XX в. неоднократно посещал Казахстан по заданию МАЭ, в том числе и места, где в 1890–1891 гг. принимали цесаревича. На одном из его снимков изображена группа волостных управителей Атбасарского уезда (МАЭ. Колл. 1707–57).

¹¹ Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата, 1986.

¹² Предметы хранятся в МАЭ.

¹³ Маргулан А. Х. Указ. соч. Т. I. С. 110.

А. А. Бовкало

Паломничества студентов Петроградского Богословского института

Традиция религиозных паломничеств, так широко распространенная в старой России, лишь с большими трудностями могла быть продолжена в первые послереволюционные годы. Организованные поездки, особенно к далеко расположенным святыням, становились редкостью. Все же в начале 1920-х годов несколько таких паломничеств были организованы для студентов Петроградского Богословского института. Институт этот был открыт в апреле 1920 года¹. Целью его было «служение св. Церкви в осуществлении ею религиозно-просветительских задач чрез подготовку убежденных, образованных, практически опытных, горящих духом живой веры, молитвенно настроенных деятелей и пастырей и — чрез разработку и проведение в сознание общества научно-обоснованного решения богословских и церковно-практических вопросов, выдвигаемых современной жизнью»², — говорил в своей речи ректор института протоиерей Николай Чуков. В институт принимали как мужчин, так и женщин. Занятия проходили по вечерам, что позволило зачислить в институт большое число слушателей³. Многие из них еще до революции привыкли к паломническим поездкам. Так, студент, И. Д. Дмитриков (1897–1937), уроженец Калужской губернии, учитель, впоследствии окончивший институт и удостоенный степени кандидата богословия, после паломничеств продолжал переписываться с оптинским старцем Анатолием и иеромонахом Пименом из Тихоновой пустыни вблизи Калуги. Среди поступивших было немало членов различных церковных братств, которые активно действовали тогда в Петрограде.

© А. А. Бовкало

В институте была создана студенческая коллегия, ее возглавлял студент иеромонах Макарий (Звездов; 1884–1937), а секретарем был выпускник Восточного факультета Санкт-Петербургского университета А. В. Зиновьев (1870–?). От Совета института в нее входил профессор Ф. К. Андреев. Одна из задач коллегии состояла в организации различных паломничеств. Это было важно и потому, что, хотя в институте был устроен храм, регулярно посещать богослужения в нем студентам было «при настоящих условиях их жизни крайне затруднительно. Большинство их группируется возле своих приходских храмов, и нет нужды разрушать эту связь»⁴, — отмечал Совет института.

Уже через четыре месяца после открытия института, на Успение, 28–29 августа 1920 года состоялась поездка студентов в Колпино. Настоятелем храма там был преподаватель института о. Александр Боярский (1885–1937). В Колпине находился чтимый образ св. Николы Чудотворца.

3 декабря 1920 года 24 слушателя института под руководством протоиерея А. И. Боярского отправились в паломничество в село Замостье Новгородской епархии. Этот приход был выбран не случайно. Настоятелем храма здесь был о. Алексей Борисов (1869–1932), один из организаторов трезвеннического движения в Новгородской епархии. В Замостье он служил с 1890 года. За это время приход неузнаваемо преобразился. «Проповедь пастыря, живая, понятная, непосредственно отвечающая духовным нуждам пасомых, обильно питала их души христианским назиданием, различные чтения по сельскохозяйственным вопросам, организованные о. Алексием, <...> расширили умственный кругозор трезвенников. <...> [Они] образовали собою и кооперативную единицу, чтобы при взаимной поддержке проводить в жизнь необходимые улучшения в своем хозяйстве»⁵. В селе были открыты богадельня, больница с амбулаторией, три школы, выстроено помещение для учителей. Из бедного, заброшенного погоста Замостье превратилось в светлый культурный уголок. Хотя многое изменилось после революции, энергия о. Алексия не ослабела.

Проехав от станции Любань на лошадях 18 верст, студенты присутствовали на всенощной в канун праздника Введения во храм Божией Матери (с 7 до 11 часов вечера), на литургии ранней и поздней (с 6 до 9 и с 11 до 2 часов) и снова на всенощной под воскресенье (с 7 до 10 часов) и на литургии (с 8 до 11 часов). Почти все они после общей исповеди причастились св. тайн. В совершении богослужения приняли участие студенты иеромонах Макарий и диаконы Василий Козлов и Владимир Лозино-Лозинский (1885–1937). Кроме того, о. Владимир произнес проповедь, а студенты в воскресенье пели на левом клиросе.

Как особенность, следует отметить, что все на всенощном бдении даже евангелие читали по-русски. Ранняя литургия была совершена на переносном престоле посреди храма. После литургии студенты были приглашены на общее собрание прихожан, обсуждавших вопрос, «чего желают прихожане от пастырей и чего желают пастыри от прихожан»⁶. В эти же дни состоялось и чествование о. Алексия Борисова в связи с 30-летием служения на одном месте.

Для ночлега студенты были распределены по домам и везде находили самый радушный прием со стороны крестьян, которые на своих лошадях доставили их на станцию. На всех участников поездки произвела самое отрадное и бодрящее впечатление. В ней участвовал профессор университета, читавший курс лекций и в институте, Н. И. Лазаревский с женой.

18/5 декабря группа студентов в сопровождении проректора И. П. Щербова и профессора Н. Н. Глубоковского снова посетила Колпино, где все молились за торжественным богослужением в честь св. Николая вечером (с 7 до 11 часов), а также за раннюю и позднюю литургиями (с 7 до 2 1/2 часов дня) на следующий день. Иеромонах Макарий и диакон Василий Козлов участвовали в богослужении, а некоторые студенты исповедались и причастились св. тайн. К студентам в Колпине присоединились профессор Ю. П. Новицкий и Н. И. Лазаревский⁷.

В июне 1921 года была совершена поездка в Макарьеву пустынь, расположенную недалеко от станции Любань. Настоятель Макарьевой пустыни игумен Кирилл (Васильев; 1871–1944) был председателем Макарьевских трезвеннических совещаний, организованных в пустыни по почину о. Алексия Борисова.

24/11 июля паломничество в Александрово-Невскую лавру возглавил ректор института Н. К. Чуков. В нем приняли участие проректоры И. П. Щербов, профессор Ф. К. Андреев, 16 слушателей и 17 слушательниц. Сохранился список студентов — участников паломничества. Среди них были И. Д. Дмитриков, А. В. Зиновьев, священник университетской церкви В. Лозино-Лозинский, С. Я. Сиверс (впоследствии иеромонах Сампсон; 1898–1979), доктор медицины А. М. Скородумов (1888–1937), С. Е. Советов (1896–1967), будущий поэт-лагерник М. Н. Фроловский (1885–1943) и его сестра сотрудница Русского музея Н. Н. Фроловская (1897–1970), выпускница консерватории М. В. Васильева, дочь известного юриста В. С. Зарудная (1873–?), дочь генерала А. Д. Кузьмина-Караваева (1889–?), студентки университета Н. А. Никитина (1903–?) и Л. А. Мейер (1901–1993), бывшая начальница женской гимназии А. Д. Панчулидзева (1878–?)⁸.

Бывали студенты и на пострижении своих коллег в монашество. Первый постриг состоялся 2 июля 1921 года в церкви Федоровского подворья. Студент И. А. Акулов (1899–1937) был пострижен в монахи с именем Епифаний. Кроме профессора Ф. К. Андреева, на пострижении присутствовали 26 студентов (среди них и поэт Д. А. Крючков)⁹.

30 декабря 1921 года состоялось пострижение в монашество студента С. Е. Советова. После обряда, совершенного митрополитом Вениамином, новопостриженного от имени Совета и ректора приветствовали проректор И. П. Щербов, вручивший ему Библию, и от имени студентов — А. М. Скородумов, поднесший икону. На постриге присутствовали профессора Ф. К. Андреев и о. Павел Аникеев и много студентов¹⁰. «Вчера <...> [пошла] в Крестовую на акафист и постриг Советова, теперь о. Пантелеимона», — записала в своем дневнике студентка Л. А. Мейер¹¹.

17 февраля 1922 года профессора И. П. Щербов и Ф. К. Андреев и многие студенты были на постриге студента Василия Сацердотского (1895–1937?), которому было дано имя Варлаам. Обряд был совершен митрополитом Вениамином в его Крестовой церкви в лавре. Новопостриженного приветствовали Щербов и студент иеромонах Макарий¹².

Вероятно, паломничества совершали студенты и самостоятельно, особенно те из них, которые были членами лаврского братства. 1 января 1922 года Л. А. Мейер записала в своем дневнике: «Евгения Сергеевна¹³ <...> предлагает мне поехать в Макарьеву пустынь с ними». И далее: «13 января. Слава Господу — еду в Макарьевскую. <...> 14 января. Сажу на полатах в странном доме в Макарьевской пустыни. Счастлива до бесконечности. Вот какой новый год. Вчера на всеобщей в Пельгоре была в косынке»¹⁴.

Отметим также, что некоторые студенты организовывали паломничества и в своих приходах. Так, в Крестовоздвиженском приходе под руководством протоиерея Михаила Митроцкого группа студентов устраивала детские загородные поездки.

Постепенно организованные паломничества становились все более затруднительными. Сведений о поездках студентов Высших Богословских курсов, существовавших в Ленинграде в 1925–1928 годах после прекращения деятельности Богословского института, не имеется.

⁹ См. о нем подробнее: Успенский Н. Д. К истории богословского образования в Петрограде // Журнал Московской Патриархии. 1977. № 4. С. 6–13.

² Цит. по: Сорокин В. И., Бовкало А. А., Галкин А. К. Открытие Петроградского Богословского института в 1920 году // Христианское чтение. СПб., 1997. Вып. 14. С. 128.

³ См.: Бовкало А. А. Высшее женское образование в России в 1910–1920-х годах // Духовное просвещение в России. Материалы международной конференции. Смоленск, 1995. С. 28–37; его же. Прием на I курс Петроградского Богословского института в 1920 г. // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Санкт-Петербург. 19–20 марта 1996 г. СПб., 1996. С. 134–137.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Ед. хр. 46.

⁵ Н. У трезвенников в с. Замостье // Новгородские епархиальные ведомости. 1915. № 44. С. 1146–1147.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 27–27 об.

⁷ Там же; Бовкало А. А., Галкин А. К. Новгородцы и Петербургский Богословский институт // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 12–14 ноября 1996 года. Новгород, 1996. С. 190–193.

⁸ ЦГИА СПб. Там же. Ед. хр. 72. Л. 34.

⁹ Там же. Л. 35. Ед. хр. 46. Л. 21.

¹⁰ Там же.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1602. Л. 4 об.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 2279. Оп. 1. Ед. хр. 33. Варлаам (Сацердотский), архимандрит. Письма из заточения к духовным детям. Публ. А. Воронцова // Минувшее. Исторический альманах. М.: СПб., 1994. Вып. 15. С. 465.

¹³ Миллер (1895–?), впоследствии монахиня, казначей Пятогорского монастыря.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Ед. хр. 1602. Л. 6 об., 25 об.

М. Г. Талалай

Петроград и Барград
(о строительстве странноприимного подворья в Италии)

Русские паломники не жаловали Италию. Если Палестина, Афон, Константинополь всегда были дороги сердцам православных пилигримов (хотя эти места находились в руках мусульман), то католическая Италия, обладательница великих римских святынь, сильной тяги у русских странников не вызвала. Частое вмешательство римских пап во внутренние дела Московского государства создавало атмосферу недоверия, поэтому паломничества на Запад были единичны и выбивались из общего русла благочестивых путешествий россия¹. Христианский Восток воспринимался своим, единоверным, чего нельзя было сказать о Западе². Даже путеводители по святым местам латинских стран появились только на рубеже XIX–XX веков, причем их авторам приходилось проделывать кропотливый труд по выявлению православных святынь³.

На этом фоне ярко выделялось стремление русских попасть в Бари для поклонения мощам Св. Николая Чудотворца. Объяснялось это необычайно широким почитанием Святител Мир Ликийских⁴. Если русский богомолец в Италии часто смущался мыслью, что само наличие здесь многих святынь есть результат хитрости латинян, грабежей крестоносцев, то в Бари он примирялся с этим признанным Русской Церковью праздником «перенесения мощей Святител от Мир Ликийских в Барград» (так называемый «Никола-вешний»).

Как известно, мощи Св. Николая были увезены из Византии на запад⁵ в 1087 году, когда город Бари был под властью норманнов (с 1070) и омофором римских пап. Впоследствии в Бари была возведе-

© М. Г. Талалай

на величественная базилика, в крипте которой мощи почитают и поныне. Русское народное благочестие пыталось оправдать это событие: древняя киевская редакция Жития Св. Николая и последующая агиография⁶ распространяли мнения, что Барград в то время был все еще византийско-православным, что сами баряне были греками, что мощи якобы находились в руках нечестивых агарян и что в любом случае это было делом промыслительным ввиду грядущей мусульманской угрозы. Проникновение в русский календарь празднования перенесения мощей Св. Николая — явление исключительное⁷, ибо Константинопольская Церковь могла лишь скорбеть об утрате великой святыни.

Уже первые русские путешественники на Запад считали святым долгом приложиться к мощам чудотворца. Посланцы на Флорентийский собор (1439), составившие самые ранние описания Европы, кратко упомянули о барградской святыне⁸. Граф П. А. Толстой, посетивший в 1698 году Бар, как он называл город, первым подробно описал католическую базилику, «в которой лежат мощи великого архиепископа Христова Николы»⁹. В том же году в Бари побывал граф Б. П. Шереметев¹⁰; есть свидетельства и о паломничестве царевича Алексея¹¹. Неутомимый «пешеходец» и паломник В. Григорович Барский, автор ходившего в списках «Путешествия по святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся», обрисовав Бари, дал понять, что не вполне одобряет перенесение мощей в Италию: «кости немощно познать от какового члена суть, понеже не на своем месте лежат»¹².

Состав поклонников, посещавших гробницу Св. Николая, был разнообразным. В Италии получило известность паломничество двух русских крестьянок, которые в 1844 году по обету, не зная европейских языков, добрались на своей повозке из Перми в Бари. На обратном пути в Петербурге они были обласканы царем¹³. В 1852 году в Бари побывал великий князь Константин Николаевич, подаривший бриллиантовый перстень местному архиепископу. 10 ноября 1892 года мощам своего небесного покровителя поклонился наследник престола Николай Александрович, по вкладу которого был выложен новый настил в крипте базилики.

Некоторые пилигримы XIX — начала XX века оставили свои впечатления о Бари¹⁴. Они не жалели красок на описание как трудностей своих путешествий, так и изъянов «католической действительности». Богомольцам не нравились изображения Св. Николая в облачении латинского епископа¹⁵, «непристойные хороводы итальянцев» у базилики¹⁶, местный чин поклонения мощам¹⁷, «наглая эксплуатация и дерзкий грабеж» со стороны барийцев¹⁸. Странников печалило от-

существование православных богослужений в Бари (на рубеже XIX–XX веков в Бари проживал некий грек, самозванно рекомендовавший себя архимандритом Германом и совершавший покладам богомольцев молебны; русских паломников официально предвещали не пользоваться его услугами¹⁹). Часто высказывалась мысль о необходимости строительства в Бари как странноприимного дома²⁰, так и русской православной церкви²¹.

Почитание Св. Николая выражалось в паломничестве не только в Бари, но и в место, где находилась кафедра Чудотворца, совершались чудеса и произошла его кончина, — в Миры Ликийские. Начало этому движению положил духовный писатель А. Н. Муравьев, побывавший в Малой Азии в 1850 году и обнаруживший полное запустение святого места. Муравьев начал широкую кампанию в России «для восстановления падшей обители»²². Характерны полемические оттенки его высказываний: «Сюда, сюда в пустынную Миру Ликийскую, а не в калабрийский чуждый нам город Бар должны стремиться православные паломники»²³.

В 1853 году на средства российского посла в Константинополе графа Н. П. Игнатова был куплен участок земли с руинами монастыря «Новый Сион» и пустой гробницей Святителя. В 1853–1868 годах прошли работы по их восстановлению, что вызвало противодействие местного греческого епископа, считавшего Миры своей канонической территорией²⁴. Война России с Турцией 1877–1878 годов еще больше осложнила ситуацию.

Для сбора средств на восстановление «Нового Сиона» в 1875 году в Петербург прибыли два монаха-афонца. В столице монахов поддерживали торговцы Старо-Александровского рынка на Калашниковском проспекте, которые соорудили близ рынка небольшую часовню, освященную 6 декабря (в праздник «Никола-зимнего») 1879 года. Часовню назвали «Мирликийской» и посвятили одновременно двум святым: Св. Николаю Чудотворцу и Св. Александру Невскому в память избавления императора Александра II от покушения в Париже в 1867 году. Собираемые в часовне пожертвования на «Новый Сион» поступали в хозяйственное управление при Св. Синоде. В 1888 году капитал, названный «мирликийским», был передан Императорскому Православному Палестинскому Обществу (далее — ИППО), взявшему опеку над русским паломничеством в зарубежные страны. После трагической гибели в 1905 году председателя ИППО великого князя Сергея Александровича, ктитора Мирликийской часовни, ее было решено переделать в церковь, что и было осуществлено скромными средствами в том же году²⁵.

Между тем в самих Мирах дело зашло в тупик²⁶. В 1891 году турки постановили: русские земли в Малой Азии «считать потерявшими своих владельцев», т. к. они «не обрабатывались русскими» и якобы имели стратегическое значение, а затем перепродали земли своим греческим подданным. В 1910 году посол при Османской Порте Н. В. Чарыков сообщил в ИППО о «безнадежности в мирликийском вопросе» и дипломатично предложил переименовать его в «барградский». По мысли Чарыкова, русская церковь в Италии «громко свидетельствовала бы о высоком благочестии Русской Православной Церкви перед лицом католического мира». Идею посла одобрила великая княгиня Елизавета Федоровна, ставшая после смерти своего супруга — великого князя Сергея Александровича — председателем ИППО. Были приняты соответствующие резолюции, и собранный к тому времени «мирликийский» капитал (246 562 руб.) переименовали в «барградский».

12 мая 1911 года в рамках ИППО был учрежден Барградский комитет под высочайшим покровительством императора Николая II, внесшего 10 000 рублей. Комитет, возглавленный знатоком древнерусского искусства князем А. А. Ширинским-Шихматовым²⁷, разместился в Петербурге, на Вознесенском проспекте, 36. Задачей комитета стало сооружение итальянского подворья со странноприимницей для русских паломников и с церковью, достойно выражающей православное искусство.

Средства для подворья собирала вся Россия: помимо всех доходов Николо-Александровского храма на Песках (решением Синода от 29 ноября 1911 года и ему было присвоено наименование «Барградский»), по высочайшему повелению дважды в год, на «Николу-вешнего» и «Николу-зимнего», во всех российских церквях устраивался тарелочный сбор для строительства в Барграде.

Комитет, наученный горьким опытом в Турции, в Италии вел себя осторожно: посланник ИППО протоиерей Иоанн Восторгов²⁸ приехал в Апулию в обстановке почти секретной — опасались противодействия как местной администрации, так и католического духовенства. 20 января 1911 года о. Иоанн послал в комитет телеграмму об успешной покупке земли. По возвращении в Россию он, отчитываясь в ИППО о своей поездке, закончил речь словами: «Да вознесется на дальнем иноверном Западе православный храм с сияющими крестами и куполами!»²⁹.

Весной того же года в Бари прибыл деятельный член комитета князь Н. Д. Жевахов³⁰ и видный архитектор В. А. Покровский. Он произвел экспертизу участка и одобрил место предполагаемого строительства (12 000 кв. м, на via Carbonara, совр. Corso Benedetto Croce, 130).

Возможно, Покровский был одним из кандидатов в авторы проекта подворья. Вероятно, предлагал свое участие и М. Т. Преображенский, к тому времени уже возводивший в Италии и в других европейских странах церкви в «русском стиле». Однако заказ получил А. В. Щусев, протекцию которому составила, скорее всего, председательница ИППО Елизавета Федоровна, для которой зодчий строил в 1908–1912 годах Марфо-Мариинскую обитель под Москвой. В личном архиве Щусева³¹ сохранилось большое количество эскизов, вариантов разработок интерьеров, рабочих чертежей подворья, датированных 1912–1914 годами³².

В этот же период комитет выделил 28 000 рублей на строительство новой «Барградской» церкви в Петербурге взамен прежней переделанной часовни. Составление проекта было поручено С. С. Кричинскому. Храм был заложен 8 сентября 1913 года и освящен 15 декабря 1915³³.

«Барградские» храмы в Италии и России строились одновременно. Они похожи друг на друга, как братья-близнецы: квадратные в плане, с двухскатными кровлями, одноглавые, с куполами в форме ратного шелома, со звонницами над западными стенами. «Идеологом» построек, предложившим «стиль» в духе псковско-новгородской средневековой культовой архитектуры, был князь Ширинский-Шихматов; он же собрал древние иконы для иконостасов обеих церквей (в Бари не были отправлены из-за начавшейся войны). Председатель комитета лелеял идею создания в Бари, в помещениях подворья, первого в истории зарубежного музея русской старины. Предполагалось экспонировать древние иконы, редкие издания, фотографии всех Никольских церквей в России, а также поручить К. С. Петрову-Водкину проект убранства.

В октябре 1911 года ИППО испросило у итальянского правительства официальное разрешение на приобретение в Бари земельного участка, уже купленного на имя частного лица. Разрешение было получено по Королевскому декрету от 4 января 1912 года (по европейскому календарю). Законченный Щусевым общий проект подворья был одобрен Николаем II 30 мая 1912 года со сметой в 414 068 рублей. Помимо храма вместимостью в 200 человек, в составе подворья был спроектирован странноприимный дом с тремя комнатами первого разряда, четырнадцатью — второго, трапезной, умывальней, палатой для больных паломников, прачечной, баней. В марте 1913 года в Бари была командирована от ИППО наблюдательно-строительная комиссия, в которую вошли: настоятель будущей церкви о. Николай Федотов, производитель работ архитектор Вс. А. Субботин³⁴, псаломщик

К. Н. Фаминский и смотритель работ И. Д. Никольский. Комиссию возглавил священник римской посольской церкви о. Христофор Флеров, постоянно живший в Италии.

Светские власти Барграда приветствовали русскую инициативу: 22 мая (день перенесения мощей) 1913 года, когда состоялась торжественная закладка подворья, на строительный участок, украшенный государственными флагами России и Италии, прибыли городской глава Бари и президент провинции Апулии (католическое духовенство в церемонии закладки участия не приняло). В фундамент церкви были заложены грамоты на русском и итальянском языках и серебряные рубли; на церемонии читались речи. Пришли телеграммы от царя («искренне благодарю, желаю успешного окончания постройки храма»), от Елизаветы Федоровны («соединяюсь в молитвах с вами в этот торжественный день основания нашего храма и дома для паломников»), от Щусева («поздравляю с закладкой, желаю успеха святому делу»).

Земляные и каменные работы вел местный инженер Н. Рикко под надзором Субботина, плотники — Д. Камышев. На участке был быстро построен временный дом со звонницей и с верхним помещением для временной церкви, которую освятили уже 24 декабря 1913. На церемонии освящения о. Николай Федотов провозгласил начало возрождения православия в Апулии. К марту 1914 года подворье было подведено под крышу. Весной о. Николай был отозван в Россию, на его место прибыл о. Василий Кулаков³⁵.

Летом 1914 года подворье открыло временный приют для паломников на 20–30 человек, с «настоящим русским самоваром, что особенно ценно на далекой чужбине». Однако своему назначению оно служило считанные дни. В августе того же года странноприимница превратилась в беженский пункт: русские путешественники по Италии не смогли вернуться домой обычным путем через Германию и ждали отправки в Россию морем (скопилось около 200 человек).

Невзирая на войну, работы продолжались и к январю 1915 года были вчерне завершены. Барградский комитет в Петрограде собрал утварь и иконы, которые должны были быть доставлены «тотчас по окончании войны». После того, как 24 (11) мая Италия вступила в войну, объявив себя союзницей России, Барградский комитет поставил предоставить свое подворье итальянскому Красному Кресту.

В 1917 году закончился петербургский период в истории подворья и начался эмигрантский. Революция и гражданская война в России поставили его в тяжелые условия. Местной общины в Бари, в отличие от Рима, Флоренции и Сан-Ремо, никогда не существовало, и поток пилигримов прервался. Незаконченной постройкой на рубеже 1910–

1920-х годов заведовали диакон Владимир Каменский и эконом А. Алексеев. В 1922 году в Бари поселился бежавший из России князь Жевахов, на правах члена Барградского комитета объявивший себя «заведующим подворьем». Он отстранил от управления о. Каменского и Алексеева как якобы самозванцев и призвал их в городской суд, требуя официального изгнания с подворья³⁶. Барийский суд удовлетворил требования князя.

В 1926 году положение осложнилось. Права на подворье предъявило Русское Палестинское общество (далее — РПО), образовавшееся в Ленинграде. В лице своего поверенного, профессора С. Членова, РПО представилось правопреемником ИППО, являясь якобы ему тождественным, лишь сократившим цели, «т. к. цели религиозные и благотворительные отменены, но остались цели культурные». Тогда же советское правительство выдало удостоверение о тождественности РПО и ИППО. С этим, конечно, не соглашался Жевахов, утверждавший, что ИППО «продолжает существовать в беженском состоянии».

Начавшееся судебное разбирательство получило неожиданный поворот, когда к домогательствам РПО присоединились отстраненные Жеваховым о. Каменский и Алексеев. Барийский суд в 1930 году отверг требования истцов, которые подали апелляцию в Королевский суд в Риме. В 1936 году этот суд неожиданно для белоэмигрантов удовлетворил все претензии советской стороны. Князю Жевахову суд приказал дать отчет за 14 лет управления подворьем, сдать его в РПО, заплатить издержки, расходы, гонорары. Возможно, что на такое решение повлиял итало-советский торговый договор, заключенный в 1934 году, и временное потепление в отношениях этих стран. Жевахову пришлось бежать из Бари.

РПО не воспользовалось приобретенным имуществом: советское правительство передало подворье одному своему кредитору-итальянцу, который продал все, включая храм, муниципалитету Барграда. Городские власти пообещали, однако, сохранить православные богослужения и даже выделять средства на содержание русского священника, а странноприимцу стали использовать для городских нужд как приют, а затем как богадельню³⁷.

Внутренняя отделка двухэтажной церкви в Бари (нижний храм посвящен Св. Спиридону) осталась незавершенной. В начале 1950-х годов парижские художники, супруги Альб. А. Бенуа и М. А. Новинская, написали для верхнего храма иконостас, после чего в престольный праздник подворья 22 мая 1955 года верхняя церковь была, наконец, освящена³⁸.

В последнее время интерес к Барградскому храму оживился в связи с тем, что российское правительство объявило о намерении вернуть свою зарубежную собственность³⁹. Постоянно растет поток паломников в Италию из России, однако они отторгнуты от странноприимного дома, некогда для них построенного.

¹ О паломничестве на православный Восток см.: Русские путешественники по греческому миру (XII — первая половина XIX в.). Каталог выставки. М., 1995.

² См., например: *Муравьев А. Н.* Прибавление к Римским письмам. СПб., 1847.

³ См.: *Мордвинов В. В.* Путеводитель православных поклонников по городу Риму и его окрестностям. СПб., 1887; *Святые места и святыни на Востоке, в Риме и на Западе.* Сост. П. Петрушевский. М., 1903. Т. 3; *Путеводитель по Святым местам Востока.* Руководство для русских паломников, отправляющихся в Иерусалим, на Афон, Синай, в Барград и Рим. СПб., 1910; *Спутник русского православного богомольца в Риме.* Сост. архимандрит Дионисий. Рим, 1912.

⁴ Византийский город Миры (совр. турецкий Демре) в Ликии (провинция Малой Азии); иногда титулование святого русифицируется как «мирлийский».

⁵ По существу — похищены: жители города Бари «вооружились, как бы на войну, и отправились в Миры <...>, принудив угрозой и силой церковных сторожей», забрали мощи (*Мордвинов В. В.* Воспоминания о Бар-граде. Из записок путешественника. СПб., 1874. С. 18).

⁶ См.: *Cioffari G.* La Leggenda di Kiev. Bari, 1980.

⁷ Праздник отмечен еще в месящесловие при Евангелии 1144 г. (*преосв. Макарий, еп. Винницкий.* История Русской Церкви. СПб., 1857. Т. 2. С. 191); полагают, что перенесение мощей праздновалось на Руси уже через несколько лет после самого события (*архимандрит Сергей.* Полный месящеслов Востока. М., 1879. Т. 2. С. 129). Выказывались и протесты против этого празднования (см.: *Радонежский А. А.* Град Барский и его святыня. СПб., 1895).

⁸ См.: Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. М., 1981. С. 489.

⁹ Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699. М., 1992. С. 120.

¹⁰ Журнал путешествия на остров Мальту боярина Б. П. Шереметева в 1697–1699 годах // Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными. СПб., 1871.

¹¹ *Костомаров Н. И.* Царевич Алексей Петрович // Собрание сочинений. СПб., 1904. Кн. 5. XIV. С. 670.

¹² Странствования Василия Григоровича Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1743 г. СПб., 1886. Ч. 1. С. 83.

¹³ См.: *Стасов В. В.* Русские путешественники из Сибири в Неаполь на тележке // Исторический вестник. Июнь. 1890.

¹⁴ См.: Путешествие архимандрита Иакова, настоятеля Кирилло-Новозерского монастыря в Барград на поклонение святым мощам Святителя Христова и Чудотворца Николая. СПб., 1889; Путешествие иркутянина в

- Барград для поклонения мощам Святителя Николая. СПб., 1861; *Мордвинов В. В.* Воспоминания о Бар-граде; Старый и Новый Рим. Льорето. Бар. Коломья, 1904; кн. *Жевахов Н. Д.* Бари. Путевые заметки. СПб., 1910; *протоиерей Иоанн Восторгов.* Барградская святыня. М., [1911] и др. См. также обзор русского паломничества в Бари: *Cioffari G.* Viaggiatori russi in Puglia dal 600 al primo 900. Bari, 1990.
- ¹⁵ *Мордвинов В. В.* Воспоминания о Бар-граде. С. 11.
- ¹⁶ *Кусмарцев П. И.* В землю завета вечного. Саратов, 1904. С. 23.
- ¹⁷ *Фоменко К. И.* Беседа в день Святителя Николая Мирликийского Чудотворца. Киев, 1901. С. 9.
- ¹⁸ *Дмитриевский А. А.* Православное русское паломничество на Запад (в Барград и Рим) и его насущные нужды. Киев, 1897. С. 37.
- ¹⁹ Путеводитель по Святым местам Востока. С. 109.
- ²⁰ В 1890-х гг. был учрежден российский странноприимный дом им. Св. Станислава в Риме, в бывшей резиденции польских кардиналов; заведовал приютом иезуит, родом из Киева, иеромонах Иулиан (Остромов), что вызвало «соблазн» у богомольцев, вплоть «до соращения в униатство» (см.: *Известия ИППО.* 1912. Т. 23. С. 71); в настоящее время приют принадлежит Польской (Католической) Церкви.
- ²¹ Высказывались идеи перенесения в Бари русской церкви из Флоренции как пустующей и ненужной, что противоречило действительности, см.: *Радонежский А. А.* Указ. соч. С. 15. Автор мечтал: «О, если бы Великий Угодник почивал у нас в России, среди родной семьи православного народа!» (*Радонежский А. А.* Град Барский // Прибавление к Церковным ведомостям. 48. 1895. С. 1722).
- ²² *Муравьев А. Н.* Мирликийская церковь и гробница Святителя Николая Чудотворца. М., 1850. С. 13. Писатель имел в виду Ново-Сионский монастырь у гробницы Св. Николая. Некоторые западные агиологи полагают, что Житие Св. Николая — результат слияния агиографий двух Николаев: епископа Мир (III–IV вв.) и архимандрита Ново-Сионского монастыря (VI в.), см.: *Anrich G.* Agios Nikolaos. Leipzig–Berlin, 1913–1917. Т. 1, 2.
- ²³ *Муравьев А. Н.* Указ. соч. С. 9. Самому Муравьеву во время итальянского путешествия из-за бюрократических затруднений не удалось побывать в Бари, который, заметим, находился в Апулии, а не в Калабрии.
- ²⁴ См.: *Χρυσόστομος Καραΐτης Ν.* Μονὴ Νέας Σιώνης καὶ οἱ βλῆτες τῶν Ρώσων (*Хризостом Калаитис.* Ново-Сионский монастырь в Мирах Ликийских и притязания русских. Катерины). 1991.
- ²⁵ О т. н. «Мирликийском», позднее «Барградском» храме см.: Краткое описание Бар-градского Николо-Александровского храма в Петрограде. Пг., 1916; Освящение Бар-градского храма в Петрограде. Пг., 1917.
- ²⁶ Ниже история строительства русского подворья в Бари до 1917 г. излагается по: РГИА. Ф. 797. Отд. 2. Ст. 3. Оп. 81; Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1911–1915. Т. 22–26; Прибавления к Церковным ведомостям. 30. 1911. С. 1316–1320; 31. 1911. С. 1357–1364; 32. 1911. С. 1394–1397; 34. 1911. С. 1455–1458; 49. 1911. С. 2141–2146; Святая Русь и Италия у мироточивой гробницы Святителя Николая Мирликийского в Бар-граде. Сост. *А. Дмитриевский и В. Юшманов.* Пг., 1915.
- ²⁷ О нем и его роли в барградском строительстве см.: *Жевахов Н. Д.* Князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов. Новый Сад, 1934.
- ²⁸ Расстрелян в Москве в 1918 г.
- ²⁹ О. Иоанн расценил нахождение мощей Чудотворца в Италии как залог возможного соединения Церквей.
- ³⁰ О нем см.: *Стрижев А.* Князь Николай Давидович Жевахов (краткий биографический очерк) // Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахова. М., 1993. С. 328–331; *De Michelis C.* Il principe N. D. Zevahov // *Studi storici.* 4. 1996.
- ³¹ Хранится в Москве у потомков зодчего.
- ³² Часть чертежей хранится в НИМ РАХ и в Гос. музее истории религии. См. также публикации: От Александра Брюллова до Ивана Фомина. Каталог выставки. Сост. *В. Г. Лисовский.* Л., 1981. С. 82 (боковой фасад); *Афанасьев К. Н. А. В. Щусев.* М., 1978. С. 37 (общий вид).
- ³³ Взорван в 1932 г.
- ³⁴ Субботин в Италии проводил экспертизу проектов русской церкви в Риме.
- ³⁵ Умер в 1920 г., похоронен в Бари.
- ³⁶ История подворья в 1920–1930-х гг. прослежена по переписке кн. Жевахова, адвокатов и материалов трех судебных процессов, хранящихся в архиве княгини Абаменек-Лазаревой Сан-Донато (урожд. Демидовой Сан-Донато): *Archivio storico della Provincia di Firenze.* Fondo Demidoff. Ед. хр. 70, 71, 72, 75, 78, 93, 185, 296, 300, 391.
- ³⁷ См. письмо о. Иоанна Куракина к Митрополиту Евлогию от 30 октября 1938 г. Несистематизированный архив русской церкви в Мериано; муниципальное пособие выплывается по настоящее время, а нынешний ее настоятель иеромонах Исая (Павлович) — клирик Русской Зарубежной Церкви.
- ³⁸ О послевоенной истории подворья см.: *Пономарев Ф. И.* Храм в Бари. Несчастья православной русской церкви имени Св. Николая Чудотворца // *Русская мысль.* 3 июля 1964; *Миллер Л.* Бари // *Православная Русь.* 1974. № 17; 1976. № 7, 22.
- ³⁹ См.: *Vulpio C.* Eltsin reclama San Nicola. Bari replica: e da vedere // *Corriere della Sera.* 3 июля 1995; *Castellaneta D.* Ma la nostra chiesa non andrà ai russi // *La Repubblica.* 5 июля 1995. *Сипоткин В.* Рука Москвы // *Огонек.* 1995, ноябрь. № 47.

О. С. Хижняк

**Б. Б. Барайдин о Далай-ламе XIII Тубтене Гьяцо
(по материалам дневника путешествия 1905–1907 годов)¹**

Тибет, изолированный от внешнего мира вплоть до начала XX столетия, был вовлечен в мировую политику во время правления Далай-ламы XIII Тубтена Гьяцо* (1876–1933), после того как в 1904 году в Лхасу вошел английский военный отряд под командованием полковника Янгхазбенда. В это же время начались контакты Тибета с Россией².

Многие российские путешественники оставили свой воспоминания о встречах с духовным главой буддистов Тибета, Монголии, Бурятии, Калмыкии, Тувы. Среди них — П. К. Козлов, Г. Ц. Цыбиков, Ф. И. Щербатской³. Интересный материал о Далай-ламе XIII содержится на страницах неопубликованного дневника Б. Б. Барайдина, который по заданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии совершил в 1905–1907 годах путешествие по Халха-Монголии, Алашани и северо-восточной области Тибета — Амдо.

Бурятский ученый называл свое путешествие «научным паломничеством». Собирая сведения о культуре Монголии и Тибета, Барайдин, будучи последователем учения Будды, был счастлив встретиться с верховным иерархом Тибета и оставил о нем самые теплые воспоминания, полные благоговейного уважения, почитания, выражения готовности служить Далай-ламе.

Барайдин писал: «Путешествие совпало с интереснейшими событиями: Тибет в лице Далай-ламы XIII делал первые попытки сносить-

ся с внешним миром, выйти из вековой своей замкнутости. Далай-лама после вторжения в Тибет в 1904 г. англо-индийского отряда покинул свою столицу Лхасу и проживал у самого порога России в Урге, где всякий случайный европеец мог видеть его и куда стекались сотни тысяч богомольцев разноплеменной Азии, чтобы лицезреть своего живого бога и поклониться ему»⁴.

Первоначально Барайдин надеялся войти в состав свиты Далай-ламы и отправиться с ним в Центральный Тибет. Однако возвращение изгнанников затягивалось. Ожидая дальнейших указаний из Санкт-Петербурга, ученый провел в Монголии в монастыре Ван-курэн, давшем приют Далай-ламе, пять месяцев — с 15 октября 1905 года по 7 марта 1906. За это время он неоднократно встречался с верховным иерархом и его сподвижниками. Затем по распоряжению Русского комитета путешественник отправился в тибетский монастырь Лавран. По пути он останавливался в монастыре Кумбум, куда неоднократно приезжал Далай-лама, где Барайдин также видел его.

О своей первой встрече с Далай-ламой в Ван-курэне Барайдин записал в дневнике: «Был прекрасный теплый осенний день, и сегодня должно было свершиться одно из событий моей жизни — мне предстояло лицезреть Далай-ламу, представиться владыке Тибета»⁵. Надев праздничный национальный костюм, путешественник отправился ко двору. Поднеся хадак (церемониальный шарф) и получив благословение, Барайдин ответил на вопросы владыки. О себе путешественник рассказал, что обучался санскриту при «высшем Ханском училище в Петербурге» (т. е. в университете — О. Х.), что приехал поклониться главе Тибета и для разыскания санскритских памятников. Далай-лама спросил, имеет ли российский ученый еще какие-либо поручения. Ответив «нет», Барайдин почувствовал недоумение собеседника. Лишь позднее он узнал, что при дворе ожидали политического посланника из России.

Барайдин оставил описание жизни двора Далай-ламы в Ван-курэне. Глава Тибета вел себя просто в своей походной жизни, всегда выглядел веселым и бодрым во цвете своего тридцатилетнего возраста. Вставал он между пятью и шестью часами утра, до девятидесяти молился, затем пил тибетский чай (с маслом, молоком и поджаренной ячменной мукой), принимал приближенных с докладами. В полдень подавали рисовый суп с приправами. Послеобеденное время до пяти–шести часов он проводил у себя или обходил монастырь как обыкновенный богомолец. Это служило и прогулкой одновременно. Сопровождало его два–три человека, державшихся от него на почтительном расстоянии; низшая прислуга шла далеко впереди, преду-

* Написание собственных имен и географических названий приводится в соответствии с дневником Б. Б. Барайдина

преждая посторонних о необходимости расчистить дорогу, а также далеко зади. По этикету никто не должен был идти с ним рядом, поэтому при разговорах Далай-лама обращался то вперед, то назад.

Иногда Далай-лама посещал ученого старца Аграмба ламу — знатока санскрита и буддийской философии, при этом держал себя как обыкновенный гость, вел долгие беседы. Несколько раз заходил к князю, дававшему ему приют в Ван-курене вопреки нежеланию Богдо-гегена — главы буддистов Монголии; появлялся он всегда неожиданно, вызывая этим переполох в княжеской семье, не требовал по отношению к себе почестей, садился на обыкновенное сиденье, а не на приготовленное — роскошное.

После вечерней молитвы с семи часов он читал, ложился спать в двенадцать — час ночи, что возвещалось протяжным звуком бишкура (духового музыкального инструмента). Глава Тибета был строг к окружающим, провинившихся заставлял молиться часами под открытым небом около своего покоя, но был ласков, мил, весел в кругу ближайших лиц, которые перед посторонними выказывали по отношению к нему показное раболепие. Далай-лама любил ручной труд и имел в Лхасе наковальню и инструменты. Из Лхасы он бежал налегке, взяв из святынь только статую бодхисаттвы милосердия Авалоки-тешвары. Позднее была привезена масса тюков с походными вещами, тибетское сукно, книги, бурханы, курительные свечи — главным образом для подарков.

В Ван-курене проживало до 150 тибетцев, из них высшая свита составляла 30 человек, монахи — 50, остальные относились к низшей придворной прислуге, а некоторые выполняли лишь формальные обязанности при торжественных церемониях. Далай-лама XIII пользовался в народе популярностью за свои благие начинания, например, отмену смертной казни, преследование казнокрадов и взяточников и др.⁶

Барадийн сообщил народное поверье о том, как Далай-лама был найден чудесным образом. Когда умирал Государственный оракул, то он предсказал, что новый правитель Тибета отыщется в озере Мулздэнчи гьяцо в обители богини Лхамо. Туда послали комиссию, которая застала озеро покрытым льдом. По прошествии недели монахам было видение: бедное тибетское стойбище и домик, из которого через открытую дверь выходила женщина с мальчиком на руках. Видение быстро исчезло. Оно было нарисовано монахами на бумаге, и донесение отравили в Лхасу. Двое чиновников были командированы инкогнито в округ Лхока (в юго-восточном Тибете). С помощью рисунка они нашли стойбище, которое расположилось на границе Центрального Тибета и области Кам, где и был найден новый перерожденец Далай-лам⁷.

Народ считал Тубтена Гьяцо подлинным воплощением Далай-ламы Пятого Великого и верил, что при его правлении произойдет крупное событие для блага страны. «Но история судила нечто иное — вторжение неприятеля в страну и бегство популярного Далай-ламы из его столицы»⁸. Оценивая случившееся в Лхасе в 1904 году, Барадийн сделал вывод: «Эти события будут иметь поворотное значение в истории Тибета, <...> они дадут толчок будущему приобщению Тибета ко всему миру. Со времени англо-русского договора, гарантирующего неприкосновенность Тибета <...>, Далай-лама должен вести свой даровитый народ к семье культурных народов»⁹.

Барадийн собрал устные сведения о бегстве Далай-ламы из Лхасы. По одной версии он покинул столицу неожиданно, так как не знал о приближении англичан заранее. По другой — глава Тибета готовился к отбытию загодя, покупал коней, готовил походные вещи. В момент, когда английский отряд уже был виден из Лхасы, он обвинил противоборствующую партию в измене, сказав, что его хотят выдать англичанам, поскольку его не предупредили об их приближении.

Первыми покинули Лхасу Далай-лама, его ближайший советник Агван Доржиев, Эмчи-лама (врач) и еще несколько человек. По дороге к ним присоединился небольшой отряд сторонников. По пути беглецы посетили монастырь нингмапинской школы¹⁰ Даглун гомба близ Лхасы, где по их просьбе им гадал Даглунма ринпоче, считавшийся воплощением самого Падмасамбхавы. Лама умолял главу Тибета вернуться, не советовал ему ехать в Монголию к границе России. Однако Далай-лама был тверд в своем решении, ссылаясь на предсказание Будды о том, что Учение распространится на Север. Когда ринпоче против своей воли стал гадать, то в четыре угла его дома ударила молния, после чего он отказался продолжать, заявив о преданности чойкьонов (хранителей Учения) англичанам¹¹.

Около Нагчу беглецов обогнала депутация из Лхасы с отрядом войск, пытавшаяся уговорить их вернуться, но когда Далай-лама отказался, силу применить не посмели. Далее ехали свободно. Хотя монахи Кумбума готовились к встрече Далай-ламы, в этом монастыре не остановились. За это кумбумские монахи проклинали «воплощение злого духа» при Далай-ламе — Агвана Доржиева, так как он овладел душой Далай-ламы и ведет его в руки своих «варваров оро-сов»¹². В Урге глава буддистов Монголии оказал тибетскому иерарху весьма прохладную встречу, «что в конце концов превратилось в открыто недоброжелательное отношение» между ними¹³.

Барадийн записал рассказы участников совершившихся событий. Вырисовывалась следующая картина. При приближении англичан к

Лхасе тибетское правительство было в большой растерянности. Был возбужден вопрос о привлечении лам всех трех монастырей Лхасы к оружию для защиты столицы, что составило бы до двадцати тысяч ламского войска. Однако от этого плана отказались, и англичане вступили в Лхасу без всяких препятствий. Большинство жителей покинули город, в нем остались только смельчаки и бедняки, и те, «кто пожелал умереть с честью за веру и отечество». Тибетское правительство выпустило указ не трогать «пилинов» (англичан), и они свободно гуляли по городу и монастырю Брайбун.

Среди монахов все же нашлись такие, кто самовольно начал действовать против англичан. Солдаты ушли в лагерь и продемонстрировали орудия, направленные на монастырь Брайбун. К ним отправилась делегация во главе с настоятелем монастыря. В результате переговоров дело ограничилось раскатом пушечного выстрела над Брайбуном. Произошел еще один неприятный эпизод: некий монах, поклявшийся убить начальника английского отряда, смертельно ранил кинжалом по ошибке какого-то безобидного доктора. Англичане расправились с ним на месте преступления, а в памяти тибетцев он возвысился до уровня народного героя¹⁴.

По отзывам очевидцев, англичане вели себя в Лхасе очень деликатно, даже не заходили в храмы. Тибетцы объясняли это тем, что чойкьоны (хранители веры) не допустили их туда. Позднее Барадийн прочел в отчете Лондонского географического общества о том, что полковник Янгхазбенд был удивлен, когда ему предложили осмотреть святыни Лхасы, ведь англичане привыкли к тому, что индуистские храмы закрыты для иноверцев. Ученый объясняет действия тибетцев своеобразной магией: они надеялись, что пребывание в храме благотворно повлияет на дальнейшее поведение солдат в городе.

Барадийн проанализировал отношения двух «партий», образовавшихся среди окружения Далай-ламы в связи с произошедшими событиями. Партия Далай-ламы, связывавшая ожидания освобождения Тибета с Россией, была немногочисленна. Пророссийские настроения Далай-ламы сформировались под влиянием его бывшего духовника Чамба ринпоче, предшественника нынешнего Государственного оракула. Эти настроения поддерживал бурят Агван Доржиев, бывший одним из учителей Далай-ламы XIII и оставшийся его советником.

«Тяготение нынешнего Далай-ламы и его партии к России имеет скорее исключительный характер, чем явление, имеющее более глубокое историческое обоснование», — писал Барадийн. По его словам, тибетский народ не имел никакого понятия ни о Европе, ни о России, «кроме дикого суеверного представления о европейцах вообще как

о неведомых варварах с того света». «Даже в среде высшего класса до сих пор не могут различить, кто такие русские, англичане и прочие», — заметил ученый. В своей ориентации на Россию Далай-лама мог ссылаться только на пророчество Будды Шакьямуни о том, что его религия будет распространяться на Север¹⁵.

Более многочисленная партия сановников из окружения Далай-ламы была настроена на завоевание покровительства пекинского двора и заключение компромисса с англичанами. В этой группировке оказался и Государственный оракул — чойкьончемо, имевший огромное влияние на всю общественную жизнь Тибета. Барадийн пояснил, что божества чойкьоны (санскр. дхармапалы) делятся на две группы — индийского и тибетского происхождения. Последние занимают более низкое положение. Они могут нисходить на человека и прорицать через его уста. Такой человек, способный воспринять божеский дух, называется куртеном (от тиб. ску ртен — телесная опора). В Тибете, Монголии и отчасти у бурят таких людей много.

Нынешний Государственный оракул был выдвинут самим Далай-ламой после смерти предыдущего, который был сторонником развития отношений с Россией. Однако новый оракул не оправдал ожиданий главы Тибета. Во время нисхождения на него божеского духа он молчал, не отвечал на заданные вопросы. Когда в 1904 году вторглись англичане, Далай-лама в гневе на своего оракула за его безучастное отношение стал бить его кнутом и заставил говорить. Но тот сказал, что все потеряно, не может быть никакого спасения от англичан. После этого стали говорить, что на него нисходит не божеский дух, а злой. Оракул более не пользовался доверием Далай-ламы, но с ним приходилось считаться.

Во время пребывания Далай-ламы в Ван-хурене Государственный оракул прибыл туда с небольшой свитой в двадцать человек. Когда Далай-лама отправился в Кумбум и далее в Утайшань, то часть своей свиты он отправил домой, а именно тех, кто не поддерживал его партию. В числе опальных оказался Найчун-чойкген, с которого Далай-лама сложил даже его обязанность Государственного оракула Тибета, запретив ему навсегда входить в состояние оракула-прорицателя. «Так что теперь Далай-лама живет в Утайшане лишь с небольшой свитой, состоящей из его лейб-медика, секретаря, Дулва-камбо и др.», — заключил Барадийн. Далай-ламу сопровождали ученые во главе с Хуари Рабсалом. Далай-лама слушал их диспуты, иногда участвовал в них сам. Среди прочих монахов диспута с самим главой Тибета и его личного одобрения удостоился бурятский ученый лама Зарбайн¹⁶.

Непростые отношения сложились у Далай-ламы с Панчен-ламой, вторым духовным лицом Тибета, на которого после отъезда Далай-ламы из страны правительство Британской Индии сделало ставку. Панчен-лама отправил письмо, в котором уверял Далай-ламу в своей преданности. Однако посещение Панченом Индии встревожило Далай-ламу, и он обратился к гаданию.

Барайдин писал, что «гадания в жизни тибетцев, монголов, бурят имеют такое же важное значение, как и веления разума для европейца». Далай-лама замкнулся на некоторое время в религиозном сосредоточении и гадал. «Вот результат его ворожбы, — отметил ученый, — не произошло никаких перемен в убеждении Панчена в результате его поездки; более продолжительное пребывание Далай-ламы в Монголии не повредит делу и не следует торопиться с возвращением в Тибет; оставить мысль о командировании людей в европейские государства для обращения за помощью к третьей стороне, так как это не принесет пользы; не прерывать отношений с Россией — хотя она не может помочь сейчас, но поможет в будущем; нужно сделать настояние богдо-хану, чтобы он ответил на его последнее письмо, в котором Далай-лама упрекал его в безучастности к тибетскому вопросу»¹⁷. Далай-лама оповестил своих советников о результатах своего гадания, был информирован и Барайдин.

Одной из важнейших тем, которой касался российский ученый в беседах с Далай-ламой, была реформа буддийской церкви. Со своим родственником Дылыковым, проживавшим в Ван-курене и входившим в свиту Далай-ламы, он подготовил докладную записку о созыве буддийского вселенского собора, составив ее на тибетском языке. В ней предлагалось созвать представителей всех существовавших направлений и школ с приглашением европейских ученых для обсуждения современного состояния буддизма на земном шаре. Этим было бы положено начало обмену мыслями всех буддистов, находившихся в географическом разобщении. Такой собор несомненно заинтересовал бы весь политический и ученый мир. Далай-лама часто сам говорил о необходимости реформ монашеского строя, «недостатки которого стали ясно осознавать как сам Далай-лама, так и все сознательные элементы из самих буддистов Тибета, Монголии и Бурятии»¹⁸.

Необходимость реформы монашеского строя была вызвана многочисленными отступлениями от Винаи — правил монашеского общежития, составленных, как считается, самим Буддой. Дневник путешествия наполнен множеством негативных фактов: пьянство, женщины в монастырях, педерастия, рост личного богатства, добываемого любыми путями, невыполнение монастырских обязанностей и т. д.

Во время пребывания в монастыре Кумбум Далай-лама решил навести там порядок. «Для этого он потребовал себе монашеский устав, составленный Далай-ламой Пятым Великим, и объявил всему монастырю свое повеление через главного монастырского надзирателя, что согласно сему уставу в монастыре должна царствовать нравственная чистота, строгая монашеская дисциплина, что поэтому, кто на своей совести имеет слабости, недостатки, то пусть же от мала (простые монахи) до велика (гегены) немедленно покидают монастырь». Многие действительно ушли из монастыря, в том числе Аггяхутухта, и разъехались в свои собственные монастыри или в родные края¹⁹.

По этому поводу Барайдин заметил: «Нужен общий культурный подъем, коренная реформа во всем буддийском духовенстве Тибета, Монголии и у бурят. Отдельные меры Далай-ламы и его сподвижников не помогут, они не могут поднять руки на самих себя — на клерикальный строй духовенства, покровителем и ревнителем которого является сам Далай-лама. Возрождение буддизма не может быть там, где буддийские монахи против заветов Будды по-прежнему будут пользоваться частной собственностью; где будет класс гегемонов — своеобразных помещиков с их пасомыми рабами и владениями и, наконец, где духовенство видит свою опору в народном суеверии да в снискивании себе со стороны силы и власти»²⁰.

Барайдин был настроен резко против частной собственности монахов и института перерожденцев, закреплявших эту собственность. В этом он нашел себе союзника в лице тибетского ученого Хуари Рабсала, считавшего, что институт перерожденцев, возникший в Тибете и отсутствовавший в Индии и Китае, свидетельствовал об упадке религии.

Путешественник много писал о чудовищной бедности простого народа. В связи с этим он коснулся и вопроса о расходах, которые понесли жители Монголии и Тибета в связи с переездами двора Далай-ламы. По свидетельству бурятских лам из свиты, «как пребывание Далай-ламы в Западной Халхе, так и его путь до Кумбума отличались пышностью и торжественностью, и стоило это все населению страшно больших хлопот. К тому же дворцовая челядь Далай-ламы при сношении с местными жителями вела себя чрезвычайно необузданно, нахально. Несмотря на это религиозно настроенный народ терпеливо переносил все обиды со стороны тибетцев»²¹.

Прихоти тибетцев обычно проявлялись по разным мелочам: плохой конь и юрта, не хватает топлива и т. п. Во время одного ночлега несколько тибетцев разломали арбу монгола на дрова; один тибетец ранил ножом монгола. Барайдин поставил вопрос: «Как смотрит

сам Далай-лама на поведение своих слуг? Ведь он не мог не знать об этом» — и ответил: «Халхасцы весьма религиозный, темный народ, который благодаря вековым внушениям, нужным для его огромного клерикального духовенства, дошел ныне до полной потери своего самосознания... Поэтому и ясно, что суеверные халхасцы рассуждали: раз сам Далай-лама святой бурхан, то и слуги его не простые смертные; если мы видим их такими безобразными, то в этом всецело виноваты мы сами, подверженные неведению <...>. Исключением из этой общей картины мрачного суеверия халхасцев могут встречаться среди них лишь одинокие герои здравого рассудка <...>. Что же касается самого Далай-ламы, то ему приходится закрывать на это глаза <...>»²².

Барадийн застал Кумбум, когда там наблюдался тихий ропот против тяжело ложившегося на кумбумцев присутствия Далай-ламы. «Даже самый старший в Кумбуме геген Ангя хутухта не считал нужным представиться Далай-ламе, ведя, подобно ургинскому хутухте, обратную жизнь в своем особняке... Действительно, здешним гегенам приходится терпеть от самоволия слуг Далай-ламы. Многим из них пришлось уступить слугам Далай-ламы не только свои дворы со всей обстановкой, но даже <...> мальчиков, и тех пришлось уступить воле тибетцев, имевших слабость к пороку. <...> Тибетцы в Кумбуме держали себя покровительственно надменно <...> по всему было видно, что они намного успели разбогатеть с тех пор, как я расстался с ними в прошлом году в Халхе»²³.

Барадийн описал целый ряд религиозных церемоний, проведенных Далай-ламой в Ван-курне. Так, он присутствовал во время торжественного посвящения народа в «правило возрождения в себе святой мысли боди»²⁴, в «искусство продления жизни»²⁵, освящения Далай-ламой мраморного субургана недалеко от монастыря Ван-курне²⁶, празднования Нового года в Кумбуме с участием духовного владыки Тибета²⁷, на церемониях представления Далай-ламе в Монголии и Кумбуме²⁸. Во всех случаях его поразила царственная гордость Далай-ламы во время выхода к народу, притом, что в повседневной жизни он был весьма прост, пышность богослужений и фанатичная преданность и вера народа в своего живого бога. Где бы ни находился Далай-лама, к нему отовсюду слали делегации с приглашением прибыть в ту или иную местность. В Монголии пребывание Далай-ламы послужило дополнительным стимулом к росту национально-освободительного движения за независимость от маньчжурского господства. С именем Далай-ламы тибетский народ связывал свои надежды на улучшение жизни.

Беседуя с приближенными Далай-ламы, Барадийн неоднократно возвращался к теме вхождения Тибета в сферу мировой политики и культуры. По просьбе Эмчи-ламы он составил доклад о формах политического устройства государств Европы. Эмчи выразил уверенность, что когда Далай-лама возьмет власть в Тибете в свои руки, то там будет установлен конституционный порядок и для народа настанут времена благоденствия. Он высказал мнение, что «Тибету необходимо светское образование по образцу европейцев, нужно отправить молодых людей в иноземные царства и что во всем этом убедился сам Далай-лама». Барадийн «подкрепил его слова тем, что, хотя у тибетцев есть духовная культура, но не достает мирской культуры, от которой зависит вся будущность Тибета, без этого малые государства будут предметом простой торговли для больших государств». Эмчи-лама обещал передать эти слова владыке Тибета²⁹.

Последняя встреча российского путешественника с Далай-ламой состоялась в Кумбуме. Он подробно описал каждое ее мгновение. Барадийн привели в приемную заранее, и в ожидании церемонии он позволил себе посмотреть в окно, во двор, где верховой иерарх благословлял народ (по этикету запрещалось смотреть на Далай-ламу сверху вниз). Далай-лама в монашеском одеянии, держа в руках камышовую палочку с кисточкой из разноцветных шелковых лоскутков, беспрерывно ударял по макушкам подходивших людей. Рядом стояли сановники, принимавшие хадаки. Прислужники нагайками раздавали удары направо и налево, чтобы толпа не напирала, а соблюдала порядок. Люди находились в таком экстазе, что перед живым оком божества-человека не чувствовали ударов.

В Красном зале, где должен был проходить прием, у северной стены, в середине, находился небольшой трон, закутанный шелком. Стены были завешаны танками из серии «Житие Цзонхавы». Вскоре торопливо сняли шелковое покрывало с трона. Здесь должны были благословлять тех, кто получил аудиенцию, поднеся по восемь лан серебра. Если благословение толпы во дворе называлось «благословение мыслью и словом», то здесь должно было состояться полное благословение — мыслью, словом и телом — приложением руки Его Святейшества к макушке головы верующего. Смысл такого благословения заключался в том, что Далай-лама в этот момент олицетворял самого Будду с его тройственным бытием — телом, речью, мыслью.

Перед приходом Далай-ламы все вышли из зала, и, когда вернулись, глава Тибета уже восседал на троне. Барадийн представлялся первым. Он положил на хадак сборник «300 бурханов»³⁰, изданный Императорской академией наук, и золотое кольцо. Поднеся дары и

поклонившись, ученый получил рукоположение на голову. Один из приближенных надел на его шею красный шелковый шнурок — знак получения благословения. Барайдин отступил от трона, поклонился, Далай-лама кивнул головой, улыбнулся, и путешественник с грустью подумал, что, может быть, прощается с ним навеки³¹.

Материал, собранный Барайдином в Монголии и Тибете, имеет огромную ценность для науки. Он включает в себя сведения по этнографии, традиционной культуре, религии монголов и тибетцев, описание их святынь, храмов, религиозных служб. Значительную долю дневниковых записей составляет информация о Далай-ламе XIII Тубтене Гьяцо, собранная у его ближайших сподвижников, а также личные впечатления от встреч с духовным главой буддистов обозначенного региона.

Дневник Барайдина пролежал в архиве уже более восьмидесяти лет. Думается, что он должен быть опубликован как памятник истории науки и самоотверженного служения бурятского ученого России и родному народу.

- ¹ Барайдин Б. Б. Амдо-Монголия. Дневник путешествия буддийского паломника-бурята по Халха-Монголии, Алашани и Северо-Восточной окраине Тибета — Амдо. 1905–1907 годы. Архив СПб ФИВ РАН. Ф. 87. Оп. 1. Ед. хр. 1, 2. (Далее: Дневник). По результатам своего путешествия ученый опубликовал ряд небольших по объему работ. См.: Барайдин Б. Б. Путешествие в Лавран. СПб., 1908.; он же. Заметка о путешествии 1905–1907 гг. в северо-восточную окраину Тибета // Живая старина. 1908. Вып. 1; он же. Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране. Л., 1924; он же. Цам Миларайбы (из жизни в Лавране). СПб., 1909. Труды Барайдина в отечественной литературе нашли освещение в следующих публикациях: Савицкий Л. С. Б. Барайдин // Бюллетень АВЛО АН СССР. 1963. Вып. 3; Ким И. Бурятская поэзия 20-х годов. Улан-Удэ, 1968; Азиатский музей. Л., 1972. С. 155–158; Дугаров Р. Н. Путешественник Б. Б. Барайдин как этнограф // Всесоюзная научная конференция «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний». Тезисы докладов. Омск, 1987. С. 113–115; Хижняк О. С. Путевые заметки Б. Б. Барайдина о Монголии // «Петербургские путешествия». Сборник материалов конференции. СПб., 1995. С. 32–41.
- ² Об отношениях России и Тибета в этот период см.: Белов Е. А. Тибетская политика России (1900–1904) // Восток. 1994. № 3. С. 99–109; Кулешов Н. С. Россия и Тибет в начале XX века. М., 1992.
- ³ Козлов П. К. Тибет и Далай-лама. Пг, 1920; Цыбилов Г. Ц. Избранные труды. Новосибирск, 1981. Т. I; Щербатской Ф. И. Краткий отчет о поездке в Ургу // Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1906. № 6; то же // Восток-Запад. Исследования, переводы, публикации. М., 1980. С. 250–254.

⁴ Дневник. Ч. I. С. 2.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Дневник. Ч. I. С. 161–166.

⁷ Там же. С. 170–173.

⁸ Там же. С. 173.

⁹ Там же.

¹⁰ Тибетский буддизм делится на ряд созданных в разное время школ, которые опираются на различные религиозные практики. Ниингмапа (тиб. старая школа) была основана в VIII веке индийским проповедником Падмасамбхавой.

¹¹ Дневник. Там же. С. 174–176.

¹² Там же. С. 177.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 177–179.

¹⁵ Там же. С. 180.

¹⁶ Дневник. Ч. II. С. 119.

¹⁷ Дневник. Ч. I. С. 130.

¹⁸ Там же. С. 125.

¹⁹ Там же. Ч. II. С. 66.

²⁰ Там же. Ч. II. С. 72–73.

²¹ Там же. Ч. I. С. 57–58.

²² Там же. С. 59–61.

²³ Там же. Ч. II. С. 65–66.

²⁴ Там же. Ч. I. С. 60–61.

²⁵ Там же. С. 70–71.

²⁶ Там же. С. 72–73.

²⁷ Там же. Ч. II. С. 49–56.

²⁸ Там же. Ч. I. С. 48–57; Ч. II. С. 95–101.

²⁹ Там же. Ч. I. С. 153.

³⁰ Ольденбург С. Ф. Сборник изображений 300 бурханов. СПб., 1903. Ч. 1, 2.

³¹ Дневник. Ч. II. С. 95–101.

Н. С. Новотельнова

Афганистан и Индия глазами миколога-фитопатолога¹

«Индийский вопрос» возник в моей жизни в связи с изучением опасной болезни пшеницы — «индийской» головни, вызываемой грибом *Neovossia indica* (Mitra) Mundkur. Скудость литературных источников и отсутствие соответствующих гербарных образцов побудили меня заинтересоваться зарубежными путевками, присланными в те дни в ВИЗР.

Поездка в далекую Индию казалась мне несбыточной мечтой. Интересен был и Афганистан, куда не раз стремился попасть Н. И. Вавилов для подтверждения разработанной им теории центров происхождения культурных растений. Не размышляя о трудностях путешествия и стоимости путевки, я подала заявку на поездку.

13 февраля 1957 года в составе группы ленинградцев я отправилась в туристическое путешествие по Индии. Основными пунктами следования были Термез, Кабул, Амритсар, Дели. Затем предстояло увидеть Агру, Бенарес и Бомбей.

14 февраля, в три часа утра, когда мы вылетели из Москвы на самолете Ту-104, нас провожали мороз, снег и холодный ветер, а в семь часов утра мы проснулись уже в Ташкенте, где нас встретило яркое солнце и зеленая трава на газонах аэродрома. От Ташкента до Термеза летели 1 час 50 минут. Далее предстоял перелет через Гиндукуш на высоте 5 200 метров. Все опрокинули кресла, приняв наиболее удобное положение. Кровь прилила к коже, дыхание затруднилось, пассажиры надели кислородные маски. Через какое-то время стрелка манометра начала падать вниз, все сняли маски и оживились. Самолет опускался все ниже, отроги гор становились более отлогими, появились селения.

© Н. С. Новотельнова

Вот, наконец, Кабул — столица Афганистана. Первое, что поразило после посадки, необычный вид рабочих аэродрома, одетых в длинные рубахи, узкие штаны, болтавшиеся на голых черных ногах, обутых в галоши или босоножки на толстой резине. На головах у рабочих были чалмы. Чиновники же были одеты в пальто европейского типа песочного цвета. Надо сказать, что этот цвет преобладал как в кабульском ландшафте, так и в одежде местных жителей.

Нас разместили в гостинице, пребывание в которой в зимнюю пору не доставило особого удовольствия. В комнатах веяло холодом и сыростью. Хотя на каменных полах и лежали хорошие ковры, они, к сожалению, не грели. В середине комнат, на железных листах, стояли печки-временки с трубами, протянувшимися через комнаты к отверстиям в стенах. Такие трубы, выходявшие на улицы прямо из окон и стен домов, мы увидели потом и во многих других местах Кабула.

Прислуга была исключительно мужской. По-русски никто не говорил, но немного понимали английский язык. Кабульских женщин рассмотреть не удалось, так как на улицах они с открытыми лицами не появлялись. Паранджи покрывали их с головы до пят.

В Кабуле не было трамваев. Нам рассказали, что местные власти пытались устроить в городе трамвайное сообщение, но, после того как рельсы были проложены, их в первую же ночь разобрали и разбили.

Старый город порастил нас своим древним обликом. Небольшие лавочки ремесленников, прижавшиеся друг к другу, имели по три стены, а четвертая — со стороны улицы — отсутствовала. В одной из лавок можно было видеть девочку, которая чистила лук, старик рубил мясо, а женщина что-то готовила на жаровне. В другой было много мужчин. Один из них взвешивал муку, другой месил тесто, третий разминал его и готовил тонкие лепешки, а четвертый раскладывал готовые лепешки на доске для продажи. Прямо на улице на корточках производились стрижка и бритье. Тут же на ковре располагалась чайхана.

Многие лавочки выглядели очень красочно. В них как-то по-особому были разложены рыба, птица. Апельсины, виноград, гранаты, вяленая дыня лежали на виду, но яблок и груш не было.

Целый квартал занимали красильщики. Огромные полотнища всех цветов радуги сохли на веревках, перекинутых через улицы на высоте второго этажа.

Гастрономов, булочных, магазинов готового платья не было. Имелся лишь один крупный магазин электротоваров Сименса.

В центре города было мало современных зданий. Правда, с помощью Советского Союза велось строительство мельничного комби-

ната. На одной из главных улиц находились кинотеатры, предназначенные для раздельного посещения мужчинами и женщинами. В то время в Кабуле демонстрировались американские фильмы с участием Вейсмюллера — известного исполнителя роли Тарзана.

Среди городских зданий выделялся дворец короля Афганистана, который как раз вернулся из поездки в Индию, где охотился на тигров. Из окна гостиницы мы наблюдали встречу, устроенную ему местными властями.

В Кабуле во время обеда нас застигло землетрясение. Весь обслуживающий персонал разбежался, как только лампа под потолком начала качаться, а мы только потом догадались, что нам тоже следовало выбежать на улицу.

18 февраля на самолете компании «Ариана» мы вылетели в Индию, в Амритсар. Когда мы вышли из самолета, было по-летнему жарко. У трапа нас встретили представители фирмы «Меркурий трэвелс». Здание аэровокзала, казавшееся снаружи небольшим, внутри было просторным и прохладным. После отдыха и очень вкусного завтрака мы снова сели в самолет и направились в Дели, куда прибыли уже в полной темноте. Сверху с борта самолета был виден громадный город, расцвеченный тысячами огней — желтых, зеленых, красных. Едва мы спустились по трапу, как нас выстроили у самолета, и засверкали вспышки магния. На следующий день фотографии были уже готовы, и нам пришлось выкладывать за них свои рупии.

После таможенного досмотра представители встречавшей фирмы надели на нас венки из живых цветов и познакомили с гидом — молодым человеком приятной наружности, окончившим колледж по факультету искусства и экономики, — мистером Эдвони.

По дороге в отель, находившийся в Старом Дели, все привлекало наше внимание. Особенно сильное впечатление произвели огненно-красные столбы громадных фонтанов в форме китайских пагод и находившиеся рядом с ними желтые фонтаны в виде развернутых цветов лотоса. Большая часть улиц, по которым мы ехали, была по обеим сторонам обсажена деревьями. Слышались звонки встречных экипажей. Часто это были трехколесные повозки, велорикши или небольшие экипажи с мотоциклом впереди. Встречались арбы с волами и автомашины.

На окраине Старого Дели было много гостиниц. Перед одной из них, «Отелем Индия», располагался сад с большими деревьями, сверкавшими в темноте, как праздничные елки. Сверху донизу деревья были покрыты электрическими лампочками: одно — красными, другое — зелеными, третье — синими...

Мы разместились в отеле «Майденс». Утром я сразу же открыла окно, и в комнату ворвалось щебетанье птиц, резкие крики попугаев. На крыше сарая перед домом сидела обезьяна. После завтрака нас повезли осматривать городские достопримечательности.

Дели делится на две части — старую и новую. Старый город, или Шахджаханабад, был основан в XI веке. На его главной улице Чандичаук расположены богатейший в мире базар, многочисленные магазины и ларьки.

В Старом Дели есть старинная крепость Дал Кила, которая называется также Ред форт («Красный форт»). Построенная из красного песчаника, она была когда-то резиденцией Великих Моголов, теперь в ней размещен Национальный музей. Приемные залы поразили нас великолепной росписью стен. В одном из них стоял знаменитый Павлиний трон. Однако драгоценные камни, вкрапленные прежде в стены, пол и трон, не сохранились. Над входом в зал заседаний Дивани-Кхас виднелось персидское двустишие: «Если на земле есть рай, то он только здесь». Среди других архитектурных достопримечательностей Старого Дели выделяется здание крупнейшей в Индии мечети Джама Масджид. Ее высота достигает 68 метров, а ширина — около 41 метра. В обстановке особой таинственности служитель мечети показал нам священные реликвии: Коран, написанный рукой Магомета, волос из его бороды, остаток его сандалии, усыпанный лепестками роз, и отпечаток его ступни на мраморе.

Новый Дели был заложен англичанами в 1911 году как столица колониальной Индии. Здесь разместились административные здания, построенные из розового песчаника в европейском стиле. В этой части города виднелось много одно- или двухэтажных особняков. Во круг каждого из них был сад с декоративными растениями. Наряду с особняками, построенными с большим вкусом, даже в центре города имелись жалкие хибарки бедняков. На лугу у Дал Кила находился «лагерь нищих»: сарай высотой в рост человека, составленные из деревянных или жестяных ящиков. Оттуда высывались тела, покрытые рубцами, головы с всклокоченными волосами.

В Дели мы посетили также Радж Гхат — дорогое для каждого индийца место на берегу реки Джамны, где было кремировано тело национального героя Индии — Махатмы Ганди.

Дели — крупный научный центр. Мне удалось посетить Национальную физическую лабораторию, Делийский университет и Индийский научно-исследовательский сельскохозяйственный институт. Последний располагался в пяти милях от Нового Дели и занимал территорию около 350 гектаров. Институт возглавлял научную разработку

сельскохозяйственных проблем. В составе института были отделы агрономии, ботаники, почвоведения, агрохимии, энтомологии, микологии и фитопатологии, механизации сельского хозяйства. Имелись также группа по сельскохозяйственной экономике и статистике и секция садовых культур.

Отдел микологии и фитопатологии размещался в одноэтажном современном коттедже с просторными и светлыми лабораториями. В отделе и на его станции работало свыше 20 научных сотрудников. Научные исследования велись по микологии, по болезням растений Индии и изысканию средств борьбы с ними. Мне удалось довольно подробно ознакомиться с научной деятельностью отдела. Заместителем директора института являлся миколог доктор Р. С. Васудева, который возглавлял одновременно отдел микологии и фитопатологии. Он встретил меня очень любезно и дал указания о приготовлении материалов для показа. В лабораториях подготовили препараты, установленные на микроскопах, демонстрационные таблицы и прочее. Затем доктор Васудева повел меня по лабораториям. В одной из них мне показали штаммы-мутанты гриба *Colletotrichum falcatum* Went — возбудителя красной гнили сахарного тростника, полученные под влиянием облучения изотопами. Штаммы отличались по цвету колоний: один из них был желто-оранжевого цвета, другой — бурого, почти черного. Споры обоих штаммов также сильно отличались по величине.

Большие работы велись в отделе по ржавчине зерновых культур. В Индии широко распространены линейная, бурая и желтая ржавчина пшеницы и ржавчина льна. В одной из лабораторий доктор Васудева познакомил меня с научным сотрудником Бедди, который вел работу по «карнальской», или, как ее у нас называют, «индийской» головне пшеницы.

В отделе занимались также изучением бактериальных и вирусных болезней растений, особенно вирусными болезнями картофеля, поражавшими в Индии все производственные сорта. Исследовали здесь и непаразитарные болезни растений. Мне показали «Индийский восточный криптогамный гербарий», содержащий большое количество грибов Востока, в частности, 26 000 образцов, принадлежавших 937 родам и 5 000 видам. Размещены они были в 25 больших двухстворчатых деревянных шкафах. Папки с образцами лежали без коробок. Доктор Васудева показал рукопись «Грибы Индии», которая включала 3 908 видов. Конечно, этим списком далеко не исчерпывается микофлора Индии. Интересен был и музей живых культур «Индийская коллекция типовых культур». Он располагался в полупод-

вальном помещении с постоянной температурой воздуха от 15 до 30°. Коллекцию составляли 950 штаммов культур, размещенных в 40 шкафах.

Доктор Чона, который занимался болезнями сахарного тростника и вопросами физиологии паразитизма, отвез меня на машине в библиотеку института, в которой насчитывалось около 200 000 томов по вопросам сельского хозяйства и 1 200 важнейших периодических изданий.

Делийский университет находился недалеко от отеля «Майденс». Группой в несколько человек мы пошли его посмотреть. Мне хотелось посетить отдел ботаники, другие же интересовались русским отделением, на котором занималось много студентов. Кафедрой заведовал преподаватель Шибаев, который уже 30 лет жил в Индии и на протяжении 12 из них преподавал в университете.

Ботанический отдел возглавлял доктор Махешвари — известный эмбриолог, посетивший в свое время Ботанический институт в Ленинграде. В момент моего прихода он отсутствовал, и меня познакомили с преподавателем кафедры, микологом доктором Санвалом, который представил меня другим преподавателям и показал аудиторию отдела, а также его опытный участок и оранжерею. О многих растениях доктор Санвал сообщил мне интересные сведения. Так, многие слышали о баньяне, или индийской смоковнице, имеющей латинское название «*Ficus bengalensis*» или «*Ficus religiosa*». Дерево образует воздушные корни, которые при соприкосновении с почвой дают как бы новые стволы, в то время как ветви продолжают расти. Разрастаясь таким образом, дерево превращается в целый лес. Тень от такого дерева может падать чуть ли не на гектар. Дерево считается священным. По преданию, под баньяном жил Будда.

Очень интересно и дынное дерево — папайя (*Carica papaya*). Ствол у него как у пальмы, а наверху мутовкой расположены большие листья, под которыми висят плоды, как у тыквы или дыни. Ломтики папайи нам ежедневно подавали к завтраку. Плоды имеют очень мягкую и нежную мякоть апельсинового цвета и черные, в виде крупных икринок, семена. По вкусу плоды папайи сходны с ананасом и тыквой. В них много витаминов и энзимов, способствующих пищеварению.

Из широко распространенных в Индии растений следует упомянуть еще индийскую коноплю, содержащую алкалоид каннабисин. Ее едят и нюхают. Из семян готовят гашиш.

В Дели мы познакомились с характерными чертами тогдашней индийской действительности. Мы постоянно сталкивались с крайней нищетой населения. Особенно тяжкое впечатление оставляли дети.

Они собирались стайками и набрасывались на иностранцев, обгоняя их и бросаясь на землю с просьбами о подавании.

На улицах встречались старики с гноющимися глазами, с лицами, обросшими длинными волосами. Их голые ноги были черны и до того худы, что мышцы под кожей совершенно не обозначались. Особенно тяжелое зрелище представляли прокаженные, которых часто можно было встретить в толпе. Многие из них использовали свою болезнь для получения средств к существованию. Зная, как страшно выглядят пораженные проказой члены, они протягивали с мольбой руки или поднимали рубахи, обнажая язвы на теле. Некоторые по долгу ходили следом за нашей группой.

Из Дели мы отправились на автомашинах в Агру. Дорога была асфальтобетонной, по ее сторонам росли большие деревья, кроны которых смыкались наверху, как бы образуя длинный зеленый тоннель. По пути встречалось много молодых насаждений, о которых индийцы трогательно заботились. Каждое деревцо было окружено кирпичной кладкой с просветами. Это обеспечивало их безопасность от животных и вместе с тем предохраняло от сильного ветра.

На полях колосилась пшеница. Кое-где уже снимали урожай. Сельскохозяйственные машины на полях отсутствовали, всюду работали вручную. Орошение полей осуществлялось самым примитивным способом.

Очень часто попадались свадебные повозки, в которых, как нам объяснили, невест везли в деревни к женихам. В Индии браки заключаются в очень раннем возрасте — в 12–14 лет. Современные законы, правда, ведут с этим борьбу.

Агра — город, интересный своей стариной. Более ста лет Агра была столицей империи Великих Моголов, и с тех пор здесь осталось много архитектурных памятников, прежде всего — крепость Агра-форт (или Сикандра). Ее окружают огромные отвесные стены, увенчанные изящными беседками. Внутри крепости находится мощеная площадь, обрамленная открытыми галереями и залами. Крепость была построена из красного песчаника императором Акбаром в XV веке, в ней находится его гробница. Женская половина представляет собой сооружение, возведенные в различных архитектурных стилях, что было связано с разными национальностями жен Акбара. Его внук шах Джахан был человеком, любившим искусство. При нем построили знаменитый Тадж-Магал, который называют «восьмым чудом света» и «жемчужиной индийского искусства».

Тадж-Магал (тадж — корона, магал — дворец) стоит на берегу Джамны. Шах Джахан построил его как гробницу для своей любимой

жены Мутмаз. Высота Тадж-Магала — 80 футов. Для постройки купола сделали насыпь, которую впоследствии разбирали два года. Мавзолеем построен из огромных глыб белого мрамора, привезенного из Джайпура. Мрамор украшен мозаиками из полудрагоценных камней красного, зеленого, фиолетового цвета. Используются малахит, привезенный из России, яшма и другие породы. Надгробия окружены резной оградой из мрамора. В сочетании с окружающей природой Тадж-Магал производит величественное впечатление. В то же время здание, несмотря на свои громадные размеры, кажется чрезвычайно легким и точно парящим в воздухе.

По преданию, шах Джахан собирался построить на другом берегу Джамны, напротив Тадж-Магала, мавзолеем из черного мрамора для себя, однако его сын Аурангзеб объявил отца сумасшедшим и заточил его в темницу. В Аграфоре до сих пор показывают маленький зеркальный глазок в стене камеры шаха, в котором целиком отражается весь Тадж-Магал. Им до последних дней своей жизни любовался шах Джахан. Только, говорят, что раньше глазок этот был не зеркальным, а бриллиантовым.

В Агре мы посетили также Мертвый город, или Фатехпур-Шикри, построенный Акбаром, но вскоре покинутый из-за недостатка воды. В этом городе есть памятник редкостной красоты — мечеть и мавзолеем, сооруженные в честь дервиша Селима. История этого памятника такова: у императора Акбара до 35 лет не было детей. Дервиш предсказал ему рождение сына, который у него действительно потом родился. Когда Селим умер, Акбар построил ему небольшую гробницу из белого мрамора. Надгробие и ограда из черного мрамора инкрустированы перламутром, который переливается всеми цветами радуги. На ограде обычно множество разноцветных ниток. Их привязывают женщины, желающие иметь детей.

Из Агры нас повезли по железной дороге в Бенарес. Вагоны поезда отличались от наших. У третьего класса они имели, например, по три выхода с обеих сторон. Проезд по железной дороге помог ближе познакомиться с народными обычаями и нравами. Так, нам встретились индийцы с красной окраской губ и десен. Оказалось — это от снадобья, изготовленного из перченого выщелоченного растения, листья и плоды которого обладают приятным и жгучим вкусом, — бетеля (*Piper betel* L.). Это растение богато алкалоидами и употребляется вместе с плодами пальмы арека (*Areca catechu* L.), также содержащими алкалоиды (в том числе и ареколин, известный в медицинской практике). Оно широко применяется индийцами с лечебной, а возможно, и профилактической целью. К поезду выносили много раз-

личных товаров и продуктов, а также всевозможных украшений для женщин — браслетов, ожерелий и прочего, но все они были сделаны из самых дешевых материалов.

В Бенаресе мы разместились в гостинице под громким названием «Отель де Пари». Номера были примерно такими же, как и в других местах, где мы останавливались, но более приспособленными для защиты от жары и москитов: на дверях и окнах имелись плотные соломенные шторы, над постелями — балдахины из тюля. Действительно, утром поверх балдахина было найдено множество мертвых москитов.

В Бенаресе насчитывается около 1500 храмов, посвященных многочисленным богам индийского пантеона. Этот город считается у индийцев священным и является, по их представлениям, частью царства бога Шивы — главного божества последователей индуизма. Много мест в Бенаресе связано и с преданиями о Будде.

По убеждениям индусов, перед смертью следует омыться в водах священной реки Ганга. Тогда душа умершего в последующей жизни сохранится в человеке и не перейдет в тело животного. Поэтому всякий больной и чувствующий приближение смерти стремится попасть в Бенарес.

С утра автобусы повезли нас к Гангу. То, что мы увидели, превзошло все наши ожидания. Узкие улицы, наполненные людьми в разнородных одеждах, часто почти голыми, ползущими, со всклокоченными волосами и дикими глазами.

Выйдя из автобусов, мы попали в страшную сутолоку. Нас обступили дети, требуя бакшиш, потянулись руки нищих, начали взывать прокаженные. Под ногами терлись шелудивые собаки, которых никто не трогал, ибо «всякая жизнь священна». Мы старались идти быстрее, но не могли не замечать людей без пальцев на руках и ногах, избежать прикосновений прохожих, тяжелых запахов улицы. Наконец добрались до реки, и перед нами развернулась еще более страшная и грандиозная картина: широкая, полноводная река, на левом берегу которой высились тесно прижатые друг к другу храмы, старинные постройки, спускавшиеся к воде крутыми ступенями. Человеческие тела заполняли весь берег и лестницы. Некоторые люди сидели на берегу, спустив в воду ноги и обливая себя водой, другие стояли в воде на коленях и, сложив руки, молились. Мужчины, молодые и старые, — в плавках, женщины — в сари. Вся эта пестрая толпа кричала, шумела, двигалась. Шум стоял невероятный. Разносчики и торговцы тут же предлагали всевозможные товары, дети плакали. Противоположный берег был пологим и незаселенным.

Нас посадили на какие-то допотопные двухэтажные лодки, которые еле-еле продвигались вдоль берега. Вдруг раздались звуки колокола, побежали люди с носилками, а за ними толпа с воинственными криками. Это кто-то умер. Тут же началось его погребение. Для удобства родственников на набережной были сложены штабеля дров. Их покупали, и здесь же устраивали костры. Под поленницами лежали трупы. Мы видели эти горящие костры и груды пепла, который потом развеивали над рекой. Вдали высилось здание, в открытой лоджии которого стояла фигура огромного тигра. Там, как нам объяснили, находились священнослужители, ведавшие процедурой сожжения.

С тяжелым чувством, точно окупившись в эпоху до нашей эры, мы вернулись в отель. В тот же день мы посетили еще несколько храмов, хотя в некоторые заходить было опасно из-за религиозных фанатиков. Нам показали издалека Золотой храм, крыша которого будто бы сделана из чистого листового золота весом в целую тонну. Молитвы в этом храме сопровождалась омовением ног, и видно было, что молившиеся шлепали по воде. Слышались их крики. Недалеко от этого места мы встретили йога, который полз к храму на животе, голый, обвязанный канатом и посыпанный пеплом. У храма сидели несчастные вдовы, которых здесь, увы, подвергают остракизму. До сих пор считается, что общение с вдовой приносит несчастье. Вдова не имеет права выйти замуж, она не получает наследства и живет только милостыней.

Побывали мы и в знаменитом Обезьяньем храме. Обезьяны считаются в Индии священными животными. Им строят храмы, в которых они живут, где их кормят и где им поклоняются. В это время в Обезьяньем храме была свадьба. Внутри него на ступенях сидели порознь жених и невеста с лицами, закрытыми шарфами. Их окружали родственники. Тут же производили обряд пострижения брата жениха. Ему полагалось постричь волосы на голове. На одной из стен храма виднелся небольшой алтарь в виде металлического диска. Верующие, склонив головы, скрещивали на нем руки и, помолясь, отходили.

В Бенаресе мы посетили местный университет, построенный в 1932 году. Корпуса его колледжей и факультетов расположились на огромной территории. Юноши и девушки занимались раздельно. Мы прошли в колледж для девушек и познакомились с их общежитием и классами. Девушки встретили нас приветливо и затащили в свои комнаты, имевшие европейский вид. Было воскресенье, и все студентки были одеты в нарядные сари.

Вечером того же дня нам предстояла поездка по Гангу во дворец магараджи, расположенный на левом берегу реки. Магараджи уже

не управляли провинциями, но им были оставлены их дворцы, поместья, кроме того, выплачивались колоссальные пенсии. Этот магараджа получал 300 000 рупий в месяц и жил в роскошном замке. Если учесть, что учитель в Дели получал 100 рупий в месяц, а учитель в деревне всего 50, то ему, видно, жилось неплохо.

Возвращались мы в полной темноте и сидели притихшие, зачарованные. Весло тихо всплескивало воду. Где-то вдали горел большой костер.

Недалеко от Бенареса расположен Сарнатх — место, где Будда, по преданию, произнес проповедь, получившую название «Поворот колеса истории». Там имеется знаменитая ступа, при раскопках которой были найдены ценнейшие памятники буддизма. В музее хранится так называемая капитель Ашоки, на которой помещено скульптурное изображение четырех львов. Изображение капители входит ныне в государственный герб Индии. В Сарнатхе мы посетили буддийский храм. Внутри его имелись росписи, изображавшие жизнь Будды с младенческого возраста и до его вознесения на небо.

Познакомились мы также и с джайнистскими храмами. Последователи джайнизма ходят с повязками на лице, опасаясь проглотить какую-нибудь мошку.

Несколько слов о Бомбее, куда мы добирались также поездом, — крупном промышленном городе, одном из важнейших центров хлопчатобумажной промышленности Индии. Из всех виденных нами городов он имел наиболее европейский вид. Широкие улицы были заполнены автомобилями последних марок, многочисленными двухэтажными автобусами. Рикш не было видно.

Особенно хороша в Бомбее набережная — Мэриен драйв. Она протянулась на несколько километров и отделена от моря каменной балюстрадой. На берегу моря нам показали место, где обычно проходили митинги с участием Джавахарлала Неру. В промышленной части города интересно было наблюдать грандиозную стирку белья. У моста сотни прачек-мужчин — каждый в особой загородке-лохани — стирали белье, шлепая им о камень. Видели мы и башни молчания. Их в Бомбее шесть. За их стены сбрасывали тела умерших, и громадные птицы — грифы, сидевшие на стенах, уничтожали эти тела.

Запомнилось купание в Аравийском море и посещение острова Элефанты с его таинственными пещерными храмами.

Основная цель моей поездки была достигнута: я получила гербарные и существенные литературные материалы². Кроме того, были налажены контакты с индийскими учеными-микологами Делийского агрономического института и университета. На следующий год про-

фессор Васудева посетил нашу лабораторию микологии имени профессора А. А. Ячевского во Всесоюзном институте защиты растений, где ознакомился с исследованиями грибов в России.

Следует сказать, что изложенные здесь воспоминания о поездке в Афганистан и Индию относятся к событиям почти 40-летней давности, и, естественно, многое с тех пор кардинально изменилось. Несмотря на это, а может быть, и именно поэтому воспоминания об увиденном тогда остаются интересными и значительными не только для познания прошлого, но и понимания настоящего обеих стран.

¹ Из доклада на заседании ВБО, 1957 г.

² Новотельнова Н. С. Работа по защите растений в Индийском сельскохозяйственном институте // Бюллетень научно-технической информации по защите растений. ВИЗР. 1958. № 2. С. 70–75. Она же. Индийская головня пшеницы (Литературный обзор) // Труды ВИЗР. 1970. Вып. 29. Биология и систематика грибов. С. 134–143.

С. А. Кожин

Мои встречи со Святославом Николаевичем Рерихом

В конце 1966 года я был командирован химическим факультетом Ленинградского университета на два месяца в Индию по программе культурного обмена. Мне удалось побывать в Дели и еще в семи университетских городах Индии. В каждом университете я кратко знакомился с лабораториями и научными работами по интересовавшему меня профилю — химия природных соединений. В свою очередь, я сделал несколько докладов о работах, проводившихся у нас в университете.

Как это обычно бывало, одному из преподавателей данного университета поручалось организовать научную и культурную программу и вообще оказывать содействие прибывшему. При первом же обсуждении моей программы в городе Бангалоре прикрепленный ко мне сотрудник университета спросил меня, не хочу ли я посетить «доктора Рёрича». Сначала я не понял, о ком идет речь, но, когда мне было сказано, что это известный русский художник, я сообразил, что это Святослав Николаевич Рерих, о котором, к стыду своему, я очень мало знал, хотя и слышал, что он живет в Индии. Конечно, я не мог отказаться от знакомства с ним.

Опекавший меня преподаватель созвонился с С. Н. Рерихом и получил приглашение привезти меня на следующий день к вечеру. В университетской машине, которая прибыла за мной 7 декабря 1966 года, оказалось еще трое индийцев, которые воспользовались случаем, чтобы побывать в имении Рериха. Это имение Татагуни (правильнее Татгунни) оказалось в 13 милях (около 20 км) от Бангалора. Туда мы прибыли, когда было уже темно.

© С. А. Кожин

Нас встретил сам Святослав Николаевич — высокий пожилой человек, с седыми усами и довольно длинной седой конически усеченной бородкой. Он превосходно говорил по-английски, а его русская речь чем-то неумовимо отличалась от того, как говорим мы: он очень четко произносил все звуки и иногда пользовался словами, вышедшими теперь из употребления. Очевидно, это характерно для многих русских эмигрантов, давно покинувших Россию. В частности, в Делийском университете мне пришлось познакомиться с заведующим кафедрой русского языка, которого там называли профессор Эсой-лофф (попросту Есаулов). Его манера говорить очень напоминала манеру С. Н. Рериха.

Вскоре к нам вышла супруга Святослава Николаевича — бывшая кинозвезда Девика Рани (внучатая племянница Рабиндраната Тагора). Это была приятная полнеющая дама в ярко-красном сари с коротким чόли (нечто среднее между лифчиком и блузкой), с ярко накрашенными губами и тилаком (красным пятном) на лбу, ярко-красным маникюром и педикюром. За ней следовал слуга — босой, почти чернокожий индеец (южанин), по имени Па́па, одетый в белую куртку и белые шорты, на голове у него был белый тюрбан. Он вел на поводке пса — темно-коричневого спаниеля по кличке, кажется, Па́ти.

Святослав Николаевич пригласил всех в свою студию. Со мной он говорил по-русски.

В разговоре Святослав Николаевич вспоминал свое детство, которое прошло в Петербурге, и рассказал, что он, как и его отец (Н. К. Рерих) и его старший брат (Ю. Н. Рерих), учился в гимназии К. Мая на Васильевском острове. Оказалось, что Святослав Николаевич учился в этой гимназии только в младших классах, которые размещались тогда в старом здании на 10-й линии.

Я же рассказал ему о новом здании гимназии К. Мая на 14-й линии, то есть о своей 217 школе, в которой я проучился с 1926 по 1935 год. Рассказал ему о только что прошедшем юбилее школы: тогда 20 марта 1966 года отмечалось 110-летие гимназии Мая. Упомянул также о моем соученике Александре Фролове, сыне Владимира Александровича Фролова — профессора Академии художеств (заведующего мозаичной мастерской Академии). Оказалось, что Н. К. Рерих и В. А. Фролов были близко знакомы и что В. А. Фролов воплотил в мозаике ряд произведений Н. К. Рериха (тогда я этого не знал).

Святослав Николаевич расспрашивал меня о моих научных интересах. Узнав, что моя узкая специальность — химия терпеновых соединений, входящих в состав эфирных масел, он начал рассказывать мне

о своей плантации мексиканских линаловых деревьев (*Bursera delpechiana* семейства *Burseraceae*). Эта плантация в Татагуни занимала площадь 500 акров (около 200 га). Она была приобретена у прежнего владельца — шотландца — вместе с домом, куда после кончины Николая Константиновича Рериха Святослав Николаевич и Девика Рани переехали в 1948 году из дома Рерихов в Кулу (в Гималаях).

Из плодов линаловых деревьев путем перегонки с водяным паром из специального «куба» получается очень ценное для парфюмерной промышленности эфирное масло, содержащее линалилацетат и линалоол. С этой плантации удавалось в год получать до одной тонны эфирного масла. Продажа линалового эфирного масла давала возможность Святославу Николаевичу Рериху, как он сказал, спокойно заниматься живописью и культурно-просветительной деятельностью.

Святослав Николаевич, как выяснилось из дальнейшего разговора, был знаком с литературой по химии эфирных масел, в частности, знал о моем учителе — покойном профессоре Ленинградского университета Георгии Васильевиче Пигулевском, специалисте по эфирным маслам.

Этот неожиданный разговор об эфирных маслах оказался для меня весьма интересным. Более того, Святослав Николаевич предложил провести в нашей лаборатории в Ленинграде подробное исследование эфирного масла из плодов линалового дерева, культивировавшегося на его плантации в Татагуни, поскольку о минорных компонентах этого масла из литературы почти ничего не было известно.

Мне эта идея показалась весьма заманчивой. Мы условились, что я выясню формальные возможности проведения у нас такого исследования и напишу ему, какие образцы масла мы бы хотели получить для работы.

Оставшуюся часть вечера 7 декабря 1966 года С. Н. Рерих показал некоторые свои картины с рассказом о них. В студии, где мы находились, у стен стояли повернутые тыльной стороной его полотна без рам. Демонстрировали их нам двое слуг в белых одеждах и тюрбанах. Они ставили поочередно каждую картину на мольберт. Всего было показано нам тогда около 15 произведений. В их числе были четыре портрета Н. К. Рериха, один из портретов Девика Рани, картины «Пиета» (оплакивание Христа), «Воззри, человечество» (символическое предупреждение об атомной опасности), а также несколько полотен на индийские сельские сюжеты. Самыми замечательными, на мой взгляд, были две небольшие картины: «Дамодар

Кунд» (заброшенный водоем перед храмом в горах) и «Гирнар» (джайнистский двуглавый храм, расположенный высоко в горах и освещенный заходящим солнцем).

Большинство из показанных тогда картин я видел потом на выставках С. Н. Рериха в 1974 году в Третьяковской галерее и в 1975 году в Эрмитаже, которые были приурочены к 70-летию художника. На этой последней выставке мне удалось заснять почти все картины на цветную пленку. Таким образом, я теперь имею неплохую серию слайдов, воспроизводящих живопись С. Н. Рериха.

После показа картин Святослав Николаевич пригласил нас всех поужинать. Проходя из студии в столовую через несколько комнат его одноэтажного дома, я имел возможность заметить на столах множество разнообразных произведений искусства и археологических находок, а также цветов, украшавших эти помещения. На стенах были развешены небольшие картины кисти Николая Константиновича Рериха.

За ужином прислуживали молчаливые слуги в белых одеждах. На специальном коврике разместился спаниель со своей миской. Обильный ужин начался с камчатских крабов (советские консервы — редкий деликатес в Индии!) и закончился виноградным киселем. За ужином шел общий разговор на двух языках: русском и английском. Святослав Николаевич переводил то для меня, то для моих спутников. Иногда переводила для них (вероятно, на хинди) Девика Рани.

Вернувшись в гостиницу, я записал в свой путевой дневник под свежим впечатлением основные детали визита к С. Н. Рериху.

Что касается предполагавшегося подробного изучения состава линалового масла из Татагуни в нашей лаборатории в Ленинграде, то следует отметить, что, к сожалению, согласование этого вопроса затянулось, хотя в Ленинградском университете и в Москве в Министерстве высшего образования РСФСР отнеслись к предложению С. Н. Рериха вполне положительно.

В октябре 1970 года я сообщил Рериху о нашей готовности приступить к изучению состава масла и перечислил образцы («фракции») масла, которые нам желательно было бы для этого получить.

Одновременно я написал, что послал ему 8-й номер журнала «Искусство» за 1970 год со статьей моего школьного товарища А. В. Фролова «Творческое содружество Н. Рериха и В. Фролова». В ответном письме Святослав Николаевич поблагодарил меня за присылку этого журнала и просил передать А. В. Фролову «сердечный привет и благодарность за весьма нужную и интересную статью».

По поводу эфирного масла Святослав Николаевич сообщил, что, к сожалению, сезон получения масла линалового уже закончился и по-

тому «фракций» он прислать не сможет. Письмо было датировано 26 ноября 1970 года. В него была вложена фотография с дарственной надписью, на которой Святослав Николаевич был изображен на фоне своей плантации линаловых деревьев.

В феврале 1972 года я снова посетил Индию в качестве участника VIII Международного симпозиума по химии природных соединений. После симпозиума во время туристской поездки по Индии, будучи в Бангалоре, я вместе с заведующим нашей кафедрой В. Ф. Мартыновым побывал 16 февраля у С. Н. Рериха с кратким визитом. Он жил в то время не в Татагуни, а в своем городском доме в Бангалоре на Edward road, 9A, где размещался и его офис.

Двухэтажный дом Рериха был окружен садом. Было превосходное солнечное утро, и Святослав Николаевич охотно согласился сфотографироваться на фоне цветущих кустарников. У меня сохранились несколько фотографий (слайдов) его с Девикой Рани и даже фотография его секретарши.

К сожалению, опять был «не сезон» для эфирного масла. Разговор в тот день со Святославом Николаевичем был очень недолгим и почему-то касался индийских нравов и модных в то время вездесущих «хиппи». О живописи речи не было. Прощаясь с нами, Святослав Николаевич подарил каждому из нас по три открытки — репродукции его картин, изданных Музеем Рериха в Кулу.

О Святославе Николаевиче Рерихе у меня остались самые светлые воспоминания. Очень трогательно звучали в его письмах заключительные пожелания: «Всего Вам светлого!» Кстати, и имя свое он ведь писал, по крайней мере, по-английски — Svetoslav Roerich.

Н. Г. Краснодембская

Два визита (об особенностях полевой этнографической работы в Шри Ланке)

Когда мои учителя В. М. Бескровный и Т. Е. Катенина рассказывали нам, студентам первого курса кафедры индийской филологии Восточного факультета ЛГУ, о сингальском языке как одном из оригинальнейших в списке новоиндийских индоарийских по своей судьбе и своим характеристикам, у нас его тогда не преподавали, да и специально им не занимались. Меня увлекла загадочность и этого языка и судьбы народа, который говорит на нем, сингалов, предки которых еще в середине первого тысячелетия до н. э. переселились на Ланку из Северной Индии.

Народ и язык заинтересовали меня еще больше, когда я познакомилась с некоторой литературой о них. Прежде всего, это были книги И. П. Минаева «Очерки Цейлона и Индии» (СПб., 1878) и А. М. и Л. А. Мервартов «В глуши Цейлона» (Л., 1929). С их помощью я осуществила свои первые «путешествия» по этому изумительному острову, узнала о дивной красоте его природы, об удивительных памятниках его древней культуры, о своеобразном укладе жизни и необычных взглядах на мир его красивых жителей. На втором курсе я начала самостоятельно изучать сингальский язык, благо нашла в факультетской библиотеке его грамматику, написанную английским священником-миссионером и изданную в 1815 году. Я была очарована необычностью и красотой его алфавита, а затем увлечена как лингвист, буквально «продираясь» через лексические и грамматические «заковыки» этого феномена в индоевропейской языковой семье.

© Н. Г. Краснодембская

Так с самого начала и сложились два основных направления в моем изучении Шри Ланки (бывший Цейлон) — языковедческое и страноведческое. Потому еще в годы учебы, желая скорее поделиться приобретаемыми знаниями, я рассказывала о языке и культуре сингалов в студенческих научных обществах двух вузов: у себя на факультете и в Восточном кружке Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

В дальнейшем я изучала сингальский язык в аспирантуре и потом еще несколько лет, уже работая в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (МАЭ) и занимаясь также темами, связанными с материальной и духовной культурой сингалов. Сначала основными источниками были для меня разнообразные книги и коллекции музея, а со своими вопросами о конкретных незнакомых и непонятных реалиях приходилось ездить в Москву, где к тому времени уже появились «живые» сингалы. Позже объявились они и в нашем городе в качестве студентов и аспирантов вузов. Когда мне удалось с ними познакомиться, они все проявили готовность отвечать на бесконечные расспросы и объясняли и растолковывали трудное и неясное и даже старались, когда уезжали на каникулы домой, привезти для меня оттуда какие-нибудь полезные книжки, фотографии. Мне это казалось совершенно нормальным, и, хотя я и тогда глубоко ценила дружескую помощь моих ланкийских знакомых, только позже я осознала ее значение и неординарность в полной мере.

Став этнографом, я тем более нуждалась в материалах, которые называют «полевыми», и научилась использовать возможности, пусть и ограниченные, которые давало существование в Ленинграде ланкийского землячества, с годами возраставшего в численности. В течение нескольких лет вела переписку с некоторыми ланкийцами по очному и заочному знакомству. Традиционная одежда и пища, обряды и обычаи — многое об этом я впервые узнала от самих ланкийцев, еще не посетив их страны... И защитила кандидатскую диссертацию о неличных глагольных образованиях в сингальском языке, написала и опубликовала немало статей о традиционной культуре сингалов и почти закончила монографию об их народных верованиях и обрядах, а побывать на изучаемой земле, у «своего», как говорят обычно этнографы, народа все не приходилось, хотя мечта об этом всегда жила в душе.

Я ездила в командировку для полевой работы в Шри Ланке зимой 1979–1980 годов и в 1988. Нелегко было добиться, чтобы эти поездки состоялись, но, когда разрешение было получено, у меня не было забот ни с билетами, ни с визой, даже получила определенную сумму на командировочные расходы.

В первый раз я ехала по приглашению небольшой общественной организации «Панадура Санскритика Перамуна», что в переводе значит «Культурный Фронт Панадуры»¹. Это было что-то вроде клуба с просветительскими целями, а также для «организации досуга» детей и взрослых. Моя сингальская подруга, с которой мы давно познакомилась во время ее учебы в Ленинграде, принимала участие в его деятельности. Она и ее семья взяли на себя все главные заботы обо мне во время моего первого визита в Шри Ланку, потому с самого начала получилось так, что меня принимали почти как родственницу. Мне было вежливо предложено выбирать, где я хочу поселиться: в гостинице или в доме у друзей. Собственно, в этот дом меня и привезли сразу из аэропорта. Во-первых, как этнограф, я только и мечтала, чтобы «окунуться в гущу народной жизни», а кроме того, побаивалась жить одна в незнакомом месте. Ведь это был мой первый выезд не только в этнографическое «поле», в необычную тропическую страну, но и вообще за рубеж. Так и сложилось: тот первый счастливый месяц моей жизни в Шри Ланке я почти полностью провела в обществе местных жителей, останавливаясь в их домах, в наибольшей приближенности к их повседневной жизни, и постоянно пользуясь их помощью и покровительством. Хотя и от соотечественников я не была отлучена: меня тепло приняли в родном посольстве, дали полезные советы, одобрили мой способ хранения паспорта и денег. Поставили лишь одно ограничение: избегать поездок далеко на север и северо-восток, где уже и в то время было неспокойно². В нашем культурном центре я прочла лекцию об изучении сингальского языка и культуры Шри Ланки в России и в СССР.

Встречи с соотечественниками были лишь эпизодами, все же остальное время я провела в путешествиях «по городам и весям» страны, а также вела свою полевую работу, останавливаясь в домах друзей, знакомых и их родственников, которые преимущественно находились неподалеку от Коломбо, на юго-западном равнинном побережье. Выезды совершались в трех основных направлениях: на север к древней и средневековым столицам Ланки — Анурадхапуре и Полоннаруве; в центральную горную область, где расположен важный старинный культурный и политический центр страны город Канди; на юг к Катарагаме. Маршруты были продиктованы желанием ознакомиться с важнейшими для культуры страны памятниками архитектуры, скульптуры, живописи, религиозными и культовыми комплексами. В программу поездки входило и посещение некоторых крупных музеев, библиотек, университетов. Предполагалось внимательное изучение традиций быта, материальной культуры, семейной

жизни, отношения к детям и т. п. Естественно, хотелось увидеть какие-нибудь важнейшие обряды, ритуалы. Как ни удивительно, большую часть желаемого удалось осуществить. Конечно, прежде всего этому помогла предварительная многолетняя работа, знания, приобретенные из книг и от информантов в Ленинграде. Осведомленность в традициях и обычаях страны всегда производила благоприятное впечатление на людей, с которыми приходилось встречаться, и помогала расположить их к себе. Так что можно сказать, что бывает полезно в научной работе сначала побольше услышать, прежде чем увидеть.

Но более всего успех поездки надо отнести на счет характера и поведения друзей-сингалов и других ланкийцев, которые, поняв, в чем заключаются мои этнографические интересы, приложили максимум усилий, чтобы сделать мое пребывание на острове полезным и плодотворным. Причем, делалось все словно бы и между делом, без натуги и нахмуренных бровей. Поначалу я полагала совершенно необходимым составить и «план» и «график» мероприятий, встреч, поездок и в первые несколько дней приходила в ужас, если задуманное вдруг не исполнялось в назначенный час и минуты. Я старалась не показывать виду, но чуткие сингалы все замечали и успокаивали, а иногда самым мягким образом пытались намекнуть, что не следует ставить во главу угла только деловые соображения, всегда надо сохранять радостное ощущение бытия. Как я потом поняла, это и принцип жизни, и важный для них этикетный момент. У ланкийцев считается дурным тоном суетиться, нервничать, торопиться и торопить других, а главное — там личность ставят в отношении определенной свободы от времени: никогда не фиксируют минута в минуту время встречи, а, приглашая в гости, назначают час прихода весьма приблизительно. Европейцу к этому нелегко привыкнуть, не упрекая местных жителей в отсутствии пунктуальности. Но таковы обычаи, и они имеют свою философско-психологическую основу. Их приходится учитывать.

Зато очень приятно воспринимать другие характерные черты сингалов: необычайную приветливость, мягкость, доброжелательность. Эти качества просто бросаются в глаза, о них писали и говорили многие ученые и путешественники из разных стран. Сингалы обходительны и уступчивы, хотя при этом умеют держаться с подчеркнутым достоинством. В то же время следует помнить, что традиционно сингал полностью раскрывается и свободно проявляет себя эмоционально и поведенчески преимущественно в семейно-родственном кругу, при выходе же за его пределы держится более замкнуто и официально. Очень серьезно относятся в этой среде и к иерархическому статусу

людей, многое в этикете зависит от статусного соотношения личностей. Для человека европейской культуры это может быть не очень понятным и затрудняющим моментом в общении с ланкийцами. Хотя в целом к путешествующим иностранцам, особенно светлокожим, отношение почтительное, однако им тоже следует самим поддерживать свое достоинство. Мне, конечно, очень повезло, что меня допустили столь близко в семью (даже в семью), принимали и уважительно и достаточно «по-свойски». Интуитивно и по ситуации после того, как в первые же два дня подробно выговорила, что хотела бы узнать и увидеть, я почти полностью положила на инициативу и предприимчивость моих друзей в исполнении задуманного. И в результате нисколько об этом не пожалела. Это решение было правильным уже потому, что, будучи женщиной, я поставила бы себя в несколько странное положение с точки зрения местных жителей, если бы ходила и разъезжала повсюду самостоятельно. А то, что я была, как правило, окружена большим коллективом семейного вида (в него обычно входили несколько взрослых, мужчин и женщин, и очень часто также и дети), это давало мне и защиту и пропуск даже в души людей.

Удалось многое: несколько поездок по стране, в результате которых смогла побывать во всех основных районах обитания сингалов (известных под названием «Три синхала»), где этот народ живет с древности, познакомиться с различными природно-климатическими зонами, с разным хозяйственным укладом, этнографическими особенностями быта; посетила несколько музеев, университетов и библиотек; осмотрела памятники Анурадхапуры, Полоннарувы, Сигирии, Дамбуллы¹ и др.; побывала в нескольких действующих монастырях и храмах, говорила с главными и рядовыми священнослужителями (монахами, жрецами), наблюдала обрядовую жизнь. Благодаря стараниям друзей получила приглашения даже к совсем незнакомым людям на обряды и ритуалы, проводившиеся в домашних условиях: например, на обряд ритуального одаривания монахов «даная», а также, на что рассчитывала меньше всего, на церемонию изгнания демона из больного, которую я определила как ритуал шаманского типа. Бывали и тихие домашние вечера, с долгими беседами, прогулки к океану в утренние и вечерние часы, походы в гости к знакомым. Удавалось собрать много интересных сведений о традициях одежды и питания, даже пройти кулинарный и ботанический «курс», изучить обычаи в убранстве и пользовании жилища, бытовой уклад, примечать многие этнопсихологические черточки.

Характерно именно для Шри Ланки в отличие, например, от Индии, что нигде и ни в чем я не встретила с какими бы то ни было

запретами. В домах меня допускали в любые уголки вплоть до кухни, в храмах богов-покровителей показывали даже гарбха, то есть самую сокровенную алтарную часть. На церемониях и обрядах никто не возражал против моего присутствия, и, конечно, был свободный доступ во все буддийские монастыри. Разрешали все осматривать, описывать, наблюдать, фотографировать. Никто не чурался иностранки, напротив, даже чужие люди оказывали небольшие знаки внимания, старались помочь, подсказать, объяснить. Могли прочесть ради меня молитву или сделать подношение богам: монахи и даже некоторые миряне делали это бесплатно, профессиональные жрецы — за небольшой денежный взнос.

За время первой поездки мне удалось даже собрать небольшую коллекцию (около 200 предметов), которая дополнила сингальское собрание МАЭ, что удивило и порадовало тогда моих коллег. Вывезти ее удалось благодаря сочувствию сотрудников «Аэрофлота» в Коломбо, которые дали разрешение заплатить за лишний вес в Москве. Часть вещей я приобрела у ремесленников, в лавочках мелких торговцев, в государственном магазине традиционных промыслов «Лаксала», а часть из них получила в подарок от друзей, знакомых и даже незнакомых. Помню, как принесла мне плетеную тарелку прямо из своей кухни простая пожилая женщина, соседка людей, у которых я в те дни гостила, и сказала, что хочет передать это в наш музей. Некоторые предметы из ритуальной утвари мне отдали прямо в монастыре, взяв с алтаря.

В те дни, постоянно находясь в новой этнической среде, я словно бы растворялась в ней, даже в каком-то смысле «потеряла себя» и только «заглатывала» новую информацию и впечатления.

Впечатления, конечно, были очень остры с самого начала путешествия, как в узнавании того, что было ожидаемо, так и в открытии нового. Красные черепичные крыши продолговатых домов, рисовые поля, залитые водой, которые на подлете к острову, с высоты (когда самолет вынырнул из не очень плотных, но, видно, очень влажных, темных по краям облаков) я приняла было за парники; ярко-синяя птица в высоком небе и лохматые головы пальм по краям летного поля, какими я увидела их с трапа самолета; душная парная атмосфера и тепло, которое будто стекало на плечи (а ведь еще несколько часов тому назад я шла по московским улицам буквально по колену в снегу) — вот самые первые из них.

После некоторой сутолоки в аэропорту⁴ я вышла на площадку, окруженную оградой, за которой находились встречавшие. Не сразу, но вскоре из толпы замахала приветственно одинокая рука: меня

встречал муж моей подруги, а мы с ним в лицо еще не были знакомы, поэтому ему понадобилось некоторое время, чтобы «вычислить» меня.

И вот мы едем в небольшом автомобиле по Дабл-роуд, параллельной основному приморскому шоссе. Дорога грязновата, там и сям валяется скорлупа кокосовых орехов, но даже это приятно видеть, а кругом еще пальмы, банановые рощицы полощут своими огромными, как будто рваными листьями! Как ни удивительно, мне странно, что повсюду так много ланкийцев. «Этнографическим» взглядом сразу отмечаю разнообразие оттенков кожи: от смугловатого до очень темного. Удивляюсь тому, что многие женщины не в традиционной одежде, а в платьях европейского типа. Через открытое окно машины приятно обвеивает ветерок, и почему-то на душе даже не восторг, а необычайно приятное спокойствие. Так началось мое личное знакомство с островом Ланка.

Забавно, но удивляли меня не какие-то традиционные вещи и признаки культуры, а, например, левостороннее движение, присутствие слуг в домах, решетки на дверях и окнах, ставни и огромные внутренние замки, на которые тщательно запирались по ночам все, у кого я останавливалась. В то время дома для нас грабежи и убийства были лишь эксцессами. В Ленинграде два моих аспиранта-сингала объясняли, что в Шри Ланке всюду надо бояться воров, быть осторожной на улицах, в поезде и т. п., а в нужных случаях сразу обращаться за помощью к полицейским. Рискованная ситуация возникла лишь однажды. Мы ранним утром, едва занимался серый рассвет, отправились на электричке из Коломбо в Канди и уже сидели рядом в вагоне на длинном сидении, расположенном, как было в наших старых трамваях, вдоль стены. Я сидела крайней слева, а сбоку лежала моя сумка, где помещался фотоаппарат и другие нужные в путешествии предметы, включая паспорт. Вдруг коршуном мимо меня к моей сумке бросился сидевший через одного из наших брат моей подруги и схватил ее. Оказывается, он услышал, как двое мальчишек на платформе сговаривались выхватить ее через окно в момент отправления электрички — это нередкий способ, распространенный там у воришек. О чем-то подобном я читала в английской колонии из самой метрополии. Но меня, благодаря внимательности друзей, беда миновала. Ничего похожего больше никогда не случалось, чаще я чувствовала, что нахожусь в полной безопасности.

В быту особых трудностей не было: в домах, где я жила, всегда имелся душ, спать меня укладывали на кровати с нормальным бельем, хотя сами нередко спали на полу на циновке. Повсюду возили с собой

для меня противокомариную сетку из розового тюля с широким воланом. Изнуряла жара: в среднем на улице в тени было около 35 градусов тепла, в домах немного прохладнее. Чтобы этого добиться, жилища устраивают особым образом: там стараются лучше их вентилировать за счет сквозных проходов в помещениях, дверных проемов, которые завешиваются лишь занавесками и циновками, за счет специальных вентиляционных отверстий и проемов между стенами и крышей; нередко даже не делают потолка, чтобы создать более благоприятный микроклимат в доме. Все же зной ощутим, особенно в середине дня, когда воздух становится абсолютно неподвижным. Помогает немного, если под потолком или сбоку вертится механическое «опахало» — панкха, но следует помнить, что это недешевое удовольствие, потому как электричество довольно дорого. Еще я убедилась, что самая удобная одежда там должна быть свободной, просторной, которую легко надеть и снять с влажного тела, и лучше всего из хлопка. Хотя местные жители позволяют себе носить и одежду из плотных синтетических материалов (как традиционную, так нередко и по западной моде), но для этого надо, видимо, быть хорошо приспособленным к климату.

Дома мне позволяли надевать домашние туфли, хотя сами ходят босыми. По традиции и на территорию монастырей и храмов полагается ступать только босиком. Мой брат Евгений, зоолог по профессии, внушил мне, что в тропиках европеец может приобрести серьезные болезни через кожу ног. Я придумала выход из положения: снимая туфли, оставалась в «подследниках», а потом стаскивала и надевала новые, чтобы предохранить и стопы и обувь. Таким образом, и мне было безопасно, и я никого не шокировала. Ксати сказать, иногда сами сингалы по свойственной им доброте, замечая, что у меня больные ноги (последствия перенесенного в детстве полиомиелита), уговаривали меня не снимать обувь. Но я все же соблюдала общее правило.

Во всех домах, где я появлялась, хозяева были осведомлены, что я очень интересуюсь традиционной пищей ланкийцев, и этому уделялось специальное внимание. Для меня старались приготовить что-нибудь особенное, такое, чего я еще не попробовала у других: и «желтый» рис, и всякие виды гороха, и сладкий картофель с кокосовой стружкой, и блюда из плодов хлебного дерева разной степени зрелости, самые невероятные овощи и травы, фрукты, домашнего изготовления сласти, орехи и многое другое. При этом в доме подруги всегда имелись для меня огурцы (невероятной величины), помидоры, морковь, свекла, сосиски, хлеб — то, что они считают европейской пищей. Такова внимательность сингалов. Традиционный обед был

устроен для меня однажды даже в буддийском монастыре, настоятель которого некоторое время тому назад побывал в СССР и очень высокого мнения был о нашей стране (сожалел только, что нам не хватает религиозности). Меня усадили за стол, уставленный множеством яств, в частности, там я впервые попробовала великолепную, зрелую, сладкую древесную тыкву. Все же присутствовавшие (монахи, миряне) стояли вокруг. Но, когда я взмолилась, что не могу есть в одиночку⁵, позволили угостить присутствовавшую там малышку (это было одобрено, так как считается хорошим тоном угостить ребенка, прежде чем начать есть самому), а также посадили возле меня сестру моей отсутствовавшей в тот момент подруги как бы на правах условной родственницы. Монах сказал небольшую речь о важности культурного обмена между нашими народами, о дружбе, мире и пр. Очень вкусный обед был приготовлен пожилой мирянкой, прихожанкой монастыря.

Уезжала я из страны переполненная всякого рода информацией и впечатлениями, уже с большой мечтой очутиться дома, но все-таки и с грустью: а вдруг мне суждено видеть этот чудесный мир и этих замечательных людей в первый и последний раз? С замиранием сердца смотрела я по дороге в Катунаяку в океанскую даль, на пламенеющий закат и на его фоне черные силуэты кланяющихся ветру пальм.

Позже я осознала, что, находясь тот раз в тесной близости к людям, почти не оставаясь одна, мало сблизилась с миром природы, среди которой живет изучаемый мной народ. Наблюдала ее как бы с почтительного расстояния и не побывала с ней наедине.

Вскоре после возвращения домой я закончила книгу «Традиционное мировоззрение сингалов (обряды и верования)», которая вышла в Москве в 1982 году, написала несколько статей с общим отчетом о поездке, о традициях питания и одежды, о воспитании детей, о современной буддийской обрядовой практике, о том обряде демонического культа, на котором мне удалось присутствовать и др.⁶ Хотя, признаюсь, сначала я много времени уделяла просто воспоминаниям, пересказывая накопленную информацию в глубину памяти, и знаю, что до сих пор могу еще немало почерпнуть из нее.

Вторая поездка во многих чертах отличалась от первой: она была дольше (целых три месяца). В этот раз я существовала более независимо (целых три месяца). В этот раз я существовала более независимо, обитала главным образом в гостинице, хотя все равно очень часто навещалась в гости к старым и новым друзьям и знакомым, часто приглашали на интересные мероприятия. В этот раз более активно меня приглашали на интересные мероприятия. В этот раз более активными и постоянными были мои отношения с соотечественниками, я выступала с лекциями о культуре Шри Ланки в посольстве и в нашей

школе для посольских детей. Потом меня знали уже все и, когда могли, старались помочь: выделяли машину, приглашали на интересные встречи к себе, получали для меня приглашения на официальные мероприятия ланкийцев (так я попала на открытие ирригационного комплекса в Раткинде и благодаря этому совершила путешествие в так называемую «страну веддов»⁷, лежащую за горами на востоке, где еще не бывала), помогали в быту, потом провожали, когда уезжала.

В этот раз тоже было много уникального: я побывала в новых местах (хотя в некоторых районах было слишком беспокойно, и потому я не смогла попасть в Амбаламбоду, в музей кукольного театра, куда очень стремилась, не удалось еще раз съездить в Катарагаму, а очень хотелось освежить и дополнить некоторые наблюдения), повторила некоторые прежние маршруты (например, поездку в обожаемый монастырь Алувихарая, построенный там, где, по преданию, был записан буддийский канон, удивительно живописное место), впервые побывала на сингальских свадьбах обоего образца: и равнинного, и горного, наблюдала летний праздник Эсала перахьяра (в одном из новых для себя монастырей была свидетелем всей последовательности его ритуалов), посетила храмово-монастырский комплекс в Алутнуваре⁸, была в театре, смогла выделить средства из своих командировочных на приобретение новой интересной коллекции для МАЭ, в частности предметов традиционного театрального искусства. Подруга устроила мне специальную поездку в храм Зуба Будды в Канди и по окрестностям города, и на этот раз я смогла все это осмотреть в спокойной обстановке, тогда как в первый приезд побывала там немножко наскоро, в темное вечернее время, в самом храме — почти перед закрытием.

Погостила у своего бывшего аспиранта У. Б. Раманаяки, который в первую поездку провожал и напутствовал меня в Ленинграде, а теперь принимал вместе с женой, тещей и маленькой дочкой в собственном доме, а также всеми силами способствовал плодотворности моих этнографических изысканий, хорошо понимая их ценность, потому как и сам этнограф. Другого бывшего подопечного, филолога-русиста И. М. Джаясекару, я встретила в советском культурном центре, где он преподавал русский язык своим землякам.

Сингальские друзья и на этот раз, конечно, не обделили меня вниманием, многое для меня устроили и организовали, но все же некоторые обещания исполнились лишь на словах. Больше всего я отношу это на тот счет, что, поскольку я жила теперь более самостоятельно, некоторые из друзей и знакомых чувствовали меньшую ответственность за меня, а между тем и само понятие «сказано-сделано» имеет

у ланкийцев несколько иной оттенок, чем у нас, поскольку доброе намерение там практически приравнивается к поступку. Бывало, что кто-то приходил с интересным предложением, но не заставлял меня дома, и я что-то пропускала.

Зато у меня была возможность время от времени побыть в одиночестве, что-то обдумать, посидеть над книжкой, иногда я даже отваживалась на небольшую одинокую прогулку по городу, занимали меня и маленькие случайные встречи на улице, общение с обслуживающим персоналом гест-хауза. Это, в частности, помогало понять, с чем могут столкнуться обычные путешественники с запада. Случайно возникали неожиданные возможности: так, в плавательном бассейне моей гостиницы было устроено крещение ланкийских мормонов, и мне удалось его наблюдать.

На этот раз я смогла позволить себе подолгу поработать в библиотеках и музеях, читать газеты, побольше обследовать книжные магазины и развалы, получше познакомиться с самим Коломбо, с его достопримечательностями, исторической и современной архитектурой, повидала фешенебельные современные торговые центры, гостиницы, впервые побывала в ранее неизвестных мне кварталах (например, где в основном проживают ланкийские мусульмане), уделила внимание христианским храмам.

Русские друзья сводили меня в прославленный «Капитанский зал» ресторана при гостинице «Тапробане»⁹, где в свое время останавливался А. П. Чехов, и оттуда мы любовались панорамой вечернего порта и рейда Коломбо.

Особенно счастливой я чувствовала себя в Национальном музее Коломбо, где на этот раз не один день подробно и внимательно изучала его экспонаты, делала записи и фотографии, а также в библиотеках: того же музея, института «Марга», Центра этнических штудий, а также (о чем мечтала очень давно) Королевского Азиатского общества, где хранится много старых редких книг и журналов с материалами о культуре острова. Кое-где мне даже выдавали книги на дом, а некоторые удалось ксерокопировать.

Теперь и цветы, и деревья, и зверюшки, и птицы тоже сделались мне ближе. Птиц там много разных и разноцветных. Как-то я сидела на крыльце в кресле, подставляясь под освежающий северный ветерок, а сынок моей сингальской подруги возле меня по пролетающим мимо птицам учился счету и за какую-то минуту насчитал их больше тридцати.

Держать кошек и собак в домах местные жители стали лишь недавно под влиянием европейской моды (прежде собак ценили только

охотники-ведды). Однажды я встретила бродячего дрессировщика с питоном, кобрами и обезьянкой. Кобры были в плохом настроении и громко шипели, и хозяин быстро загнал их в плетеную круглую коробку с крышкой, а питончика дал подержать. Он несколько мгновений послужил мне в качестве живого боа. Обезьянка кувыркалась, показывала разные фокусы, изображала полицейского в фуражке. Потом взяла мою руку своими крохотными теплыми ручками и стала покусывать, совсем не больно и, как я поняла, намекая, что хочет получить что-нибудь съестное, но у меня при себе ничего не было. Оставалось надеяться, что дрессировщик поделится с ней едой, которую купит на несколько полученных от меня рупий. Много в Шри Ланке слонов, они большие помощники в работе у местных жителей и еще выступают в цирке. Существуют специальные «детские дома» для потерявшихся слонят. Много слонов участвует в обрядовых мероприятиях. Однажды я стояла бок о бок с целой их вереницей возле монастырских ворот в ожидании начала праздничного шествия. Погонщики придерживали их за цепи вроде вериг, а за поясами у них имелись ножи, потому что слон иногда может быть и опасным, если рассердится или что-нибудь ему не понравится. Слонов чаще всего кормят листьями китуловой пальмы, а любимое их лакомство — плоды *дивул*, которые поэтому еще называют «слоновыми яблоками». Удалось разглядеть вблизи и местную белочку «лену», похожую на бурундука: она иногда сидела на ветке росшей под моим окном аравии и бранилась на два голоса: «пить, пить, пить!» — «да отстань, да отстань, да отстань!!». Аравия стала моим любимым деревом. Это удивительное растение, как будто с другой планеты, и так дивно пахнут ее цветы.

Конечно, и сама я была в Шри Ланке объектом наблюдения, любопытства, иногда и удивления. Помню, как закатился в истерику один малыш, испугавшись белой кожи, а другие дети дотрагивались до меня и говорили: «якша, якша», что, вообще-то говоря, значит «демон». Многие, разумеется, проявляли серьезный интерес как к представителю другой страны, иной культуры, хотели узнать от меня что-то новое, расспрашивали. Были у меня и специальные встречи с такой целью: с монахами, журналистами, членами обществ дружбы с нашей страной. Не могу, однако, сказать, чтобы очень уставала от чужого внимания: ланкийцы достаточно деликатны и умеют во всем соблюдать умеренность.

С удовольствием съездила бы к ним снова!

¹ Панадура — небольшой город недалеко от Коломбо.

² Имеется в виду тамило-сингальский конфликт, получивший в дальнейшем тяжелое развитие.

³ Сигирия, или Сигири — дворец-крепость V века н. э. на неприступной горе; Дамбулла — древний пещерный буддийский монастырь.

⁴ Тогда это еще было старое здание аэропорта Катунаяка, которое через несколько лет в пылу этнической розни было взорвано, а ко времени моей второй поездки уже отстроили новое.

⁵ Правила приема пищи очень строги: вместе могут есть только близкие родственники, ни в коем случае — посторонние мужчины и женщины, и, конечно, монахи не разделяют трапезы с мирянами.

⁶ Список некоторых работ, специально для тех, кому захочется еще «попутешествовать» вместе с автором, приводится ниже.

⁷ Ведды — немногочисленное племя аборигенов Ланки. Они сыграли важную роль в этногенезе сингалов.

⁸ О ней писал И. П. Минаев в книге «Очерки Цейлона и Индии» (СПб., 1878), в главе «Алутнува и цейлонские черти».

⁹ Этим именем называли остров Ланку древние греки.

Вот что могу предложить из своих работ читателю, желающему расширить знания об этнографии Шри Ланки:

1. Обрядовая практика современных сингальских буддистов // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М., 1980.

2. Рисунки сингальского культа «бали» // Сборник МАЭ. Л., 1980. Том XXXV.

3. Южный Индостан и Шри Ланка // Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М., 1981.

4. У сингалов: открытие повседневности // Советская этнография. 1981. № 5.

5. Сингалы у себя дома // Азия и Африка сегодня. 1982. № 11.

6. Буддизм: истоки, идеи, догмы // Азия и Африка сегодня. 1985. № 6.

7. Буддизм: идеалы и реальность // Азия и Африка сегодня. 1985. № 7.

8. Тойил в Полгасовите (о символике обряда демонического культа сингалов) // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986.

9. Семья, любовь и фантазия, или брак по-сингальски // Азия и Африка сегодня. 1990. № 11.

10. Праздничное шествие в монастыре Беланвилла и новая встреча с Гара-якой // Этнографическое обозрение. 1993. № 2.

11. Религия как понятие культуры у сингалов // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск, 1996. Вып. 3. Том 2.

В. Н. Мазурина

**«Все здесь оригинально и любопытно»
(заметки о поездке в Непал)**

Непал — загадочная страна, которая стала доступной для широкого посещения иностранцами сравнительно недавно, с середины XX века. Сюда стремятся многие: высочайшие вершины планеты, расположенные здесь, привлекают альпинистов; этническое многообразие и оригинальность культуры влекут исследователей; наконец, желание побывать в необыкновенном музее под открытым небом привлекает сюда туристов.

Непал — единственное в мире индуистское государство, однако здесь распространены и различные буддийские школы, сохраняются племенные верования и культы.

В Европе изучение Непала началось фактически со второй половины XX века. До этого времени имелись довольно ограниченные и порою односторонние сведения, теперь же существует обширная литература об этой стране. Однако до сих пор многое остается неясным и неизвестным, и любые материалы о Непале, будь то рассказ ученого-путешественника или любого другого человека, побывавшего там, представляют интерес.

Первым человеком из России, которому удалось посетить Непал, был выдающийся исследователь И. П. Минаев (1840–1890). Он побывал в этой стране во время путешествия на Восток в 1874–1875 годах. В результате появились его немногочисленные, но содержательные работы о Непале¹, которые до сих пор не утратили своей значимости. Минаев стал фактически основоположником непаловедения в России. Страна привлекала его прежде всего как специалиста-буддолога, но

в своих работах он рассматривал широкий круг проблем по истории, этнографии и религиям Непала². Все там казалось ему «оригинально и любопытно». Разделяя такую точку зрения, мы и взяли для названия наших заметок эти его слова.

К сожалению, в течение многих десятилетий никто в нашем городе не изучал Непал. Через сто с лишним лет после путешествия Минаева мне, этнографу и религиоведу, исследовательнице культуры Непала, удалось попасть в страну, с которой я была знакома по книгам и о которой мне много рассказывали мои друзья — студенты из Непала, учившиеся в нашем городе.

В Непале я оказалась, может быть, не в самое интересное для изучения местных праздников время — главной цели моей поездки, однако счастье, что вообще попала туда.

Не сразу я привыкла к тому, что вижу чудесный Катманду, старинную столицу древнего царства, с его узенькими улочками и ни на что не похожими дворцами и храмами. И вот я хожу возле знаменитого, многократно описанного Хануман-Дхока, старого королевского³ дворцового комплекса, включающего как главный дворец, так и многочисленные дворы с другими постройками, в том числе храмами. Среди них — храм богини Таледжу⁴, которая считалась покровительницей прежней королевской династии Малла⁵ (неварского происхождения). Он был выстроен правителем Махендрой Малла в 1564 году и почитается неварским населением. На небольшом пространстве возле Хануман-Дхока сосредоточено множество храмов, посвященных различным персонажам непальского индуистского пантеона. Квадратные и круглые в плане, некоторые на высоких платформах, с многоярусными крышами, они заполняют здесь все пространство. Интересно, что на улицах Катманду расположены и открытые алтари, где совершаются подношения богам. Привлекает внимание рельефное изображение грозного Черного Бхайрава (один из обликов Шивы), выбитое на огромном черном камне. Легенда гласит, что этот камень из-за его необыкновенной величины был установлен здесь правителем Пратапом Малла. Камень обнаружили во время полевых работ и привезли в Катманду. Почти напротив Черного Бхайрава в нише одного из зданий находится голова Белого Бхайрава (так называют одного из обличий Шивы), одной из ипостасей Шивы. Увидеть это изображение можно лишь в конце сезона дождей, в дни праздника Индра-джатра, а в другое время оно закрыто от любопытных взоров плотной деревянной решеткой. Возле дворцового комплекса установлены огромные колокол и барабан, которые звучат лишь во время некоторых праздников, посвященных одному из воплощений Дурги.

Рядом с комплексом Хануман-Дхока проживает и знаменитая «живая богиня» Непала — Кумари, символ невинности и чистоты, магически покровительствующая всему королевству. Ее выбирают из неварской касты ювелиров примерно раз в двенадцать лет: каждая новая Кумари избирается после того, как у предыдущей появляются признаки половой зрелости. Посвящение новой избранницы происходит во время праздника Дашаин, который приходится на осенний период и имеет символику женственности и благоденствия. У Кумари имеется собственный дворец, который она покидает лишь во время праздников, выезжая торжественно на высокой колеснице в сопровождении жрецов. Колесницу везет восторженный народ. Менее известно, что, кроме «королевской» Кумари, существуют еще и другие покровительницы отдельных городов и деревень.

Индуистам разрешается навещать Кумари в ее доме. Я отправилась в этот дом вместе с моими непальскими друзьями Каруной и Шарадом, которые пошли поклониться Кумари, а мне пришлось остаться во дворе. Я только слышала плач малышки: оказывается, в тот момент девочку навестили родители (ей было всего четыре года), и она запросилась домой.

В столице на берегу священной реки Багмати, протекающей через всю долину Катманду, находится один из самых священных для индуистов храм Пашупатинатх, золотая крыша которого возвышается над целым комплексом других храмовых построек (Пашупатинатх — одно из имен Шивы, означающее «покровитель животных»). Чтобы увидеть этот храм во всей его красе, а также жизнь, кипящую у его подножия, приходится перейти по мосту через Багмати и подняться на специальную смотровую площадку: оттуда можно разглядеть, как совершают омовение женщины в водах реки и как горит на берегу погребальный костер, видны также многочисленные группы паломников. На территорию храма никого, кроме индуистов, не пускают. Я смогла дойти лишь до одних из его ворот, боясь кого-нибудь обидеть или рассердить. Неподалеку от смотровой площадки находится небольшой храм, посвященный Шиве. Вход в него отмечен изображением трезубца. Оттуда, поднявшись по лестнице, достигаешь храма одной из богинь-матерей Гухешвари, связанного с культом женского детородного органа — йони. Подойти даже к внешним границам храма нельзя: он окружен глухим высоким забором.

Богиням-матерям (шиваитского круга) посвящен и комплекс Три Девы, который расположен в другом районе Катманду, удаленном от центра. Мы отправились туда, и меня вместе с друзьями впустили во двор. Там слева и справа стояло по три не очень больших храма,

посвященных трем богиням-матерям и их супругам. Справа храмы богинь (немного побольше размером), а слева — их мужей. Из храмов богинь центральный — самой Дурги, а напротив него находилось изображение лингама из камня, над которым был подвешен глиняный сосуд. Оба символа означают присутствие Бога, а именно Шивы.

Многие из уголков Катманду мне были бы недоступны, если бы не местные друзья. Они сводили меня к храмам Три Девы, а также к комплексу Бхавани-бахал. Это центр одного из кварталов Катманду, где мои друзья и их родственники обычно совершают определенные обряды жизненного цикла. Мой спутник рассказал, что не так давно участвовал в обряде перехода (инициации) одного из своих племянников, сына сестры. В таких обрядах роль дяди (брата матери) считается в Непале особенно важной. Чтобы достичь самого храма, нам пришлось пересечь большой двор с несколькими чайтьями (буддийскими культовыми сооружениями) и через узкий проход войти в галерею, с трех сторон окружавшую само храмовое строение. С этой галереи я сфотографировала храм Бхавани (эпитет Дурги), главной богини комплекса. Хотя это богиня индуистская, перед храмом тоже стояла чайтья и висел колокол. Над дверью я рассмотрела также изображение сидящего Будды.

Одно из священных мест Непала находится в трех километрах к северу от Катманду — это холм Шивапури. Местная реликвия фактически посвящена вишнуитскому божеству Будханилакантха, который своим обликом напоминает Вишну. У подножия холма в пруду, обнесённом решетчатой оградой, находится рельефное изображение бога, возлежащего на змее Шеше. Скульптура высечена из камня и раскрашена. К пруду ведет лестница, по которой спускаются паломники, чтобы сделать подношение божеству. Вокруг повсюду виднеются многочисленные колокола, подвешенные на стойках, скульптуры львов-охранителей и, кроме того, небольшая скульптура бога Ганеши (шиваитского круга), к которому обращаются перед тем, как совершить обряд. К этому изображению нельзя приближаться королю. Объясняют это тем, что он сам является земным воплощением Вишну и такая встреча может принести несчастье ему и его семье. Тем не менее имеется еще одно такое же, но меньшего размера, изображение на окраине Катманду, возле холма Нараяна, где разбит парк. Оно тоже лежит в пруду и называется Баладжу. К нему глава государства является, чтобы исполнить положенные ритуалы.

В Непале великое множество изображений львов и крылатых, похожих на собак. Стоят они у входов в храмы, на подступах к священным объектам. Пара этих грозных стражей охраняет вход во двор

в старой части Катманду, где расположен храм божества, одинаково почитаемого индуистами и буддистами Непала. Первые называют его Маччхендранатхом и признают как бога дождя, а вторые считают бодхисаттвой Авлокитешварой (бодхисаттва милосердия). Он сопоставим и с Индрой. Позади львов помещен еще один священный камень, почти правильной округлой формы, но здесь он белого цвета. Оформлен он как настоящая маленькая ступа. Подход к ней тоже охраняют львы. Позади ступы помещены две резные каменные колонны с капителями в виде буддийского женского божества Тары.

Разумеется, я посетила древнейшие и важнейшие буддийские культовые памятники Непала — ступы Боднатх и Сваямбхунатх: первая расположена на ровной низменной площадке на востоке столицы, а другая — на высоком холме в западной ее части. Индуисты с тем же усердием, что и буддисты, вертят здесь молитвенные барабанчики и обретают высшее покровительство. На всякий случай сделала это и я. Вокруг Боднатха концентрируются беженцы из Тибета, сюда приходят шерпы и другие северяне. Боднатх был весь увешан гирляндами молитвенных флагов и окружен шестью с такими же флагами. Ночной Боднатх мне привелось видеть только в фильме «Маленький Будда», многие натурные съемки которого были сделаны в Непале.

Живописность Сваямбхунатха определена главным образом его положением на склоне горы. К нему ведет лестница в 365 ступеней, на ее площадках установлены различные скульптуры: изображения божеств и животных. Именно Сваямбхунатх свидетельствует о мирном сожительстве местных конфессий: сюда не только приходят многие индуисты, но здесь в непосредственной близости к ступе находится храм Ситалы (или Харити), индуистской богини оспы.

Не все, вероятно, знают про существование еще одной ступы — Чхабил, расположенной на подходе к Боднатху. Она заметно меньших размеров, но интересна тем, что, согласно легенде, посвящена Чарумати, дочери индийского императора Ашоки, которая была супругой одного из непальских правителей.

Кроме столицы, мне посчастливилось побывать в некоторых других областях Непала. В пределах долины Катманду я посетила города Патан, самый что ни на есть «буддийский» город, где расположены многие буддийские монастыри, Бхактапур, самый «неварский» город долины, и Тхими, прославленный своими гончарами. В Тхими мы наблюдали за работой ремесленников, которые известны и как мастера по изготовлению ритуальных масок.

За пределами долины Катманду я побывала на юго-востоке страны — в городах Джанакпур и Биратнагар, а также селениях Дхаран,

Дханкута, Гилибазар, Чхотра. В день отъезда моя подруга Мандира отправилась в храм Ганеши, чтобы испросить благословения на поездку, так как именно Ганеша помогает путникам.

И вот мы в пути. В воздухе сыро и прохладно, потому что накануне шел дождь, а ночью в горах даже выпал снег — мы увидели белые островки на зеленой траве, когда подъехали к самому высокому перевалу. Мы находились на высоте примерно в 2 500 м над уровнем моря. Небо было сплошь закрыто облаками, лежал густой сумрак. За перевалом сквозь густой сырой туман слева едва просматривалась отвесная скала в густых зарослях деревьев, а справа от серпантина дороги — бездна. До ближайшего пункта — городка Хетауры, границы горного и равнинного Непала, мы ехали в большом напряжении целых три часа.

После Хетауры открылся совсем иной пейзаж: равнина, глинобитные дома с соломенными крышами (в долине Катманду дома в основном кирпичные, а крыши из черепицы). Интересно, что здесь встречалось много домов с рисунками на стенах: изображениями растений и животных, геометрическими узорами. Мелькали одна за другой деревни: то за изгородями, то в банановых рощах, иные подступали к самой дороге, выстраиваясь либо по одну ее сторону, либо, как в России, по обе.

Приехали в Джанакпур под вечер и только утром отправились к местной достопримечательности — храму мифического героя Джанаки (отца Ситы, тестя божественного царя-героя Рамы). Храм был построен в 1834 году. То, что эта дата известна, является большой редкостью для Непала и всей Южной Азии. В его архитектуре заметно влияние мусульманских традиций. К храму уже стекались люди (приближалось время богослужения — пуджи). Вокруг бродили священные коровы. Верующие касались рукой их спин, затем делали ритуальный обход вокруг храма по часовой стрелке и входили внутрь. Начало пуджи было обозначено грохотом барабана и звоном колокола, которые не прекращались в течение получаса, пока длились обряды. Опоздавшие, в частности два приехавших на джипе полицейских, бежали в храм, держа в руках подношения. Мандира с мужем вошли внутрь вместе со всеми, мне же оставалось лишь походить вокруг, а также посмотреть на работу местных ювелиров, расположенных на подступах к храмовой территории. Они изготавливали жившихся на подступах к храмовой территории. Они изготавливали женские украшения. Рядом с храмом Джанаки в 1991 году был построен новый храм в виде пагоды, посвященный Раме и Сите. К дверям здания из стекла и бетона можно было подняться по ступенькам, только сняв обувь.

Затем по дороге «Восток–Запад», построенной с участием советских специалистов, мы направились в Биратнагар. Там нас ожидали наши общие друзья Пурушоттам и его жена Сушмита. Пурушоттам окончил в Ленинграде Горный институт и аспирантуру и теперь работал горным инженером на местных разработках полезных ископаемых. Встреча была теплой и радостной. Сам Биратнагар не прославлен достопримечательностями, поэтому наутро мы отправились в Дханкуту и Гилибазар, знаменитые базарами, расположенными на главном торговом пути между горными районами и равнинами на юге страны. Здесь происходит основной товарный обмен между разными этническими группами непальского населения: киратскими народами, проживающими ближе к северу, и тхару, живущими на юге. Из горных районов шли люди по труднопроходимым тропам, с корзинами, наполненными ярко-оранжевыми мандаринами, с юга доставляли сахарный тростник. Продавались на рынках и ткани, плетеные изделия, куры, рис, горох.

В этих местах я посетила небольшой храм Шивы на окраине Гилибазара, маленький домик-святилище Рамы и Ситы, стоявший «в стенку» с буддийским храмом северного образца, напоминавшим пагоду. У входа в храм имелось живописное изображение стражей света, а на левой стене — «колеса жизни» (бхавачакра).

На обратном пути мы заехали в Дхаран, где увидели, пожалуй, самый большой фруктово-овощной базар. Здесь продавали много зелени и пряностей. Подъезжая к Биратнагару, «наткнулись» на народный праздник-ярмарку (мела), который устраивается в разных районах в определенные дни. Здесь тоже торговали провизией, ремесленными изделиями, посудой. На празднике были люди разных национальностей в своеобразных традиционных одеждах, детали которых я старалась взять на заметку.

В дом Сушмиты и Пурушоттамы мы вернулись 14-го января, а 15-го был праздник — магх-санкранти, день зимнего солнцеворота, который отмечается всеми жителями Непала. В этот день все совершают ритуальное омовение в реке или любом водоеме, даже если очень холодно. Мои друзья не пренебрегли этим обрядом.

Мне этот праздник подарил еще одну небольшую, но интересную поездку и неожиданную встречу. 15-го января мы выехали ранним утром на север к деревеньке Чхотра, в пяти километрах от которой находится храм Варахи (воплощение Вишну в виде вепря). На прилегающей к этому храму территории — Вараха-кшетра — состоялись праздничные обряды, в которых приняли участие мои друзья. В одном празднике участвовали представители разных этнических и сословных групп: одни допускались в храм, другие совершали обряды возле него.

К храму мы шли вдоль реки по дороге, которая вела то вниз, то вверх, пересекали пересохшие русла нескольких ручейков и примерно через час увидели песчаную косу, на которой толпились люди. В это время раздались своеобразные звуки частых ударов по металлу. Вскоре из-за скалы показались двое мужчин, по особенному одеянию которых я догадалась, что это шаманы. Так и оказалось: от храма, к которому мы направлялись, шел шаман и его помощник, уже совершившие обряды для своей группы верующих и теперь возвращавшиеся домой. У меня было время в подробностях разглядеть их экипировку и атрибуты, поскольку шаман, поняв, что я хочу его сфотографировать, не только не возражал, но даже специально остановился и был готов позировать.

По возвращении в столицу Непала я уже собиралась к отъезду. Однако случился еще один приятный сюрприз: друзья сказали, что мы успеваем еще заехать в Лумбини, где родился Будда Шакьямуни. Это место находится в центральной части непальских террейнов (так называется северная оконечность Индо-Гангской низменности). Снова мы ехали в сыром тумане, но на повороте к Лумбини выглянуло солнце. Место это находится в стороне от населенных пунктов и дорог. Тишина и какое-то особое спокойствие царят тут. Здесь расположены два сравнительно недавно выстроенных буддийских храма — один северного типа, другой — южного, представляющих махаянскую и хинаянскую ветви буддизма. Около каждого имеется свой садик со скульптурами младенца Сиддхартхи. Монахи-махаянисты носят темные одеяния, а хинаянисты — ярко-желтые.

Чуть дальше, за невысокой оградой, раскинулся огромный парк, где можно увидеть результаты археологических раскопок — священные руины (остатки колонн дворца и других зданий). Немного в стороне, у пруда, лежит прямоугольная платформа, к которой с четырех сторон ведут пандусы — основание древней ступы. Сравнительно недавно возле этих руин, на возвышении, был построен храм, посвященный матери Будды, царице Махамайе. С площадки, на которой он расположен, взгляду археолога, имеющего на своем счету более двадцати полевых сезонов в Средней Азии и в Крыму, было хорошо видно, что эта земля хранит еще много неоткрытых тайн.

Вернувшись в Катманду, я успела только еще раз прогуляться по городу, навестить Боднатх. Потом был аэропорт, самолет «Аэрофлота», полет в Москву, а оттуда домой.

¹ И. П. Минаев — автор некоторых статей и главы в книге «Очерки Цейлона и Индии». СПб., 1878.

² В РО РНБ хранится ценнейшая коллекция непальских рукописей, привезенных Минаевым из Непала.

³ В нашей традиции прижилось название «королевство» для Непала, хотя вернее и точнее было бы называть его по-русски «царством».

⁴ Эта богиня идентифицируется с Дургой.

⁵ Малла правили примерно с XII до середины XVIII века. В настоящее время правит династия Шах. Нынешние короли живут в новом дворце, а старый лишь посещают в праздничные дни для совершения ритуалов.

Архимандрит Августин (Никитин)

Паломничество на «край земли»

Задумчиво идете, пилигримы,
И в ваших мыслях чуждые края.
Вы миновали дальние моря,
В скитаниях своих неутомимы.

Данте Алигьери¹

Традиция паломничества христиан к святым местам уходит в глубины веков. В древнерусской житийной и паломнической литературе имеется много сведений об Иерусалиме, Риме и Бар-граде, но летописи молчат об одном из известнейших паломнических центров Западной Европы, расположенном в северо-западной части Испании — Галисии городе Сантьяго-де-Компостела. Многие века европейцы называли Галисию «finis terrae» — «край земли». Именно так — мыс Финистерре — называется западная оконечность Иберийского полуострова и ныне.

Сантьяго-де-Компостела назван в честь Св. Иакова Старшего, первого из апостолов, умерших за Христа. В «Деяниях апостольских» говорится: «В то время царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежавших к церкви, чтобы сделать им зло. И убил Иакова, брата Иоаннова, мечом» (Деян. 12, 1–2).

Согласно испанскому преданию, апостол Иаков еще до своей кончины совершил путешествие в Испанию для проповеди христианского учения. Дойдя в своих странствиях до Испании, он принял мученическую смерть в городе, заранее указанном им самим². Согласно другому испанскому сказанию, апостол Иаков действительно был казнен в Палестине в 44 году, но тело мученика чудесным образом

© Архимандрит Августин (Никитин)

приплыло к берегам Галисии в лодке, ведомой ангелом³. Его останки были погребены в склепе, а в 820–830-х годах местный епископ Теодмир чудесным образом обрел древнеримский саркофаг с мощами Св. Якова (Сант-Яго). С тех пор городок Сантьяго-де-Компостела стал местом паломничества. Сюда начали стекаться пилигримы: сначала из Галисии, а со временем и из-за Пиренеев. С середины IX века этот город, затмевая славу большинства западноевропейских паломнических центров, соперничал с Римом. Здесь даже созывались поместные соборы Римско-Католической Церкви в 971, 1056 и 1114 годах⁴.

Первым известным паломником, прибывшим с большой свитой в 951 году в Сантьяго-де-Компостела из-за Пиренеев, был французский епископ⁵. В дальнейшем для паломников была проложена «дорога пилигримов» с постоянными дворами, где путники получали кров и еду.

В 997 году Сантьяго-де-Компостела подвергся нападению мусульманских войск. Город, церковь и святилище Св. Иакова были разграблены и разрушены, однако гробница апостола осталась нетронутой, и вскоре среди христиан сложилось убеждение, что Св. Иаков могущественнее мусульман⁶.

Култ Св. Иакова давал галисийцам и их соседям уверенность в божественной помощи, он был источником духовной силы, лежавшей в основе Реконкисты. По легенде, апостол появлялся на белом коне во главе крестоносных ополчений, поражая неверных. Таким он изображался и в испанской скульптуре: конный воин и победитель мавров. Апостола Иакова чтили и как врача-леча⁷.

Подобно евангельским волхвам, шедшим за Вифлеемской звездой, паломники ориентировались по Млечному пути — «дороге Св. Иакова». По народному поверью, святой начертал его на небе, чтобы указать направление Карлу Великому в походе против сарацин⁸.

В 1078 году при короле Альфонсе VI в Сантьяго-де-Компостела была начата постройка величественного собора. Основная его часть закончилась в романскую эпоху, но готика и Ренессанс также внесли свои изменения в его облик. Западный фасад был построен в стиле барокко во второй половине XVIII века.

Ватикан, казалось бы, должен был противиться оттоку части европейских паломников от «вечного города», но римские первосвященники, видя в Испании союзника в борьбе с германскими императорами, поддерживали культ Св. Иакова, и постепенно он стал международным. В средние века дорога в Сантьяго-де-Компостела была одной из важнейших культурных артерий Запада, благодаря которой устанавливались новые связи, в том числе и русско-испанские. Так,

в большом сводчатом зале новгородской Грановитой палаты, где ныне развернута экспозиция древнерусского прикладного искусства, можно увидеть нагрудную икону с образком из гагата. По сторонам нимба святого вырезано «S IAC — OB». Этот образок вышел из монастырской мастерской Сантьяго-де-Компостела, а русский ювелир XVI века заключил образок в серебряную со сканью и жемчугом оправу⁹.

Со второй половины XII века паломнический путь находился под охраной католического ордена «Св. Иакова с мечом» (или «Св. Иакова-меченосца»), который боролся с маврами вплоть до 1492 года — времени падения Гранады эмирата. Хотя в конце того же XV века земли ордена вошли в состав королевских владений¹⁰, он был распущен лишь в 1865 году¹¹.

За прошедшие столетия в Испании неоднократно менялись режимы правления, но традиция паломничества в Сантьяго-де-Компостела сохранилась до сегодняшнего дня. С недавних пор здесь стали бывать паломники и из России. От Ла-Коруньи, самого большого города Галисии, расположенного на побережье Бискайского залива, всего лишь около часа езды по железной дороге до Сантьяго-де-Компостела. В поезде можно встретить паломников, в руках у некоторых из них деревянные посохи, баклажки с водой. Их котомки-рюкзаки украшены морскими раковинами величиной с ладонь, а на шляпах — ракушки поменьше. В прошлом из уст в уста передавали рассказы о чудесах, творимых Св. Иаковом. К примеру, однажды конь некоего князя устремился вместе со своим седоком в открытое море. Благодаря вмешательству святого, князь вышел из волн невредимым, но оказался весь покрыт ракушками, поэтому изображения раковин сделались эмблемой Св. Иакова и отличительным знаком пилигримов. Они украшали постройки вдоль всего пути в Галисию¹².

За время нашего пути погода изменялась несколько раз, и, когда мы прибыли в город, моросил мелкий дождь. Следовало торопиться, потому что в Испании кафедральные соборы днем, с часу до четырех, обычно закрыты на время сиесты. Узнать нужное направление было не у кого, но вот из вокзального здания вышел падре в сутане и с зонтиком в руках, и паломники, не сговариваясь, потянулись за ним вверх по кривым и узким улочкам города.

Громада собора возникла внезапно. К счастью, оказалось, что его врата, как места особого поклонения, открыты для паломников с раннего утра до позднего вечера. Вступающих в собор встречает украшенный скульптурами работы мастера Матео «Портал Небесной Славы» (1168–1188). За многие столетия в соборе сложились свои паломнические традиции. Входя в него, богомольцы направляются к

средней колонне портала, увенчанной фигурой Св. Иакова. Основание колонны украшено причудливыми каменными узорами, к которым пилигримы прикладывают руку. Если каждый палец находит для себя свою маленькую нишу, паломник отходит от колонны довольный: апостол проявил к нему благоволение.

Из-под сводов лились звуки органа. Привратники в темно-вишневых облачениях с оплечьем указали путь к гробнице Св. Иакова, которая находится в подземелье под главным престолом. Поток паломников туда не прекращался ни на минуту. Перед входом в подземелье, расположенным с левой стороны от престола, горит зеленая лампочка, а у выхода с правой стороны — красная.

Спустившись, паломники видят надпись по-латыни: «*Sepulcrum Sancti Iacobi Gloriosum*» («Гробница Святого Славного Иакова»). Серебряная рака с его мощами находится в нише, отгороженной от паломников железной решеткой. Благодаря подсветке рака хорошо видна. Над ней укреплен восьмиконечная путеводная звезда. Паломники преклоняют колени у низенькой скамеечки, стоящей перед решеткой, и читают благодарственную молитву апостолу Иакову. В подземелье находится памятная доска, сообщающая, что папа Иоанн Павел II побывал в этом храме 9 ноября 1982 года и поклонился мощам святого.

Выйдя из подземелья, паломники проходят к апсиде. Алтарные украшения, находящиеся здесь, увенчаны серебряной статуей Св. Иакова, которая больше человеческого роста. Поднимаясь по ступеням, паломники оказываются за статуей и с благоговением прикасаются к ней. Спина статуи апостола, словно отполированная этими бесчисленными касаниями, сияет в лучах падающего на нее света.

По обеим сторонам от главного престола расположены скульптуры XVI века: слева статуя Заведее и справа Св. Саломии — родителей апостола Иакова. При взгляде на них вспомнилось евангельское повествование: при распятии Иисуса на кресте «были тут и женщины, которые смотрели издали» (Мрк. 15, 40); они же, «по прошествии субботы, купили ароматы, чтобы идти помазать Его» (Мрк. 16, 1). Среди них была и Саломия — мать Св. Иакова и Св. апостола и евангелиста Иоанна.

Паломники ставят в храме свечи. Можно купить обычную восковую свечу, а можно — и «лампариллос», толстую короткую свечу, помещенную в похожий на лампаду стаканчик красного цвета. Ежедневно здесь проходят тысячи паломников, и копоть от горящих свечей быстро загрязнила бы стены собора, поэтому установилась и другая традиция: перед каждой капеллой-часовней стоит столик, а на

нем — множество искусственных свечей с лампочками. Если бросить в щель монету в 10 песет и нажать кнопку, на одной из «свечей» загорится лампочка, которая будет светить в течение часа. Если опустить монету в 100 песет (немногим меньше доллара), электрическая свеча будет гореть 12 часов, а за 500 песет паломник может «затеплить» ее на 60 часов.

Интерьер собора поразили обилием резьбы, мрамора, позолоты. В перерывах между богослужениями в храме стоял сплошной гул голосов. Но есть для молящихся в храме и тихие уголки, где можно посидеть на скамье и подумать о Боге, о душе, о вечности. При входе в такие капеллы помещены предупреждения: «No foto», «No video».

Помимо европейцев в соборе можно было встретить японцев, африканцев. Щелкали затворы фотоаппаратов, мелькали фото-вспышки. Впрочем, здесь можно было снимать и без них: почти все приделы постоянно освещены. Кроме того, поскольку погода была пасмурной, собор освещался также еще и двумя огромными люстрами. Одна из них, со множеством хрустальных подвесок, находится при входе, а другая, бронзовая пятирукая, — в центре храма. В обычные дни в соборе совершается 12 литургий (месс), а в праздничные к ним добавляется еще одна, предназначенная специально для пилигримов, которая начинается в полдень.

Перед началом мессы паломники могут исповедаться. Вдоль южной и северной стен собора стоит по восемь исповедален. Над каждой из этих будочек помещено изображение ягненка и латинская надпись: «*Qui tollit peccatum mundi*». Это часть фразы, сказанной Иоанном Крестителем об Иисусе Христе: «вот Агнец Божий, Который берет (на Себя) грех мира» (Иоан. 1, 29). Над дверкой исповедальни указаны имя священника и время его дежурства. Еще одна надпись сообщает о «рабочем языке» исповеди. Помимо испанского языка здесь можно исповедаться на галисийском диалекте, а также на итальянском, немецком и венгерском языках.

Собор в Сантьяго-де-Компостела имеет два органа, помещенных посередине храма, напротив друг друга. Органист исполнял прелюдию И. С. Баха, и многие, сидя на скамьях, слушали ее.

До начала богослужения мы подошли к креслам для почетных гостей у главного престола. Всеобщее внимание привлекало висевшее над престолом огромное кадило. С помощью системы блоков во время торжественного архиерейского богослужения его опускают почти до самого пола. Это знаменитое «ботафумейро» настолько велико, что при каждении алтаря оно едва не задевает головы почетных гостей. Первое упоминание о соборном «ботафумейро» относится к

1322 году, но оно использовалось и ранее. Нынешняя система канатов была устроена еще в XVI веке. Во время мессы «царь-кадило» (*turibulum magnum*) раскачивают восемь кадильщиков — «тираболейрос».

В соборе есть и «tesoro» — сокровищница. Ее посещение платное: это один из источников средств на содержание храма. При входе в сокровищницу укреплен памятник о том, что папа римский Иоанн XXIII (1958–1963) посетил собор в 1954 году, будучи еще кардиналом А. Ронкалли. Здесь же находится каменная надгробная плита с вырубленной на ней надписью: «В этой могиле покоится слуга Божий епископ Теодемир, который умер в 13-й день ноябрьских календ, 885 года».

Дождь прекратился, и на соборной площади, ярко освещенной солнцем, нас ждало необычное зрелище — грузовик небывалой длины с надписью «TV», из которого выгружались конструкции для монтажа концертной площадки. Приближалось 9 сентября, когда, по благословению папы Иоанна Павла II, в Сантьяго-де-Компостела ежегодно собираются большие группы паломников из разных стран. Надписи на плакатах, расклеенных по городу, сообщали, откуда ожидаются особенно многочисленные группы. На сей раз они были из Лоретто, Парижа, Белфаста, Дрездена и Вильнюса.

На протяжении веков застройка в Сантьяго-де-Компостела велась хаотично, и паломникам для облегчения их ориентировки при осмотре храмов и монастырей вручают в местном туристическом бюро план города, который насыщен достопримечательностями. Время летело незаметно. Подошел вечер, и настала пора побеспокоиться о ночлеге. Если встать лицом к собору, то слева от него стоит величественное двухэтажное палаццо со старинной надписью: «Hostal de los reyes catolicos». Когда-то здесь останавливались именитые паломники, а ныне находится пятизвездочный отель. Самые состоятельные паломники могут позволить себе остановиться в его шикарных «кельях» с видом на собор, а те, кто менее обеспечен, отправляются в трехзвездочную гостиницу при монастыре Св. Франциска, расположенном в двух минутах ходьбы от Соборной площади. Самые бедные пилигримы ухитряются получить бесплатную крышу над головой в выставочном павильоне у церкви Св. Фруктоза. Скаты его крыши нависают над деревянным настилом, окружающим здание.

Неподалеку от собора стоит старинное трехэтажное здание — «Офис пилигримов». Открыв дубовую дверь, я поднялся по старинной лестнице на второй этаж, где расположилась небольшая очередь из притоившихся пилигримов. Они входили в бюро по одному, предъявляя миловидной сотруднице нечто вроде «паломнической

книжки». В ней были указаны города, лежавшие на их пути, даты прибытия и убытия, а также стояла печать, подтверждающая посещение данного места. Внимательно изучив такой «путевой лист», сотрудница бюро вписывала в красочно оформленный свиток имя паломника, и, бережно уложив сертификат в рюкзак, «дипломированный» пилигрим отправлялся в гостиницу. Всего же их в городе более сотни.

Получив место в скромном приюте для паломников, я снова отправился на Соборную площадь. Было полнолуние, и колокольни собора, освещенные снизу прожекторами, сверху заливал лунный свет.

В гостиничной комнате на столе лежала Библия, на стене висело деревянное Распятие, а под ним надпись, цитировавшая средневековый текст: «Господь наш возвеличил перед всеми другими своих апостолов Св. Петра и Св. Иакова <...>. Потому-то их города почитаются больше всех других. Рим — потому что Святой Петр проповедовал в нем и оросил римскую землю своей кровью. Компостела — потому что Святой Иаков, который среди остальных апостолов имел наивысшее достоинство, освятил его своим блаженным погребением, и там после него Бог творил чудеса <...>».

¹ Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968. С. 51.

² Добиаши-Рождественская О. А. Западные паломничества в Средние века. Пг., 1924. С. 29.

³ Даркевич В. П. Аргонавты Средневековья. М., 1976. С. 105.

⁴ Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 795.

⁵ Монтгомери Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976. С. 32.

⁶ Уотт У., Какиа П. Мусульманская Испания. М., 1976. С. 86.

⁷ Даркевич В. П. Указ. соч. С. 106.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 105, 108.

¹⁰ Корсунский А. Р. История Испании XI–XIII вв. М., 1976. С. 155–156.

¹¹ Христианство. Энциклопедический словарь. Там же.

¹² Даркевич В. П. Указ. соч. С. 105–106.

Архимандрит Августин (Никитин)

В старинной Мурсии

Летом 1992 года автор этой статьи участвовал в парусной экспедиции «Колумбиада-500», посвященной 500-летию открытия Америки. Три ладьи «Вера», «Надежда» и «Любовь», построенные по образцу древнерусских парусных судов на Петрозаводской верфи фирмы «Карелия-ТАМП», совершили переход из Генуи до Канарских островов. Несколько дней флотилия стояла в гавани Картахены, ожидая пока стихнет циклон. Знакомясь с городом, мы обнаружили автовокзал, откуда каждые 2–3 часа уходили автобусы в Мадрид. Ехать так далеко не было времени: циклон мог вот-вот ослабнуть, и наша флотилия должна была бы двинуться дальше. Реальной оказалась поездка в Мурсию, город, расположенный в 40 километрах к северу от Картахены.

Автобус помчал нас по дороге, прорезавшей мрачное ущелье. Как знать, может быть именно здесь пролегал путь первых христианских миссионеров, отправлявшихся в глубь страны? За окнами автобуса мелькали домики, на каменистых склонах виднелась скудная растительность. Иными оказались земли вокруг Мурсии. Полноводные реки и искусственные водоемы, как это было здесь уже в раннем средневековье при господстве мавров, орошали обширные сады. С давних пор в местечке Алькантарилья сохранилась нория — огромное колесо с черпаками для подъема воды (подобную норию автору этих строк довелось видеть в сирийском городе Хама).

Многие ремесла развивались в Мурсии и после того, как в XIII веке кастильский король Фердинанд III Святой отвоевал эти земли у мусульман¹. Отсюда изделия испанских ремесленников расходились по

всей Европе, достигая и Древней Руси. Вот что пишет в связи с этим современный исследователь: «Когда во Владимирском Успенском соборе вскрыли гробницу Андрея Боголюбского (ум. 1174), в ней обнаружили остатки облачения, в котором с честью и песнями благохвальными похоронили убиенного князя, в том числе замечательную шелковую ткань: на красном фоне по сторонам фантастических растений расположились львы с золототкаными мордами и золотые пугаи. Анализ технологии изготовления, цветовая гамма и детали орнамента позволяют отнести ее к изделиям шелкоткацких мастерских Испании»². Мурсийские шелковые промыслы славились на протяжении веков, и в одном лишь 1614 году, когда мусульман-морисков окончательно изгнали из этой провинции, здесь произвели 210 000 фунтов шелка³.

В истории русско-испанских связей интересны страницы, которые так или иначе связаны с Мурсией. Особое место в этом ряду занимает судьба дон Хуана Ван Галена, военного, ставшего жертвой интриг при королевском дворе. В конце 1815 года его арестовали и поместили в замок Марвелла, а затем в ратушу Малаги, в комнату для осужденных на смертную казнь. Дон Хуан доказал свою невиновность, и его освободили. Однако в 1817 году дон Хуана арестовали вновь и отправили в заточение в Мурсию. В темнице была ужасная сырость, так как поблизости протекала река Сегура. Через некоторое время узника перевезли в Мадрид, откуда он, отчаявшись, бежал в июне 1818 года в Англию, а затем отправился в Россию. В Петербург дон Хуан прибыл в декабре 1818 года. В ожидании зачисления на военную службу он посещал православные храмы и слушал пение, которое очень нравилось ему при печальном настроении духа. В своих заметках он описал впоследствии масленичные гуляния, пасхальную заутреню. В мае 1819 года его зачислили майором в Кавказскую армию. За два года пребывания в России дон Хуан побывал во многих уголках Кавказа, посетил Кахетию, жил в Тифлисе. Его записки, изданные в Лондоне в 1830 году, и теперь не утратили своей познавательной ценности⁴.

В августе 1846 года Мурсию посетил великий русский композитор М. И. Глинка. Окрестности города приятно поразили его. Он писал: «Мурсия славится долиной; по долине рассыпаны живописные хижинки. Яркая зелень составляет приятную противоположность с близлежащими горами из розового гранита»⁵.

Гордость Мурсии — кафедральный собор, возведенный в XIV столетии. В первой половине XVIII века его западный фасад был украшен в духе испанского барокко по проекту В. Асера⁶. Ныне собор со всех сторон окружен зданиями, и можно любоваться только этим фа-

садом. Когда-то здесь в восхищении стоял и Глинка, оставивший следующие строки: «Мурсия — весьма живописный город <...>; один из лучших соборов в Испании и колокольня, или огромная башня, еще более украшают город, который со всех сторон в большем или меньшем расстоянии окружен разноцветными горами»⁷. Композитору довелось прожить в Мурсии не один день, и он, не торопясь, ознакомился с местными святынями. Старинному городу действительно есть чем гордиться. Сыном этой земли был создатель лучших в испанской скульптуре религиозных образов Ф. Сарсильо (1707–1783). Жители Мурсии до сих пор любят его произведения. Во время торжественных процессий на Страстной Неделе члены церковного братства, облаченные в средневековые сиреневые одежды с высокими капюшонами, несут усыпанную розами статую Божией Матери.

В 1864 году в Мурсии побывал граф Е. А. Салиас, ставший в дальнейшем известным писателем. Двухлетний юноша посетил кафедральный собор, «памятник громадный и стоявший немало, строившийся целые века», а затем поднялся на 98-метровую соборную колокольню. «Лазил на колокольню не по лестнице, а по широкой дорожке, где проедет любая карета, — вспоминал впоследствии Салиас. — Великолепный вид с колокольни на окрестность или так называемую Huerta de Murcia, т. е. долину Мурсии. Это целое, далеко развернувшееся ярко-зеленое море <...>. Картину, которую я видел с этой колокольни при закате малинового солнца, передать невозможно»⁸.

Интересно сравнить эти строки с описанием, относящимся к XVIII веку: «Мурсия знатной в Гишпании город. Столица королевства Мурцианского, в изрядном и ровном месте, на реке Сегуре. На колокольне у здешней соборной святыни Екатерины церкви такая каменная лестница, по которой до самого шпица или верху в коляске ехать можно»⁹.

В 1932 году Мурсию посетил И. Г. Эренбург. До начала гражданской войны в Испании оставалось еще четыре года, но уже тогда в стране пахло грозой. Эренбург был свидетелем того, как люмпен-пролетариат разрушал храмы. Тогда считалось, что причиной народных бед является Церковь и ее служители. Переоценивать подобные взгляды пришлось позднее, а в те годы Эренбург писал о религии в присущей ему иронической манере. Однако даже сквозь пелену его сарказма можно видеть, какое благоговение испытывали испанцы к Пресвятой Деве Марии. «На Богоматери, которая охраняет Мурсию, добрая дюжина орденов, эти ордена были пожалованы braveм генералам, усмиравшим арабов, — писал Эренбург. — Знаки отличия генералы подарили Богоматери <...>. Эти дары аллегорические, но

Богоматерь принимает подарки и более существенные, как-то: драгоценные камни, золото высокой пробы, жемчуга. Безделушки, коими украшена эта защитница бедных, оцениваются во много миллионов песет. Кроме того, у покровительницы нищих 11 платьев, все, разумеется, из самого дорогого шелка, расшитого камнями»¹⁰.

Сегодня эти сокровища хранятся в церковном музее под надежным присмотром. В другом мурсийском музее, носящем имя Сарсильо, представлено около тысячи статуй, больших и малых, изготовленных для процессий в Страстную Пятницу, а также для празднования Рождества Христова.

Старинные храмы встречаются в Мурсии на каждом шагу, и каждый из них посвящен чтимому святому: Св. Петру, Св. Андрею, Св. Евлалии, Св. Николаю, Св. Михаилу и многим другим. Внутри они щедро украшены резьбой в стиле барокко. Имеются в городе и монастыри с богатыми книгохранилищами. В 1896 году с мурсийскими рукописными собраниями познакомился российский исследователь В. Пискорский¹¹.

В 1900 году в Петербурге состоялась первая выставка испанского искусства в России. Картина «Домовой двор в Мурсии», созданная П. Габриэлем¹², познакомила наших земляков с одним из тех уютных дворишков, которыми до сих пор славится этот город.

Подождал вечер. Еще раз взглянув на собор и миновав Епископский дворец, мы перешли по старинному мосту через Сегуру и отправились в обратный путь в Картахену.

¹ Кудрявцев А. Е. Испания в средние века. Л., 1937. С. 98.

² Даркевич В. П. Аргонаты Средневековья. М., 1976. С. 181.

³ Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. М., 1951. Т. II. С. 84.

⁴ Белозерская Н. Записки Ван Галена // Исторический вестник. 1884. Май. См. также: Хуан Ван Гален. Два года в России (гл. 7, 8, 13–18 – Кавказ) // Звезда. 1997. №3. С. 137–168.

⁵ Записки М. И. Глинки. Ч. IV // Русская старина. 1870. Т. 2. С. 434.

⁶ Малицкая К. М. Испания. М., 1935. С. 27.

⁷ Глинка М. И. Письма и документы // Литературное наследие. Л., 1953. Т. II. С. 366.

⁸ Салиас Е. А. Путевые очерки Испании. Собр. соч. М., 1900. Т. 24. С. 483.

⁹ Рот Рудольф. Достопамятное в Европе, то есть описание всего, что для любопытного смотрения света. СПб., 1761. С. 169.

¹⁰ Эренбург И. Г. Испания. М., 1932. С. 154.

¹¹ См.: Отчет В. Пискорского о заграничной командировке // Журнал министерства народного просвещения. 1898. Декабрь. С. 21.

¹² Первая испанская художественная выставка в С. Петербурге 1900 г. (Каталог картин). СПб., 1900. С. 14.

А. М. Прищепов

Прошлое и настоящее улиц испанских городов

«Испания для нас — terra incognita. Политические известия только сбивают с толку всякого, кто бы хотел получить понятие о положении этой земли», — так писал В. Г. Белинский¹. Даже сейчас, полтора века спустя, когда отношения между Россией и Испанией активизировались во всех областях, а политические события там уже не столь непредсказуемы, эта страна пока не лишилась в глазах многих наших соотечественников ореола загадочности.

Ныне путь в Испанию недолог: четыре часа полета. В XIX же веке на него потребовалось бы несколько недель, чтобы пересечь всю Европу и перевалить через Пиренеи. Прошлое столетие принесло Испании три войны и пять революций. На дорогах встречались разбойники. Все это не могло способствовать поездкам иностранцев по стране. Однако некоторые все-таки отправлялись в путь, чтобы изучить культуру, историю, познакомиться с повседневной жизнью Испании.

Наши земляки были единодушны в оценке этой страны. Вот, например, слова В. П. Боткина, автора «Писем об Испании», посетившего ее в 1845 году: «Красота Испании давно вошла в пословицу»². Композитор М. И. Глинка побывал в Испании одновременно с Боткиным и зафиксировал свои впечатления от увиденного в дневнике и в письмах. «Без сомнения, нет края любопытнее Испании во всех отношениях <...>». Испания не похожа ни на одну из других частей Европы <...>³. Совершенно забытый в наши дни писатель В. М. Сидоров путешествовал по Испании в 1889 году. В путевых арабесках «За Пиренеями» он написал: «Рассказы о Пиренейском полуострове <...> давно смущали меня и вели на дальний юго-запад, под сень финиковых пальм, под южное солнце <...>»⁴.

© А. М. Прищепов

Оказавшись в незнакомом городе, человек невольно теряется. Даже самые заядлые путешественники хотя бы на несколько мгновений чувствовали это. Такая растерянность объясняется несколькими причинами. Первая из них — масса новых впечатлений. Во-вторых, трудно решить, с чего начать знакомство с городом. И третье, не менее важное, — отсутствие ориентации, даже если перед поездкой изучить карту или план. Ничто не заменит живого опыта, который приобретается на улице. Двигаясь наугад, заблудившись, спросив путь у прохожих, вы свернете не в ту сторону, опять заблудитесь, но, наконец, выйдете к знакомому по фотографиям дворцу, собору или памятнику.

Мы пройдем по улицам Мадрида и Толедо — современной и старой столиц Испании.

Ныне мадридская улица — это многоцветный поток автомобилей и автобусов. Самыми оживленными являются основные магистрали города: Главная улица, улица Алкала, Большая улица, улица Принсе-са, проспект Кастельяна. Исторический центр является пешеходной зоной, поэтому большие грузовики и автобусы туда не заворачивают.

Автомобиль в Мадриде имеется почти у каждого, а велосипедисты очень редки: если велосипед порою и удобнее автомобиля, то его использование среди оживленного движения небезопасно. Мадрид уступает Петербургу по количеству жителей (в Мадриде живет около 3,5 млн чел.), но не по интенсивности уличного движения.

Из общественного транспорта в Мадриде есть автобус и метрополитен. Автобусы ходят по расписанию, которое вывешено на остановках; чтобы сесть в автобус, нужно стоять в очереди. Оплата проезда осуществляется прямо у водителя, который получает деньги и выдает билет. Сеть линий мадридского метро намного разветвленнее нашего, хотя расстояния между станциями невелики. В кассе на станции покупается либо одноразовый картонный билет с магнитной полоской, либо билет на десять поездок, причем в этом случае каждая поездка будет стоить в два с лишним раза дешевле. Под землей за пассажирами не ведется такое наблюдение, как у нас. На платформах установлены будки для дежурных, но они часто закрыты. Наверху в вестибюлях имеются телекамеры и экраны, но есть станции, оборудованные только автоматическими кассами. В отличие от нашего метрополитена здесь случаются проверки билетов прямо в переходах со станции на станцию.

В Мадриде существует система единых проездных билетов, годных для поездки в метро, автобусе и поезде. Есть три типа таких билетов: молодежный (до 21 года), обычный (для пассажиров от 21 года до 64 лет) и для пожилых людей (с 65 лет).

Лошади на испанских мостовых еще более редкое явление, чем велосипеды. Каждое утро специальный грузовик развозит лошадей, на которых полицейские осуществляют патрулирование, и в конце дня собирает их. В наш автомобильный век экипажи и кареты — элемент экзотики, рассчитанный на туристов, но, как ни странно, он отсутствует на испанских улицах. Туристы предпочитают современные автобусы с кондиционером, телевизором и баром.

Испанские водители вежливы. Если пешеход медлит, водитель помажет ему рукой, чтобы тот поскорее проходил.

Мадрид по праву считается зеленым городом. Особенно щедро засажены бульвары, хотя и на остальных улицах вдоль тротуаров растут деревья или кусты. Вместе с тем поражает замусоренность улиц испанской столицы. Урны, как и положено, имеются на каждой автобусной остановке, они укреплены на многих столбах, но люди не стесняются бросать пакеты, пустые банки из-под «кока-колы» прямо на газоны или запихивать их в щели люков, вентиляционные отдушины и т. п.

Приезжая в Мадрид, путешественники стремятся поселиться в центре города, обычно в районе площади Пуэрта-дель-Соль, что по-испански означает «Ворота солнца». Когда-то здесь находились городские ворота, через которые можно было наблюдать восход. Солнечные лучи «входили» в город. Ворота были снесены в XVI веке, чтобы расширить проезд. На освободившемся пространстве образовалась площадь, присоединившая к себе место одного из городских рынков.

Прежде Пуэрта-дель-Соль не была центральной. Ею считалась современная Городская площадь, а с начала XVII века центром столицы стала Главная площадь (в пяти минутах от Пуэрта-дель-Соль).

Важнейшим строением на Пуэрта-дель-Соль является Здание почт, появившееся здесь в 1768 году. Прежде в нем размещалось министерство внутренних дел, а после поражения в 1939 году Испанской республики здание было занято главным управлением безопасности франкистского государства. На фасаде укреплен памятник восстания, начавшегося на Пуэрта-дель-Соль 2 мая 1808 года. Возле Здания почт, в котором теперь находится один из административных органов Мадрида, прямо в асфальт тротуара вмонтирован бронзовый ноль, обозначающий начало отсчета километров по всей стране.

В середине площади — скульптура Венеры из белого мрамора, которая повсеместно называется Марибланка — Белая Мари. С 1630 по 1838 год эта скульптура венчала фонтан Пуэрта-дель-Соль. Фонтан вместе со статуей был убран в связи с реконструкцией площади,

но в 1986-м белоснежная Венера вернулась на прежнее место. На самом краю Пуэрта-дель-Соль находится установленное в 1967 году скульптурное изображение герба Мадрида: вставший на задние лапы медведь объедает плоды земляничного дерева.

В пяти минутах ходьбы от Пуэрта-дель-Соль находится всемирно известный музей Прадо, открывшийся в 1819 году.

Если смотреть на Мадрид с юго-запада, то на фоне города выделяются белые башни собора Альмудены, построенного в неоготическом стиле. Такое название имеет статуя Девы Марии, для хранения которой и был построен храм. Пресвятая Дева Альмудена — главная покровительница Мадрида. По легенде, ее статуя была привезена в Испанию апостолом св. Иаковом, который в I веке проповедовал христианство на Пиренейском полуострове. Верующие спрятали священную статую от арабов-завоевателей. Король Альфонс VI, отвовавший Мадрид в 1083 году, знал, что в городе спрятан чудотворный образ, но поиски его были безрезультатными. Только после молебна за их успех, когда во главе с королем по улице двигалась церковная процессия, из стены дома выпало несколько камней, и статуя предстала перед взорами верующих. Одни считают, что дом, в стене которого была обнаружена статуя, был кладовой для зерна, и от соответствующего арабского слова и произошло название Альмудена. Согласно другому объяснению, каждый крестьянин, приезжавший в Мадрид продавать зерно, обязательно оставлял перед Пресвятой Девой 1 алмуд своего продукта (алмуд — мера сыпучих веществ, приблизительно равная 1,8 л).

Статуя Богородицы на протяжении последующих веков хранилась в старинной мадридской церкви Санта Мария, а после ее сноса — в одном из монастырей. Собор Пресвятой Девы Альмудены был заложен в 1883 году прямо напротив королевского дворца. Работы шли крайне медленно. Незадолго до гражданской войны строительство вообще остановилось, но в 1944 году было возобновлено.

К настоящему времени собор возведен уже полностью, но внутри он почти пуст: на стенах отсутствует какое-либо убранство. Несмотря на это, собор в 1992 году был освящен папой Иоанном Павлом II.

О существовании реки Мансанарес, на берегах которой, как принято считать, расположен Мадрид, человек, впервые оказавшийся в испанской столице, может и не догадываться. Ничто в облике города не указывает на то, что где-то проходит его водная артерия. Узенькую ленточку с надписью «Мансанарес» можно увидеть в нижнем левом углу плана Мадрида, а на картах и планах центральной части города река может быть вообще не обозначена. На карте Мадрида

сороковых годов XIX века Мансанарес находится за городской чертой. Мансанарес имеет ширину около сорока метров, несудоходен, но изобилует рыбой.

XX веку Мадрид обязан появлением вычурного Дворца коммуникаций, напоминающего замок феодала, арены для проведения корриды на площади Вентас, ансамбля площади Испании с известным памятником Сервантесу и застройкой деловой части города. Самое высокое строение Мадрида — Башня Пикассо, сорокаэтажный небоскреб, следующее по высоте здание — Башня Европа. По обе стороны проспекта Кастельяна при въезде в город расположены два небоскреба-близнеца, которые образуют подобие гигантских ворот. Они называются Ворота Европы.

На северо-западном конце города в 1956 году была воздвигнута сорокаметровая триумфальная арка — Ворота Монклоа (по названию площади Монклоа). Это массивное сооружение из бетона, облицованное гранитом. Арку венчает квадрига Минервы — римской богини мудрости и войны. Надпись на латинском языке гласит: «Armis hic victoribus mens iugiter victura monumentum hoc. Anno MCMXXXVI — Anno MCMXXXIX» («Дух, который будет побеждать всегда, посвящает этот памятник победоносному оружию. 1936–1939» — перевод — мой).

Назвать Мадрид типично испанским городом нельзя. Его национальное своеобразие оказывается заслоненным небоскребами, дворцами из стекла и бетона и иными современными сооружениями. Из характерных испанских черт Мадрида можно, пожалуй, отметить лишь арену для боя быков.

Улицы испанских городов отличаются внешним видом магазинов и магазинчиков и большим доверием к покупателям. Хотя на ночь все торговые точки надежно закрываются на замок, опускаются решетки и металлические шторы, днем товар может быть выставлен прямо у входа в магазин — на отдельном стеллаже либо в ящиках. Обычно таким образом рекламируются продовольственные товары, сувениры и предметы домашнего обихода. Хозяин сидит рядом или наблюдает через стекло витрины за происходящим снаружи. Правда, это не относится к магазинам, расположенным на центральных улицах. Там принят обычный порядок: хотите посмотреть на товар — зайдите.

Из всех магазинов в Испании меня больше всего интересовали книжные. Испанцы мало читают, и многие деятели культуры считают это явление катастрофическим. Наибольшим спросом из всей печатной продукции пользуются газеты, особенно спортивные, и приложения к ним. Для пропаганды чтения издана специальная серия, в кото-

рой печатаются малые произведения Сервантеса, современных классиков, зарубежных фантастов. Эта серия называется «Альянс 100», и такие книжки стоят буквально гроши: 100 песет (3/4 доллара). Размеры книжечек позволяют носить их в кармане.

Один из красивейших городов Испании — Толедо. Он находится на высоком берегу Тахо, который, хотя и обмелел за истекшие века, но до сих пор считается одной из крупнейших рек Испании.

После отвоевания Толедо у мавров в 1085 году город стал столицей Кастилии. В 1561 году Филипп II перенес королевский двор в Мадрид, а Толедо остался церковной столицей Испании.

После Мадрида с его толпами туристов в Толедо относительно тихо и спокойно. Людно у собора на площади Аютаменто, у музея Эль-Греко. Отойдя же немного в сторону, вы окажетесь на какой-нибудь улице Синагоги или в переулке Дьявола, где в разгар сиесты (самое жаркое время — 13–14 часов) не встретите ни одного человека. Некоторые улочки настолько узки, что можно, если очень постараться, достать руками стены противоположных зданий.

Толедский собор в 1845 году посетил Глинка и играл в нем на органе. Строительство собора началось в 1226 году по инициативе архиепископа Хименеса де Рада. Проект толедского собора приписывается Перо Пересу. Строительство продолжалось более двух веков и завершилось лишь в 1493 году. На похвалы собору скупиться не принято: «первый в Испании и один из немногих в мире в том, что касается красоты и совершенства», «величественный и звучный гимн, в котором поет готика», «памятник гению нации». Французский искусствовед Е. Ламбер в своей книге «Толедо» пишет об этом здании: «С течением веков в нем накопилось столько разнообразных произведений искусства, что это сказочное богатство и необычайное разнообразие поначалу повергают в изумление. Кажется, что в нем заключена работа всех поколений испанских и даже зарубежных мастеров, начиная с XIII в. Но едва войдешь, как впечатление меняется <...>. То, что, может быть, поражает больше всего в нем, это гармоничное сочетание стольких стилей»⁵. Восьмидесятиметровая башня его видна еще с шоссе, ведущего от железнодорожного вокзала, и служит ориентиром путешественнику.

Мнение об Испании как о крайне религиозной стране — всего лишь стереотип, миф. Верующих там не больше, чем в любом другом государстве. В 1970 году верующими себя считали 87% испанцев, а в 1991 — 49%. Посетивший Испанию в 1883 году писатель Д. Л. Мордовцев писал в путевых заметках: «Нынешний испанец своим пренебрежением к церкви и к духовенству мстит за инквизицию, за застой своей страны <...>»⁶. Написано это было очень давно и сейчас, конеч-

но, уже не отражает истинного положения вещей. В том, что религия занимает незначительное место в жизни современного испанца, инквизиция, конечно, не виновата. Инквизиция (Священный трибунал) была учреждена в Кастилии в 1478 году, хотя королева Изабелла долго противилась этому. Пока на испанском престоле находился брат Наполеона Жозеф (1808–1814), инквизиция была отменена, но после изгнания французов и поражения революции 1815 года восстановлена и просуществовала до 1834. Костры пылали прямо на площадях, по которым теперь бродят туристы и где выставлены мирные лотки с открытками и прочими сувенирами. По конкордату с Ватиканом 1851 года католицизм был признан единственным официальным вероисповеданием в Испании. Согласно Конституции 1978 года (статья 16), гражданам гарантируется религиозная свобода. Власти обязаны поддерживать отношения и по мере надобности сотрудничать с представителями всех конфессий.

С Толедо связано имя св. Ильдефонсо, чей день отмечается 23 января. Св. Ильдефонсо жил в VII веке и был человеком ученым, скромным и необычайно красноречивым. Последние годы жизни он был толедским архиепископом и, согласно преданию, в уже упоминавшемся соборе получил из рук явившейся ему Богородицы чудесную ризу, предназначенную исключительно ему. Никто другой не мог надеть ее под страхом немедленной смерти.

Прямо на улицах старого города продаются сувениры — мечи и шпаги в натуральную величину. Это напоминание о знаменитых толедских клинках.

Охрану порядка на испанских улицах и площадях, в музеях и в метро осуществляют не только полицейские, но и люди в мундирах оливкового цвета. Это — Гражданская гвардия, или Испанская жандармерия. В России слово «жандарм» ассоциируется с агентом царской политической полиции, но в Испании жандармерия выполняет иные функции. Как и полиция, она призвана защищать от злоумышленников людей и их имущество. Если в населенных пунктах функции жандармерии неизбежно пересекаются с обязанностями полиции, то в малолюдных местах и на дорогах все заботы, связанные с охраной законности, ложатся исключительно на жандармов. Многие испанцы с неприязнью относятся к ним. У автолюбителей с ними свои счеты, а в общем, вероятно, еще сохраняется воспоминание о том, что жандармерия была одной из опор франкизма.

Испанская полиция делится на два вида: полиция национальная и муниципальная. Первая управляется из центра, а вторая подчиняется местным властям. Агенты национальной полиции одеты в темно-синие

костюмы. На груди у них эмблема с цветами государственного флага и надписью «Корпус национальной полиции». Нашивка на форме обозначает звание. Внешний вид муниципальных полицейских отличается большей нарядностью и разнообразием. Вероятно, дело в том, что муниципальная полиция является своеобразной визитной карточкой города. Отсюда и элементы парадного костюма, присущие муниципальной полиции: белая, голубая или цвета хаки рубашка, галстук, иногда аксельбант; погоны с изображением городского герба; в качестве головного убора — фуражка или берет.

Вечером жара спадает, но от этого улицы не становятся более людными, скорее, наоборот. Заполняются посетителями бесчисленные кафе, бары и рестораны. Кто-то приходит сюда просто поужинать, а кто-то и провести вечер. Мужчины садятся за игру в карты, в кости или просто листают газеты. Молодежь бывает смешанными компаниями. Согласно статистике, в Испании 133 000 баров (сведения 1993 года); это больше, чем во всех остальных странах Европейского Сообщества вместе взятых. На вопрос, выгодно ли содержать бар, когда вокруг столько конкурентов, владелец одного из них ответил, что крайне выгодно, потому что все свои дела люди решают здесь; особенно часто в барах бывают студенты, охотнее проводя время за столиками, чем на лекциях.

Проходит знойная ночь, и с утра все начинается сначала: первыми — часов в пять, когда еще темно, — на улицах появляются уборщики мусора, дворники и чуть позже разносчики газет. Постепенно занимают свои места те, для кого улицы являются рабочим местом: нищие, продавцы лотерейных билетов, чистильщики обуви, уличные музыканты. Так начинается всякое утро, будь-то выходной день или будний.

¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Л., 1956. Т. X. С. 353.

² Боткин В. П. Письма об Испании. Л., 1976. С. 9.

³ Глинка М. И. Литературные произведения и переписка. М., 1975. Т. 2-а. С. 248, 225.

⁴ Сидоров В. За Пиренеями. СПб., 1892. С. 2. Кроме этого, перу Василия Михайловича Сидорова (псевдоним Отрадин; умер предположительно в 1903 г.) принадлежат пять томов драматических сочинений (СПб., 1889–1896), «Стихотворения и драматические поэмы» в 3-х томах (СПб., 1890–1898), а также цикл путевых заметок «Окольной дорогой» (СПб., 1891), «Америка» (СПб., 1895), «По России» (в 2-х частях. СПб., 1894–1897). В этот же цикл входят и путевые заметки «За Пиренеями». В ИРЛИ (Пушкинском Доме) никаких других сведений о жизни писателя найти не удалось.

⁵ Lambert E. Tolède. Paris, 1925. P. 53, 99.

⁶ Мордовцев Д. Л. По Испании. СПб., 1884. С. 143. Даниил Лукич Мордовцев (1830–1905) — писатель, автор многочисленных исторических романов.

Сведения об авторах

Архимандрит Августин (Никитин) — доцент Санкт-Петербургской Духовной Академии. Основная тема исследований — история связей Русской Православной Церкви с Востоком и Западом. Автор монографий «Россия и США. Обзор церковных связей» (Миннеаполис, 1992–1994. Т. 1–3), «Православный Петербург в записках иностранцев» (СПб., 1996) и др., а также около 300 статей.

Екатерина Львовна Балашова — искусствовед, сотрудник отдела памятников декоративно-прикладного искусства КГИОП. Автор ряда статей по истории русской гравюры и литографии первой половины XIX в.

Александр Александрович Бовкало — помощник заведующего библиотекой Санкт-Петербургской Духовной Академии. Основная тема исследований — история Русской Православной Церкви в XX в. Автор ряда статей и публикаций.

Ирина Борисовна Верховская — искусствовед, старший научный сотрудник отдела рисунка ГРМ, хранитель фонда рисунков второй половины XIX в. Участник научных конференций, член авторского коллектива по составлению научного каталога рисунков второй половины XIX в. из собрания ГРМ. Автор ряда статей и публикаций.

Марина Вилловна Вершевская — историк, старший научный сотрудник ГМИИ. В музее с 1984 г. Занимается изучением общественно-политической жизни Санкт-Петербурга начала XIX в. и декабристского движения, а также историей Петропавловской крепости. Автор ряда выставок, статей и публикаций. Член Совета общества «Наследие декабристов» при Российском фонде культуры.

Надежда Николаевна Гончарова — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник ГИМ, хранитель фонда акварели и рисунка XIX в., автор ряда книг, в том числе «Е. М. Корнеев. Из истории

русской графики начала XIX века» (М., 1987), а также статей по истории русского искусства XIX в.

Ирина Петровна Ерохина — историк, научный сотрудник ГИМ, хранитель фонда архитектурной графики отдела изобразительных материалов ГИМа.

Сергей Аркадьевич Кожин — кандидат химических наук. С 1947 по 1983 г. работал на химическом факультете Ленинградского государственного университета. Автор более 50 научных работ.

Марина Анатольевна Кондрашова — искусствовед, старший научный сотрудник ГМИИ, хранитель фонда графики городов мира и России. Член авторского коллектива выставки «Петербург — путешествие».

Игорь Юрьевич Котин — историк-индолог, младший научный сотрудник МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Основная тема исследований — южноазиатская диаспора в Великобритании. Автор ряда научных статей и публикаций.

Елена Иосифовна Краснова — физик, председатель секции «История старого Петербурга» Совета содействия ГМИИ, член Совета Русского генеалогического общества. Автор книг «Демидовы. Родословная роспись» (Екатеринбург, 1992), «Большая Морская» (в соавторстве с Л. И. Бройтман; СПб., 1997), а также около 30 статей по истории Санкт-Петербурга и вопросам генеалогии.

Нина Георгиевна Краснодембская — кандидат филологических наук, индолог, этнограф, ведущий научный сотрудник МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Автор двух монографий и около 200 статей по проблемам языковедения, культуры и литературы народов Южной Азии, концепций выставок.

Валентина Николаевна Мазурина — историк, этнограф, археолог, старший научный сотрудник ГМИИ, хранитель восточного фонда. Специалист по этнографии Непала. Автор ряда научных публикаций и выставок.

Елена Николаевна Мастеница — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры музееведения Санкт-Петербургской государ-

ственной академии культуры. В ГМИСПб работает с 1983 г. Основная тема исследований — региональная культурология. Автор научных работ по музейной педагогике, истории музейного дела и петербурговедению.

Виктор Сергеевич Мешкунов — начальник отдела технических средств обучения Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. Изучает историю выставочного дела и промышленности России. Автор более 30 статей и публикаций.

Наталья Сергеевна Новотельнова — доктор биологических наук. Автор более 100 научных работ по микологии и фитопатологии, ряда статей об ученых-биологах. В 1992–1993 гг. стипендиат Фонда Сороса по проблеме «Биомногообразие».

Александр Михайлович Прищепов — лингвист-испанец, аспирант филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Валерия Александровна Прищепова (Вишневецкая) — кандидат исторических наук, научный сотрудник МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Занимается историей отечественной этнографии и историей МАЭ. Автор около 50 научных публикаций в России и за рубежом.

Владимир Михайлович Сыров — старший научный сотрудник ГМИСПб, хранитель фонда науки и техники. Занимается петербургским краеведением и историей промышленных фирм в Санкт-Петербурге. Автор ряда публикаций по краеведению и истории семьи Сименс в России.

Михаил Григорьевич Талалай — историк, литератор. Автор ряда статей и книг. В 1986–1991 гг. работал в Советском фонде культуры и участвовал в общественном движении за спасение памятников Ленинграда. С 1993 г. живет в Италии. Корреспондент газеты «Русская мысль», секретарь прихода православной церкви во Флоренции. С 1996 г. аспирант Института Всеобщей истории РАН по теме: «История русских церквей в Италии».

Ольга Михайловна Тихомирова — историк, старший научный сотрудник Музея истории таможенной службы Северо-Западного

территориального управления России. В музее работает с 1995 г. Тема исследований — история таможенной службы в Санкт-Петербурге. Автор ряда статей и выставок.

Татьяна Георгиевна Фруменкова — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Автор около 50 научных статей, участник научных конференций.

Ольга Семеновна Хижняк — кандидат философских наук, ученый секретарь ГМИР. Основные темы исследований — наука и общественная мысль Бурятии середины XIX – начала XX в. и буддийская иконография. Автор научных и просветительных публикаций, выставок, теле- и радиопрограмм.

Наталья Алексеевна Цветкова — инженер, начальник технического отдела Государственного оптического института, лауреат премии Совета Министров СССР (1983 г.) за создание новых оптических материалов. Автор 30 публикаций по теме: «Личность в истории».

Ксения Константиновна Чекоданова — филолог, старший научный сотрудник ГМИР. Занимается проблемами мифологии. Автор ряда публикаций, участник научных конференций.

Список сокращений

Архив СПб ФИВ РАН — Архив Санкт-Петербургского филиала института востоковедения Российской Академии наук	
АХ — Академия художеств	
Бюллетень АВ ЛО АН СССР — Бюллетень Архива востоковедов Ленинградского отделения Академии наук СССР	
ВБО — Всесоюзное (ныне Всероссийское) ботаническое общество	
ВИЗР — Всесоюзный (ныне Всероссийский) институт защиты растений	
ГИМ — Государственный Исторический музей	
ГМИСПб — Государственный музей истории Санкт-Петербурга	
ГМИР — Государственный музей истории религии	
ГРМ ОР — Государственный Русский музей, отдел рукописей	
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея	
ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук	
КГИОП — Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Администрации Санкт-Петербурга	
ЛГУ — Ленинградский государственный университет	
ЛОГАВ — Ленинградский областной государственный архив города Выборга	
МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук	
НИМ РАХ — Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств	
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки	
РБС — Русский биографический словарь	
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота	
РГБ ОР — Российская государственная библиотека, отдел рисунка	
РГИА — Российский государственный исторический архив	
РГПУ им. А. И. Герцена — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена	
РНБ — Российская Национальная библиотека	
ТАМП — Творческая ассоциация международных программ	
ФГГМиР ГМИСПб — Фонд графики городов мира и России ГМИСПб	
ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив Военно-морского флота	
ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив СПб	

Содержание

От составителей	5
Е. Н. Мастеница. Круг чтения русского путешественника в конце XIX — начале XX века (по материалам коллекции путеводителей библиотеки ГМИСПб)	7
М. А. Кондрашова. Фонд графики городов мира и России Государственного музея истории Санкт-Петербурга и его раритеты на выставке «Петербургец путешествует»	18
О. М. Тихомирова. История таможенной службы Санкт-Петербурга	29
Т. Г. Фруменкова. Путешествия из Петербурга в Архангельск в XIX веке и строительство Северной железной дороги	33
В. С. Мешкунов, В. М. Сыров. К истории создания электромагнитного телеграфа в России	42
И. Ю. Котин. Петр Великий в Оксфорде	49
Е. И. Краснова. Путешествие Н. А. Демидова	55
Е. Л. Балашова. Земля обетованная по изображениям русских паломников XVIII — середины XIX века	64
Н. Н. Гончарова, И. П. Ерохина. Рисунки к Первой русской кругосветной экспедиции 1803–1806 годов из собрания Государственного Исторического музея	74
И. Б. Верховская, Н. А. Цветкова. Художник-путешественник Ф. Ф. Баганц	81
М. В. Вершевская. Русское общество «на водах» Германии (по воспоминаниям протоиерея И. И. Базарова)	92
К. К. Чекоданова. Протоиерей А. А. Лебедев в Праге	101
В. А. Прищепова. О пребывании цесаревича Николая Александровича в Степном генерал-губернаторстве	109
А. А. Бовкало. Паломничества студентов Петроградского Богословского института	115
М. Г. Талалай. Петроград и Барград (о строительстве странноприимного подворья в Италии)	120
О. С. Хижняк. Б. Б. Барадийн о Далай-ламе XIII Тубтене Гьяцо (по материалам дневника путешествия 1905–1907 годов)	130
Н. С. Новотельнова. Афганистан и Индия глазами миколога-фитопатолога	142
С. А. Кожин. Мои встречи со Святославом Николаевичем Рерихом	154
Н. Г. Краснодембская. Два визита (об особенностях полевой этнографической работы в Шри Ланке)	159
В. Н. Мазурина. «Все здесь оригинально и любопытно» (заметки о поездке в Непал)	172
Архимандрит Августин (Никитин). Паломничество на «край земли»	181
Архимандрит Августин (Никитин). В старинной Мурсии	188
А. М. Прищепов. Прошлое и настоящее улиц испанских городов	192
Сведения об авторах	200
Список сокращений	204

Contents

Preface.....	5
<i>E. Mastenitsa</i> . Russian Traveller's Reading Sphere at the End of the XIXth to the Beginning of the XXth Century (According to the Guide-book Collection in the Library of the State Museum of the History of St Petersburg.....	7
<i>M. Kondrashova</i> . The Fund of the World's and Russian Cities' Graphic Views at the State Museum of the History of St Petersburg and Its Rarities at the Exhibition «Petersburger Travelling».....	18
<i>O. Tikhomirova</i> . History of the St Petersburg Customs.....	29
<i>T. Frumenkova</i> . Journeys from St Petersburg to Arkhangelsk in the XIXth Century and the Construction of the Northern Railway.....	33
<i>V. Meshkunov, V. Syrov</i> . From the History of Electro-magnetic Telegraph in Russia.....	42
<i>I. Kotin</i> . Peter the Great in Oxford.....	49
<i>E. Krashova</i> . Journey of N. A. Demidov.....	55
<i>E. Balashova</i> . «Promised Land» in the Works of Art Made by Russian Pilgrims in the XVIIIth to the Middle of the XIXth Century.....	64
<i>N. Goncharova, I. Yerokhina</i> . About the Drawings Made in Connection with the First Russian Round-the-World Expedition of 1803–1806 (From the Collection of the State Historical Museum).....	74
<i>I. Verkhovskaya, N. Tsvetkova</i> . Artist-Traveller F.-H. Bagantz.....	81
<i>M. Vershevskaya</i> . Russian Community at the German Spas (by Reminiscences of Archpriest I. I. Bazarov).....	92
<i>X. Chekodanova</i> . Archpriest A. A. Lebedev in Prague.....	101
<i>V. Prischepova</i> . Stay of Tsarevitch Nikolai Alexandrovich in the Steppe Province.....	109
<i>A. Bovkalo</i> . Pilgrimages of Students of the Petrograd Theology Institute.....	115
<i>M. Talalay</i> . Petrograd and Bargrad (About the Construction of the Hostel for Pilgrims in Italy).....	120
<i>O. Khizhnyak, B. B. Baradiyn</i> about Dalai-Lama XIII Tupten Gyatso (According to the Materials of Baradiyn's Diary of 1905–1907).....	130
<i>N. Novotelnova</i> . Afghanistan and India in a Mycologist-Phytopathologist's Estimation.....	142
<i>S. Kozhin</i> . My Meetings with Svyatoslav Nikolayevich Roerich.....	154
<i>N. Krasnodembskaya</i> . Two Visits (About Some Features of Ethnographical Work in Sri Lanka).....	159
<i>V. Mazurina</i> . «All is Unusual and Curious Here...» (Notes about the Journey to Nepal).....	172
<i>Archimandrite Augustin (Nikitin)</i> . Pilgrimage to the «Finis Terrae».....	181
<i>Archimandrite Augustin (Nikitin)</i> . In the Ancient Murcia.....	188
<i>A. Prischepov</i> . The Past and the Present of Spanish Cities' Streets.....	192
Information about the Authors.....	200
Abbreviations.....	204

Альманах «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга» зарегистрирован Северо-Западным региональным управлением комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург) № П2165 от 25 октября 1996 г.

Учредитель альманаха «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга» — Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Издательский орган музея — Научно-редакционный отдел, т. 238 42 15

Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Вып. III

серия:

Петербургец путешествует

Издание подготовлено НРО ГМИСПб

Редакторы Л. Н. Коннова, В. П. Мартыненко, В. А. Фролов

Корректоры Л. Н. Васильева, В. М. Петров

Подписано к печати 31. 03. 1998 г. Формат 60 x 88 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Уч. изд л. 13,0. Тираж 2 000 экз. Заказ 636.

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН.
1990034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12.

ПОСЕТИТЕ

Государственный музей истории Санкт-Петербурга

1. Музей-заповедник «Петропавловская крепость» предлагает экспозиции: «История Санкт-Петербурга—Петрограда. 1703–1917», «История тюрьмы Трубецкого бастиона», «История Санкт-Петербургского Монетного двора», «История ракетостроения и космонавтики. Газодинамическая лаборатория», экспозиционно-производственный комплекс «Печатня».

2. Шлиссельбургская крепость «Орешек». Экспозиция открыта с 15 мая по 15 октября, с 10 до 18 часов, без выходных.

3. Экспозиция «Ленинград в годы Великой Отечественной войны» в бывшем Румянцевском особняке (Английская набережная, 44).

Помимо этого имеются следующие филиалы:

1. Музей печати Санкт-Петербурга (набережная реки Мойки, 32).

2. Музей-квартира А. А. Блока (улица Декабристов, 57).

3. Музей-квартира С. М. Кирова (Каменноостровский проспект, 26–28).

4. Монумент героическим защитникам Ленинграда (площадь Победы).

Музей и филиалы работают с 11 до 18 часов.

Выходной день — среда.